

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

ТОМ 4

В ПЯТИ ТОМАХ

ЭКОНОМИКА СССР
В ПЕРИОД С 1921 ПО 1929 ГОДЫ.
ДЕНЬГИ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ЭКОНОМИКА ФРГ, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ,
США, ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ,
КИТАЯ, ЯПОНИИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

А Л Е Т Е Й Я

Экономическая история мира в 5 томах

Коллектив авторов

**Экономическая история мира. Том
4. Экономика СССР в период с
1921 по 1929 годы. Деньги и Вторая
мировая война. После Второй
мировой войны: экономика
ФРГ, Англии, Франции, США,
Латинской Америки, Китая,
Японии и Восточной Европы**

«Алетейя»

2018

УДК 338(091)+330.8

ББК 63.3(0)-2+65.02

Коллектив авторов

Экономическая история мира. Том 4. Экономика СССР в период с 1921 по 1929 годы. Деньги и Вторая мировая война. После Второй мировой войны: экономика ФРГ, Англии, Франции, США, Латинской Америки, Китая, Японии и Восточной Европы / Коллектив авторов — «Алетейя», 2018 — (Экономическая история мира в 5 томах)

ISBN 978-5-907030-05-3

Издание впервые объединяет историю развития мирового хозяйства и историю экономической мысли, включая философские концепции классиков экономической науки и экономические взгляды знаменитых философов. Будет незаменимо при подготовке к экзаменам кандидатского минимума по истории и философии экономики.

УДК 338(091)+330.8

ББК 63.3(0)-2+65.02

ISBN 978-5-907030-05-3

© Коллектив авторов, 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

1. Экономика СССР в период с 1921 по 1945 года	6
1.1. Хозяйство страны в период военного коммунизма	6
1.1.1. Декрет о земле. Социалистическая революция в деревне	6
1.1.2. Национализация банков, транспорта и промышленности	7
1.1.3. Предпосылки военного коммунизма	10
1.1.4. Сельское хозяйство и продразверстка	11
1.1.5. Военный коммунизм в промышленности	13
1.2. План ГОЭЛРО и Г. М. Кржижановский	15
1.3. Хозяйство страны в годы НЭПа	17
1.3.1. Предпосылки НЭПа	17
1.3.2. Восстановление сельского хозяйства. Кооперативный план	18
1.3.3. Торговля и финансы	20
1.3.4. Ленин и кооперативное движение – упущенные возможности	22
1.4. Хозяйство страны в годы довоенных пятилеток	28
1.4.1. Социалистическая индустриализация. Проблема накоплений и переход к административным методам	28
1.4.2. Промышленность в довоенные годы	30
1.4.3. Коллективизация сельского хозяйства	35
2. Экономический фактор в развязывании мировых войн	39
Введение	39
2.1. Экономическая мысль о природе и сущности империализма	43
2.2. Экономические противоречия накануне Первой мировой войны	50
2.3. Экономический коллапс империй	52
2.4. Основные экономические противоречия после Первой мировой войны	61
2.5. Усиление экономической мощи США	71
2.6. Экономические коллизии межвоенного периода	75
3. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны.	83
Восстановление и развитие хозяйства в 1946–1959 гг	
3.1. Мобилизация и эвакуация промышленности	83
3.2. Развитие военного производства	85
3.3. Сельское хозяйство, снабжение населения, финансы	86
3.4. Восстановление и развитие промышленности в 1946–1959 гг	88
3.5. Сельское хозяйство в 1946–1959 гг	90
4. Экономика ФРГ после Второй мировой войны	92
4.1. Экономическое «чудо» ФРГ и его причины	92
4.2. Объединение двух Германий и его следствия	94
4.3. Государство и экономика	96
5. Экономика Англии после Второй мировой войны	98
5.1. Последствия войны	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

**Экономическая история мира: в 5 т.
Т. 4. Экономика СССР в период с
1921 по 1929 годы. Деньги и Вторая
мировая война. После Второй мировой
войны: экономика ФРГ, Англии,
Франции, США, Латинской Америки,
Китая, Японии и Восточной Европы
Под общей редакцией заслуженного
деятеля науки Российской Федерации,
доктора экономических наук,
профессора М.В. Конотопова**

Редакционный совет:

М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (председатель),

О.Т. Богомолов, акад. РАН,

Ю.Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Б.В. Гусев, член-корр. РАН, засл. деят. науки РФ,

В.Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., профессор (зам председателя),

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф.,

В.А. Мартынов, акад. РАН,

П.П. Пилипенко, д.э.н., проф.,

М.А. Сокольников (ответственный секретарь),

С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Ю.А. Сулимов, к.э.н., доц. (зам. председателя),

В.П. Федоров, член-корр. РАН,

Н.П. Шмелев, акад. РАН

3-е издание, дополненное и доработанное

Авторский коллектив:

Ю. Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (17.1)

А.Ю. Егоров, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (1.2)

М. В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17.2, 17.3)

В. А. Марьяновский, д.э.н., проф. (1.3.4)

С. И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ (1,3,4,5,6,7,8,9,10,11,12,13)

С. Я. Лавренов д. полит.н., проф. (2)

1. Экономика СССР в период с 1921 по 1945 года

1.1. Хозяйство страны в период военного коммунизма

1.1.1. Декрет о земле. Социалистическая революция в деревне

Одним из первых декретов советской власти был Декрет о земле. В основу этого декрета был положен «крестьянский наказ», т. е. требование крестьян, которое было включено в программу партии эсеров как главный пункт этой программы. Таким образом, *декрет выполнял не большевистскую, а эсеровскую аграрную программу.*

Согласно декрету земля национализировалась, т. е. отменялась частная собственность на землю.

Между крестьянами для пользования согласно декрету земля делилась по общинному принципу уравнительного землепользования – поровну. Таким образом, декрет закреплял общинные отношения в деревне – общественную собственность на землю и общинное уравнительное землепользование.

В советской литературе обычно основное внимание уделялось тому, что по декрету земли помещиков конфисковывались без выкупа. Но если учесть, что к этому времени у помещиков осталось меньше 10 % земли, очевидно, это было не главным в содержании декрета.

Декрет, согласно представлениям большевиков, не совершал еще социалистической революции в деревне, поскольку он не был направлен против сельской буржуазии – кулаков. Он был направлен против помещиков, которые традиционно считались феодалами, хотя практически давно уже вели капиталистические хозяйства. Следовательно, он был **актом буржуазной революции.**

Согласно большевистской программе в социалистической революции рабочий класс в деревне действует в союзе с деревенской беднотой против деревенской буржуазии – кулаков. Но процесс разложения крестьянства на буржуазию и пролетариат в России существенно не продвинулся, поэтому основную часть крестьянства составляли не бедняки, а середняки. Если начинать борьбу бедняков против кулаков, большинство крестьян окажется между воюющими сторонами. Начинать такую борьбу было явно преждевременно и опасно. А эсеровский декрет привлекал на сторону советской власти всю деревню, все крестьянство.

Земля, согласно декрету, делилась между крестьянами по трудовой норме – по количеству работников в семье или по потребительской норме – по числу едоков в семье. *Этот общинный принцип уравнительного землепользования эсеры провозглашали как социалистический.* Если делить землю поровну, говорили они, то обеспечивается равенство условий труда между крестьянами, не будет деления на богатых и бедных, и капиталистическая эксплуатация будет невозможна. Эсеры взяли этот принцип у народников, преемниками которых они и являлись, а народники – в сельской общине.

Следующие действия советской власти в деревне были связаны с решением продовольственного вопроса. К весне 1918 г. в городах северной полосы России разразился голод. В Петрограде давали по карточкам 50 г хлеба в день, в Москве – 100 г. Население городов стало разбегаться по деревням. Между тем хлеба в стране было пока достаточно. Хлеб не поступал в города, потому что был нарушен товарооборот между городом и деревней: деньги обесценились, а промышленных товаров для обмена на крестьянскую продукцию почти не было. Надеяться, что крестьяне будут снабжать город бесплатно, не приходилось. Надо было добывать продовольствие силой.

Из городов по деревням двинулись **продотряды**. Это были небольшие вооруженные отряды рабочих, которые забирали обнаруженные запасы хлеба и отправляли в город.

Однако продотряды не только заготавливали хлеб. Они организовали деревенскую бедноту в **комбеды – комитеты бедноты**. Вначале перед комбедами ставилась узкая задача – помочь продотрядам. Городские рабочие не могли определить, у кого есть запасы хлеба и, тем более, где этот хлеб спрятан. Но это, как правило, знали свои деревенские бедняки.

Но практическое значение комбедов оказалось значительно шире, чем предполагалось вначале: они стали органом власти в деревне. От сельских советов, которые были выборными органами всего крестьянства, власть перешла к комбедам, органам диктатуры пролетариата, деревенской бедноты. В. И. Ленин считал, *что именно переход власти в руки комбедов явился социалистической революцией в деревне*. На этот раз все было точно по большевистской программе: рабочий класс города, продотряды в союзе с деревенской беднотой, объединенной в комбеды, одержал победу над деревенской буржуазией и взял власть в свои руки.

Комбеды провели дополнительный передел земли: отобрали у кулаков излишки земли сверх норм уравнительного землепользования, покончив тем самым с остатками столыпинской аграрной реформы.

Перед революцией Ленин считал, что переход к социализму в деревне невозможен «без общей обработки земли сельскохозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научно образованных агрономов», что необходимо «перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах».

Эта идея была закреплена февральским декретом 1918 г., по которому «на все виды единоличного землепользования» следовало «смотреть как на преходящие и отживающие» и создать «единое производственное хозяйство» страны. Это единое хозяйство, очевидно, предполагалось как общегосударственное, но пока стали организовывать коллективные хозяйства в форме коммун. Коммуны создавались по инициативе комбедов и продотрядов и состояли из бедноты и городских рабочих.

Коммуна – коллективное хозяйство с полным обобществлением всего имущества ее членов и с распределением доходов поровну. Поскольку принцип уравниловки не создавал материальной заинтересованности, впоследствии коммуны были признаны не совсем удачной формой ведения хозяйства.

Однако коммуны в то время были не столько хозяйственными, сколько политическими организациями. В их уставах ставились задачи борьбы с капиталом, распространения знаний и т. п. Одна из коммун, например, записала в своем уставе намерение открывать средние и высшие учебные заведения, столовые, библиотеки, издавать журналы и газеты. Меньше всего здесь говорилось об организации производства.

Впрочем, и возможностей вести полноценное хозяйство у коммун чаще всего не было. Когда безлошадные крестьяне и городские рабочие объединялись в коммуны, получалась безлошадная коммуна. Зато в распоряжение коммун передавалась часть продовольствия, конфискуемого у кулаков.

1.1.2. Национализация банков, транспорта и промышленности

Первым действием советской власти в области промышленности стало установление, а точнее – **законодательное закрепление рабочего контроля на предприятиях**. Еще при Временном правительстве на заводах стали возникать рабочие комитеты как органы революционной власти с всеобъемлющими функциями. Это и было потом названо термином «рабочий контроль». Система таких органов была закреплена ноябрьским декретом 1917 г.

Чаще всего заводские комитеты просто брали власть на предприятиях в свои руки. Впрочем, иногда, отстранив предпринимателей от управления, они потом предлагали им вернуться.

Дело в том, что рабочие не были достаточно компетентными, чтобы управлять производством. Как показало специальное обследование, только 87 органов рабочего контроля в Москве смогли установить финансовый контроль, т. е. контроль над экономикой производства. Было и другое: рабочие, считая предприятие теперь своей собственностью, продавали запасы и оборудование, а вырученное использовали на свои потребности.

Так же как Декрет о земле, рабочий контроль не соответствовал программе большевиков, которая предполагала всю промышленность объединить в руках государства. Перед революцией Ленин писал, что необходим государственный надзор и регулирование промышленности, что, в отличие от других органов старой власти, **государственный аппарат учета и контроля не следует уничтожать, его нужно сохранить и использовать**. В работе Ленина «Государство и революция» было сказано: **«Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного «синдиката»**. Поэтому при обсуждении Декрета о рабочем контроле были возражения, что он противоречит «плановому регулированию народного хозяйства и распыляет контроль над производством вместо того, чтобы его централизовать».

Декрет соответствовал программе анархо-синдикалистов, которые выступали против государства вообще, настаивая на передаче средств производства в руки трудящихся (синдикалисты-«профсоюзники»).

Итак, в этом деле столкнулись две противоположные тенденции: одна, которая исходила из программы большевиков, – централизовать производство под руководством государства, и вторая шла снизу, от рабочих, стремления которых и отражали анархо-синдикалисты, – передать производство в руки самих рабочих. **Как и в случае Декрета о земле, большевики были вынуждены на время отказаться от своей программы.**

Уже потом, в качестве теоретического обоснования декрета, было дано объяснение, что он выполнял две главные задачи:

1. Не допустить саботажа администрации, ее действий по расстройству производства. Предполагалось, что буржуазия будет сопротивляться революции, направленной против нее.

2. Научиться управлять производством. Органы рабочего контроля стали школой, в которой рождались первые советские директора из рабочих.

Борьба рабочих за самоуправление, за самостоятельность профсоюзов продолжалась еще несколько лет. Лишь в 1918–1921 гг. была разгромлена «рабочая оппозиция».

Рабочий контроль существовал недолго. Чтобы преодолеть его центробежную тенденцию, в декабре 1917 г. был создан первый советский орган по управлению хозяйством страны ВСНХ – **Высший совет народного хозяйства**.

Сложность заключалась в том, что буржуазное государство не имело функции управления хозяйством, а следовательно, и не было соответствующих органов. Надо было впервые создавать такие органы и вырабатывать методы государственного управления хозяйством. Но тут и сыграла свою роль особенность России, где на протяжении всей истории существовал большой государственный сектор хозяйства, государство регулировало хозяйственную жизнь, а во время войны функции государственного управления хозяйством усилились, и существовал бюрократический аппарат такого управления. И этот аппарат был теперь использован.

Сначала система государственного управления промышленностью строилась по образцу пирамидальной структуры советов, к которым она и была привязана: ВСНХ в центре и совнархозы на местах. Но оказалось, что управление промышленностью требует определенных знаний, компетенции, причем особых знаний по каждой отрасли. И тогда в состав ВСНХ под названием главков стали включать прежние, дореволюционные органы отраслевого управления, которые состояли из государственных чиновников и промышленников. Прежняя «Цент-

роткань» была переименована в «Центротекстиль», а «Расмеко» – Комитет по распределению металлов вошел в ВСНХ под прежним названием. Попадавшие сюда иностранцы обнаруживали в кабинетах ВСНХ тех же людей, с которыми они имели дело при прежней власти.

Создание государственного аппарата управления было шагом к национализации. Как известно, **национализация у нас была проведена в простейшей форме – простой конфискации без возмещения**. В. И. Ленин считал, что это не лучший способ национализации, что с национализацией вообще спешить не следует. Будет лучше, писал он, «если обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условиях выкупа». Это было бы лучше, потому что методов социалистического хозяйствования еще не существовало. Их предстояло еще вырабатывать, искать. А делать это было лучше не в условиях политической борьбы и разрухи. Капиталисты же могли действовать прежними капиталистическими методами.

Более того, широкая национализация первоначально не была частью большевистской программы. Она рассматривалась лишь как репрессивная мера при «особых обстоятельствах». Ленин разрабатывал теорию **«государственного капитализма»**, которая и должна была лечь в основу организации промышленности. Он восхищался централизованной государственной машиной управления хозяйством в Германии, созданной в военные годы, и увидел в России и Германии «две разрозненные половинки социализма»: в

России революция установила политический строй социализма, а в Германии была создана экономическая организация социализма.

По его проекту следовало путем соглашений с «капитанами промышленности», т. е. руководителями корпораций, образовать гигантские тресты, охватывающие целые отрасли промышленности, «которые с внешней стороны могут иметь вид государственных предприятий». Естественно, «капитаны» были «за». Например, известный глава концерна Стахеев в ответ на ленинскую идею предложил образовать металлургический трест, которым от имени государства должна была управлять его финансовая группа. Но эти теоретические построения были нереальны: **революция была социалистической, т. е. антибуржуазной, и логика ее развития требовала ликвидации буржуазной собственности**.

К тому же буржуазия не стремилась «культурно, организованно» переходить к социализму. Хозяева и администрация предприятий нередко бежали с советской территории, оставив предприятия без управления. В других случаях они действительно саботировали, явно или скрыто выступая против новых порядков. В подобной ситуации предприятие национализировалось в качестве репрессивной меры.

Первым в руки нового государства перешел Российский государственный банк. Это не было национализацией, поскольку он и прежде был государственным. Акционерные банки пока оставались в собственности прежних хозяев. Но поскольку логика революции требовала ликвидации капиталистической собственности, *декретом от 14 декабря 1917 г. были объявлены национализация всех банков в стране и государственная банковская монополия*. Принято считать, что это было ответом на саботаж администрации банков, которая нарушала соглашение с государством. В ходе национализации акционерные банки закрывались или становились отделениями Народного банка, как теперь стал называться бывший Государственный банк.

Вторым актом в деле национализации и стала **национализация транспорта, т. е. железных дорог, морского и речного флота**. Национализацию железных дорог облегчало то обстоятельство, что важнейшие дороги и прежде находились в государственной собственности. Правда, Викжель – Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников выступил против большевиков и объявил забастовку. Однако к лету 1918 г. национализация транспорта была закончена.

В ходе национализации промышленности можно выделить три этапа.

1-й этап – до весны 1918 г. Национализация на этом этапе шла стихийно. По разным причинам одно предприятие за другим переходило в собственность государства. Предприятия национализировались или потому, что были оставлены без управления хозяевами и администрацией, бежавшими от советской власти, или потому, что хозяева и администрация саботировали решения советской власти. На этом этапе предприятия национализировались в основном решениями рабочих комитетов. Они брали управление в свои руки, сообщали об этом в центр, а центр только подтверждал национализацию.

2-й этап – с марта по июнь 1918 г. Теперь национализация шла уже организованно, под руководством ВСНХ. От национализации отдельных предприятий государство перешло к национализации целых отраслей промышленности. В первую очередь было объявлено о национализации нефтяной и сахарной промышленности. Нефтяной – потому что в этой отрасли действовали тресты, наиболее высокоорганизованные монополии, аппарат которых можно было использовать для организации государственного управления. Сахарной – потому что она находилась преимущественно в руках помещиков, которым принадлежали посевы сахарной свеклы; и национализация этой промышленности непосредственно вытекала из Декрета о земле. Впрочем, эта национализация была преимущественно декларативной: основные районы нефтяной и сахарной промышленности находились вне сферы, контролируемой советской властью.

3-й этап начался в июне 1918 г., когда декретом была объявлена национализация всей крупной промышленности, т. е. всех предприятий с капиталом свыше 1 млн руб.

Издание декрета не означало, что все крупные предприятия сразу, автоматически перешли в руки государства. Советское государство тогда издавало именно декреты, а не законы. **Декрет – нечто среднее между законом и воззванием. Издавая декреты, государство не поручало их исполнение конкретным органам, поэтому их выполнение определялось конкретной расстановкой сил на местах.**

В апреле 1918 г. была объявлена **национализация внешней торговли**: отныне внешней торговлей могло заниматься только государство. Впрочем, в это время Советское государство находилось в экономической изоляции, его вообще не признавали как государство, поэтому декрет о национализации внешней торговли имел лишь принципиальное значение для будущего.

1.1.3. Предпосылки военного коммунизма

Война отрезала Украину, Сибирь, Урал, Кавказ. Эти районы давали 90 % добываемого в стране каменного угля, почти всю нефть, 85 % железной руды, 70 % стали, весь хлопок. В руках Советского государства оставался только центральный район, правда, район, наиболее насыщенный фабриками и заводами, но здесь не было топлива и сырья для этих заводов.

Началась **разруха**. Она проявлялась в катастрофическом сокращении промышленного производства. В 1920 г. было получено в восемь раз меньше промышленной продукции, чем в 1913 г. *Производительность труда, т. е. среднее количество продукции на рабочего, упала в четыре с лишним раза.* А это значит, что происходило не только количественное, но и качественное изменение – от машин возвращались к ручному труду.

Одной из главных трудностей было положение с топливом. Главные угольные и нефтяные районы, Донбасс и Кавказ, были отрезаны, поэтому пришлось переключаться на дрова и торф. Для населения была введена дровяная повинность: каждый трудоспособный человек должен был за полмесяца заготовить 2 кубических сажени – 16 кубометров. К лесам в спешном порядке проводились железные дороги.

Но дрова и торф пригодны не для всякого производства. На торфе нельзя плавить металл. В 1920 г. выплавка чугуна составила только 2,4 % довоенного уровня.

Без металла и топлива не могло действовать машиностроение. Большинство машиностроительных заводов было закрыто, в оставшихся действовали только отдельные цеха, в которых техника преимущественно ремонтировалась. Хлопчатобумажные фабрики прекратили работу, потому что не было хлопка.

В крайне тяжелом положении находился транспорт. Гражданская война шла в основном вдоль дорог. По железным дорогам шли военные эшелоны, а бронепоезда были одним из традиционных боевых средств. Но война разрушает. Из 70 тыс. верст железных дорог европейской России только 15 тыс. оставались неразрушенными, 60 % паровозов вышло из строя. Естественно, точные графики и расписания не соблюдались. Нередко поезд останавливался, и пассажиры выходили заготавливать топливо для паровоза – ломали окрестные заборы и сараи.

Особенно существенной стороной разрухи было то, что удельный вес крупной, фабрично-заводской промышленности сокращался: эти предприятия не могли действовать без налаженных связей, без регулярного поступления топлива и сырья. И по мере того, как они прекращали работу, все более преобладавшими становились мелкие, мелкотоварные, кустарные и полукустарные заведения.

Очевидно, **главной задачей в этих условиях стала мобилизация всех оставшихся ресурсов на нужды обороны. Это и стало главной целью политики военного коммунизма.** Но поскольку в условиях разрухи перестали действовать экономические регуляторы хозяйственной жизни – деньги, рынок, прибыль, материальная заинтересованность, их приходилось заменять принуждением, мерами административного, а не экономического порядка. Поэтому **политика военного коммунизма означала военную диктатуру с широким применением принудительных мер в хозяйстве.** Однако следует оговориться, что эта вынужденность мер составляла лишь одну сторону политики военного коммунизма. К полному определению этой политики мы еще вернемся.

1.1.4. Сельское хозяйство и продразверстка

Если в 1917 г. хлеба в стране было еще достаточно, то к 1922 г. посевные площади сократились более чем вдвое и значительно упала урожайность. По сравнению с предвоенными годами урожай 1920–1921 гг. уменьшился почти втрое. Вдвое сократилось поголовье скота. В результате нарушения товарооборота между городом и деревней сельское хозяйство стало натуральным, т. е. не производило товарной продукции. Получить продовольствие для города теперь стало возможно только путем принуждения.

Главной мерой военного коммунизма в деревне стала **продразверстка**: крестьяне должны были сдавать все продовольствие, за исключением необходимого для жизни минимума, сначала по твердой государственной цене, т. е. за номинальную плату, а потом и совсем бесплатно.

Правда, Наркомпрод в обмен на хлеб иногда отправлял в деревню промышленные товары, которые удавалось добыть, но их получали не те, кто сдавал хлеб: промтовары распределялись преимущественно среди бедняков.

Само название «продразверстка» отражает противоречивость этого понятия: разверстывалось то количество продовольствия, которое надо было заготовить, т. е. объем заготовок определялся не наличием товарных «излишков» у крестьян, а государственными потребностями. Естественно, для выполнения своей задачи продовольственные органы были вынуждены забирать у крестьян не только «излишки».

Продразверстка была введена с начала 1919 г.: беспорядочные поиски «излишков» продотрядами были заменены плановой системой, при которой количество хлеба, которое было минимально необходимо для армии и для рабочих, разверстывалось на сельские районы.

Комбеды были распущены, органами власти в деревне снова стали сельские советы. Дело в том, что комбеды, действуя в интересах только бедняков и объявляя врагами советской власти не только кулаков, но и середняков, направляли карательные действия против тех, кто производил хлеб, разрушали их хозяйства, тогда как сами бедняки продовольствия не производили, а только потребляли.

Правда, советы должны были действовать по классовому принципу, но когда приходило время сдавать «излишки», срабатывали уравнилельные рефлексy сельсого схода: вместо того чтобы возложить весь груз поборов на зажиточных крестьян, его распределяли пропорционально возможностям.

Планы хлебозаготовок регулярно срывались. В 1918 г., при комбедах, план заготовок был выполнен на 38 %. В 1920 г. он был выполнен на 34 %. Это и стало, пожалуй, основной причиной ликвидации комбедов.

Одной из причин было **«осереднячивание» деревни**, которое стало результатом перераспределения земли комбедами. Доля относительно крупных хозяйств с посевами свыше 8 десятин сократилась с 9 % в 1917 г. до 1,7 % в 1920 г., а доля хозяйств с посевами до 4 десятин увеличилась с 58 до 86 %. Мелкие хозяйства не только меньше производили, но и сами потребляли весь свой продукт, не производя излишков. У них нечего было взять. Таким образом, «осереднячивание» сокращало приток продовольствия в город.

Торговля продовольствием была запрещена, потому что она могла вестись лишь в обход разверстки: ведь всю товарную продукцию надо было сдать государству. Впрочем, запрещалась она и потому, что считалась важнейшей составной частью буржуазной экономики.

В программе партии 1919 г. провозглашалась **«замена торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов»**.

Все продовольствие поступало в распоряжение Наркомпрода и распределялось в городах по карточкам. Но тогда еще не было сети государственных магазинов, да и снабжение продовольствием бесплатно или по номинальной цене не являлось торговлей, поэтому продукты и промтовары распределялись через потребительские кооперативы. Такие кооперативы при предприятиях еще во время Первой мировой войны закупали в деревнях продовольствие и распределяли среди своих членов. Теперь они были привязаны к советской административной машине и превращены в единую распределительную сеть. В 1919 г. специальным декретом вся кооперация была преобразована в распределительную организацию – **«потребительскую коммуну»**. При этом производственные кооперативы ликвидировались, а их имущество передавалось потребительским.

Впрочем, государство по карточкам могло обеспечивать людей лишь таким минимумом продуктов, который позволял не умереть от голода. Нормы были голодные. Самый высокий месячный паек, который полагался для рабочих военных заводов, составлял в среднем в месяц 10 кг муки, 1–2 кг крупы, 800 г сахара, 400 г жиров, 1–2 кг мяса. Но так как у государства не хватало продуктов, то официальная норма не обеспечивалась. Самые большие пайки получали рабочие военных заводов: 3–5 кг муки, половину положенного мяса и сахара (400 г сахара и 0,5–1 кг мяса), четверть жиров (100 г) в месяц. Остальные получали еще меньше. Контрастом общей нищете населения были привилегии партийных чиновников, которые могли позволить себе тропические фрукты, личные автомобили, содержать любовниц и т. д.

Из всех продуктов, поступавших в города, только 35–40 % проходило через государственную распределительную сеть. Остальную часть давали **«мешочники»**. Официально считалось, что это спекулянты-перекупщики, и репрессии против них были довольно суровые. В действительности же обычно это были горожане, которые ездили в деревню, чтобы обменять на продовольствие одежду, обувь, предметы собственного быта. Власть была вынуждена идти на уступки. В результате забастовки петроградских рабочих по их требованию рабочим было разрешено привозить из деревни мешки с продовольствием, но только не более полутора пудов.

После этого часть зарплаты рабочим стали выдавать промышленными товарами, которые производило предприятие, для обмена их на хлеб и картошку.

1.1.5. Военный коммунизм в промышленности

В промышленности **военный коммунизм означал полную национализацию, централизацию управления и внеэкономические методы хозяйствования.**

В 1918 г. дело закончилось национализацией крупных предприятий. Но с усилением разрухи эти крупные предприятия прекращали работу, их удельный вес уменьшался, и в 1920 г. они составляли только 1 % от всех зарегистрированных предприятий, и на них была занята только четверть рабочих страны.

В конце 1920 г. была объявлена национализация средних и мелких предприятий. В руки государства переходили все предприятия с механическим двигателем, на которых было занято более 5 рабочих, и заведения без механического двигателя, на которых трудилось более 10 рабочих. Таким образом, национализации подлежали теперь не только капиталистические предприятия, но и такие, которые Ленин относил к докапиталистической стадии простого товарного производства.

Для чего? Сами эти предприятия как производственные единицы государству не были нужны. Обычно этот акт национализации объясняется тем, что масса мелких предприятий создавала анархию, не поддавалась государственному учету и поглощала ресурсы, нужные для государственной промышленности. Очевидно, все-таки *решающую роль сыграло стремление к всеобщему учету и контролю, к тому, «чтобы все работало по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку»*, как требовал Ленин. В результате национализации мелкие заведения обычно закрывались. Впрочем, у властей было много других забот, и до национализации мелких заведений дело часто не доходило.

Другим проявлением военного коммунизма в промышленности была **строгая централизация управления, или система «главкизма»**. «Главкизма» – потому что все предприятия каждой отрасли подчинялись своему отраслевому главку – отделу ВСНХ. Но главное заключалось не в том, что предприятия подчинялись своим центральным органам, а в том, что все экономические отношения прекращались и использовались административные методы. Предприятия бесплатно получали от государства все необходимое для производства, бесплатно сдавали готовую продукцию. **Бесплатно, т. е. без денежных расчетов.** Рентабельность, себестоимость продукции теперь не имели значения.

Важным элементом военного коммунизма была **всеобщая трудовая повинность**. Она была провозглашена как закон еще в 1918 г., с появлением нового Кодекса законов о труде. **Труд теперь рассматривался не как товар, подлежащий продаже, а как форма служения государству, как обязательная повинность.** «Свобода труда» была объявлена буржуазным предрассудком. Буржуазным элементом объявлялась и заработная плата. «При системе пролетарской диктатуры, – писал Бухарин, – рабочий получает трудовой паек, а не заработную плату».

Эти теоретические положения были реализованы в январском декрете 1920 г., которым регламентировалась мобилизация населения на разного рода **трудовые повинности – топливную, дорожную, строительную** и др. Только на лесозаготовки в первой половине 1920 г. было мобилизовано 6 млн человек, тогда как рабочих в то время числилось около миллиона.

Сначала предполагалось, что принудительный труд будет применяться только к «буржуазным элементам», а для рабочих стимулом к труду будут классовое сознание и революционный энтузиазм. Однако от этой гипотезы вскоре пришлось отказаться.

Троцкий говорил: «Мы идем к труду общественно-нормированному на основе хозяйственного плана, обязательного для всей страны, т. е. принудительного для каждого работника.

Это основа социализма». Троцкий в то время был одним из главных руководителей страны и выражал общие представления партии.

Уклонение от трудовой повинности считалось дезертирством и каралось по законам военного времени. В 1918 г. для нарушителей были организованы исправительно-трудовые лагеря, а для повинных в антисоветской деятельности – концентрационные.

Вариантом трудовой повинности были и трудовые армии: с прекращением военных действий военные формирования не распускались, а превращались в «трудовые», выполняя наиболее срочные работы, не требовавшие специальной квалификации.

1.2. План ГОЭЛРО и Г. М. Кржижановский

Война всегда требует больших расходов от государства. Между тем обычных источников государственных доходов больше не было. Налоги были отменены, пошлины в условиях экономической изоляции государства не собирались. Не могло быть теперь и иностранных займов. Поэтому **военные расходы покрывались «чрезвычайными» способами.**

Во-первых, это были **чрезвычайные налоги с буржуазии.** Строго говоря, это были не налоги, а просто конфискация государством сохранившихся у буржуазии ценностей: золота, серебра, драгоценных камней.

Во-вторых, расходы покрывались путем **бумажно-денежной эмиссии** – усиленного выпуска бумажных денег, которые, впрочем, теперь деньгами не считались и поэтому назывались «расчетными знаками». Количество таких денег за годы Гражданской войны, по явно преуменьшенным данным, увеличилось в 44 раза. Естественно, это вело к инфляции. К 1920 г. стоимость бумажного рубля упала в 13 000 раз по сравнению с уровнем 1913 г.

Это привело к тому, что деньги вообще вышли из обращения. **На рынке денежный обмен сменился натуральным.** Обменивали товар на товар, не желая продавать что-либо за деньги, и в связи с этим произошла **«натурализация» оплаты труда.** Обесценившиеся деньги не могли обеспечить жизнь рабочего, поэтому труд оплачивался натурой. В конце 1920 г. деньги составляли только 7 % заработной платы, а остальные 93 % составляла натуральная часть: продовольственные пайки, квартплата, коммунальные услуги (квартплата теперь не взималась) и т. п. В результате стала ненужной банковско-кредитная система и банки были закрыты.

Но политика военного коммунизма была не только вынужденной. **Это была попытка перейти к коммунистическим безденежным отношениям.** Ленин впоследствии писал, что это была попытка «непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране».

Советские теоретики считали тогда, что главное в переходе к новым отношениям – отказ от денег, ведь капитал – это деньги. Не будет денег – не будет и капитала. Поэтому инфляция – это даже хорошо: она разоружает капиталистов, лишает их капитала, основы их господства. И нормированное распределение продовольствия – тоже хорошо! – поровну и без денег. В этом видели основу будущего коммунистического распределения.

Война кончалась. На переходе к восстановлению хозяйства в феврале 1920 г. была создана Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО) во главе с Г.М. Кржижановским. **План ГОЭЛРО** являлся планом не только электрификации, хоть задача электрификации страны и занимала в нем главное место, и даже не только планом восстановления хозяйства. **Это был план социалистической индустриализации,** построения хозяйственной базы нового общества, т. е. он намечал выполнение той задачи, ради которой и было создано новое государство. Ключом для преобразования хозяйства на новой основе должен был стать самый совершенный вид энергии – электричество. Ленин не случайно характеризовал план ГОЭЛРО как вторую программу партии – именно в таком преобразовании хозяйства заключалась теперь задача.

Программа должна была произвести огромное, вдохновляющее впечатление на современников. За 10–15 лет намечалось построить 30 крупных электростанций общей мощностью 1,5 млн кВт. На основе потока электроэнергии предполагалось не только реконструировать промышленность, но и создать условия для социалистической перестройки сельского хозяйства. За 10–15 лет планировалось восстановить довоенный уровень промышленности и уве-

личить, по сравнению с этим уровнем выпуск продукции тяжелой промышленности в 2 раза, а легкой – в 1,5 раза.

Утопист и фантаст Г. Уэллс, приехав в Россию и увидев разоренную страну, не мог поверить в реальность этого плана. Главу о своей встрече с Лениным он назвал «Кремлевский мечтатель». Он писал: «Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех утопистов, в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной, равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, в которой почти угасли торговля и промышленность».

План ГОЭЛРО не был таким планом-директивой, как последовавшие за ним пятилетки. Он определял лишь основные принципиальные направления развития.

1.3. Хозяйство страны в годы НЭПа

1.3.1. Предпосылки НЭПа

После окончания Гражданской войны Советское государство перешло от политики военного коммунизма к **новой экономической политике**. Разруха не могла прекратиться сама собой с окончанием войны. Самая низкая точка разрухи, самый низкий уровень производства приходился на 1921 г., когда война была уже закончена. Для прекращения разрухи и перехода к восстановлению хозяйства надо было изменить экономическую политику, потому что политика военного коммунизма имела совсем другие цели. **А какой должна быть эта новая экономическая политика, диктовалось конкретной обстановкой.**

1. Это диктовалось прежде всего *мелким, раздробленным, т. е. преимущественно докапиталистическим характером хозяйства*. Сельское хозяйство, в котором была занята большая часть населения страны, состояло из крестьянских хозяйств, т. е. находилось на докапиталистической стадии. В промышленности за годы Гражданской войны было разрушено в основном крупное фабрично-заводское производство и преобладали теперь мелкие кустарные и полукустарные заведения, т. е. заведения докапиталистического уровня. Эти мелкие хозяйства нельзя было национализировать, нельзя было использовать в качестве основы для подъема экономики. Надо было сначала перейти от этих мелких хозяйственных единиц к крупным предприятиям, т. е. сделать то, что обычно происходит при переходе к капитализму.

2. *Крестьяне были недовольны продразверсткой*. Это недовольство проявлялось в восстаниях в Тамбовской и Воронежской губерниях, в Поволжье и в Сибири. Вершиной этого недовольства был мятеж в Кронштадте.

Продразверстка лишала крестьян заинтересованности в производстве товарной продукции. В условиях продразверстки крестьянин был материально заинтересован лишь в том, чтобы производить минимум продукции, который был необходим для его собственного потребления, чтобы не отдавать хлеб городу. И насильственные меры здесь помочь уже не могли: у крестьянина нельзя было отобрать то, чего он не произвел.

3. *Государство было не в состоянии накормить рабочих*. Спасаясь от голода, рабочие уходили в деревню. В стране оставалось немногим больше 1 млн рабочих.

Все это и определяло содержание новой экономической политики. *Это была политика восстановления товарооборота между городом и деревней, а следовательно, политика восстановления товарно-денежных отношений вообще. А восстановление товарно-денежных, т. е. экономических отношений, требовало, в свою очередь, перехода от административных к экономическим методам хозяйствования.*

Это была политика использования буржуазных элементов в экономике для восстановления и развития хозяйства. Почему было необходимо использовать эти буржуазные элементы? Потому что каждому уровню производительных сил соответствуют свои производственные отношения, и если производительные силы находятся на докапиталистическом уровне, то нельзя «внедрить» в них социалистические отношения. Надо сначала поднять, подтянуть производительные силы до уровня развитого капитализма, а уже потом можно переходить к социализму. А чтобы поднять, надо использовать капиталистические отношения, соответствующие этим производительным силам.

Следует заметить, что **интерпретация нэпа постепенно менялась**. Вначале нэп рассматривался только как временная уступка, временное и вынужденное отступление перед капитализмом; не предполагалось восстановление товарно-денежных отношений. Восстановлены они были лишь под давлением экономического процесса. «Кооперация мелких хозяй-

чиков» рассматривалась лишь как разновидность капитализма. Идеалом оставалась работа в едином государственном хозяйстве «по одному общему плану» и «по общему распорядку». Активную силу страны составляли люди, воспитанные Гражданской войной, и методы принуждения им казались естественными и для мирного строительства.

Существенно изменились представления руководителей большевистской партии о путях строительства социализма. Многие из них писали теперь, что надо учиться торговать, что социализм – это американская техника и организация трестов, что **социализм – это государственный капитализм, обращенный на пользу всего народа; что «строй цивилизованных кооператоров – это есть строй социализма», что изменение взглядов на кооперацию означает «коренную перемену всей точки зрения на социализм».** Нэп теперь рассматривался не как вынужденное отступление перед капитализмом, а как путь строительства социализма через торговлю, хозрасчет, кооперацию. В этом новом социализме находили место не только торговля и кооперация, но даже промышленные корпорации типа капиталистических монополий.

1.3.2. Восстановление сельского хозяйства. Кооперативный план

Решающим актом перехода к нэпу стала **замена продразверстки продналогом**, т. е. налогом продуктами сельского хозяйства. По объему продналог был меньше разверстки, он охватывал до 20 % сельскохозяйственной продукции. У крестьянина появлялся стимул к расширению производства; уплатив налог продуктами своего хозяйства, остальную часть товарной продукции он мог пустить в продажу. Продналог – компромиссная, временная мера – вводился лишь потому, что промышленность еще не была восстановлена и государство не могло дать крестьянину за весь необходимый хлеб продукты промышленности. Продналог составлял минимально необходимое для армии и для рабочих количество хлеба, а остальное должно было обмениваться на продукты промышленности.

Это решение о переходе к продналогу, принятое весной 1921 г., повлекло за собой и все остальные элементы нэпа.

Восстановление сельского хозяйства было тогда первоочередной задачей, которую необходимо было решить для восстановления промышленности: без хлеба рабочие не могли работать, поэтому для перехода к восстановлению промышленности надо было сначала получить продовольствие.

Сельское хозяйство не находилось в руках государства, поэтому прямое руководство восстановлением миллионов крестьянских хозяйств было невозможно. Государство было вынуждено лишь стимулировать этот процесс различными, преимущественно экономическими мерами. Сама экстремальность ситуации заставляла отказываться от административных методов.

К числу этих мер следует отнести сам переход к продналогу. Но в этом заключалось и противоречие. Переход от продразверстки к продналогу, конечно, повышал заинтересованность крестьян в расширении своего хозяйства и увеличении производства товарной продукции, но только до известных пределов. *Продналог взимался по классовому принципу: очень мало с бедняков и очень много с кулаков. Поскольку к кулакам относили тех «культурных хозяев» (по выражению Н. И. Бухарина), которые становились на фермерский путь, т. е. переходили к товарному хозяйству и старались дать стране максимум товарной продукции, то и продналог тормозил рост товарности сельского хозяйства, хоть и в меньшей степени, чем разверстка.*

Государство стимулировало подъем сельского хозяйства также первоочередным восстановлением производства промышленных товаров для деревни, в том числе сельскохозяйствен-

ного инвентаря и машин, а также закупкой таких товаров за границей. Конечно, снабжение деревни инвентарем и машинами способствовало восстановлению сельского хозяйства, но главное заключалось не в этом. Получить эти товары крестьяне могли лишь в обмен на свою продукцию, т. е. для их получения должны были сначала произвести эту продукцию. Иными словами, **первоочередное восстановление производства товаров для деревни** было первым шагом в восстановлении товарооборота между городом и деревней.

Государство помогало деревне также агротехнической пропагандой: в деревню направлялись агрономы и зоотехники, для крестьян устраивались агротехнические курсы. В 1923 г. в Москве была открыта Всероссийская сельскохозяйственная и промышленно-кустарная выставка (будущая ВДНХ).

Но главным направлением государственной политики в деревне в это время было содействие кооперированию крестьян.

В чем заключалась сущность кооперативного плана? Крестьянство – это класс феодального общества. Чтобы перейти к социализму, оно должно пройти через капитализм, т. е. через расслоение на сельский пролетариат и сельскую буржуазию. В результате возникнут крупные капиталистические хозяйства, которые потом можно будет превратить в социалистические. И этого стихийного пути развития сельского хозяйства не могла остановить даже классовая политика советской власти – помощь беднякам и действия против кулаков. К 1925 г. 30 % крестьян не имели рабочего скота, а 38 % составляли крестьяне с посевом менее 2 десятин и без посева. Кулаки, по расчетам того времени, составляли 6–7%.

При разработке кооперативного плана были использованы труды А. В. Чаянова, крупного специалиста по вопросам кооперативного движения. В основе плана лежало использование материальной заинтересованности крестьян. Крестьяне заинтересованы в том, чтобы производить для продажи больше продукции, выгодно и без хлопот продавать эту продукцию, покупать в обмен промышленные товары, в том числе сельскохозяйственную технику. Но для этого надо было еще объединиться в кооператив, чтобы не ездить торговать в город поодиночке, конкурируя между собой, а сбывать продукцию через кооператив и через кооператив же закупать необходимые промышленные товары. Машины крестьянину не по карману, но можно объединиться в машинный кооператив, в складчину, и, получив кредит, купить машины и сообща их использовать. В районе, который специализируется на молочном животноводстве, имеет смысл на паевых началах построить заведение по переработке молока и изготовлению сыра, что тоже не по силам отдельному крестьянину.

Постепенно таким образом можно дойти и до объединения кооперативными связями всех хозяйств.

Именно с таких кооперативов – сбытовых, потребительских, машинных – и началось кооперирование в годы нэпа. В эти кооперативы объединялись, естественно, относительно зажиточные крестьяне, те, которые производили товарную продукцию. Входившие в них крестьянские хозяйства создавались единоличниками, следовательно, не было еще здесь обобществления средств производства, лишь некоторые средства производства (машины, сыроварни и т. п.) оказывались здесь в общей собственности.

Бедняки, которые не производили товарной продукции (да и себя не могли полностью обеспечить), в таких кооперативах участвовать не могли. Они объединялись в производственные кооперативы, которые принято было называть коллективными хозяйствами, колхозами, а не кооперативами, и которые противопоставлялись кооперативам. Было три вида колхозов: коммуны, артели и ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли). О коммунах мы уже говорили, в артелях обобществлялись основные средства производства, а в ТОЗах даже сохранялась частная собственность на эти средства, объединялся только труд. Однако колхозы и совхозы, хотя и пользовались особыми льготами и получали существенную помощь от государства, давали лишь около 1,5 % сельскохозяйственной продукции.

В кооперативах в 1925 г. состояли около 1/4 крестьян, а в 1928 г. – 55 %. Кооперативы играли главную роль в восстановлении товарооборота между городом и деревней. Уже в 1925 г. кооперативный товарооборот составлял 44,5 % розничного товарооборота страны. В районах специализированного сельского хозяйства – льноводческих, свеклосахарных, молочного животноводства – кооперация охватила подавляющее большинство крестьян.

Крестьянские кооперативы стали объединяться в отраслевые организации. Появились Хлебоцентр, Льноцентр, Плодоовощсоюз, Маслоцентр и др. Они объединяли сбыт и снабжение кооперативов в масштабе страны, организовывали кредит и защищали интересы кооператоров.

Рост сельскохозяйственного производства после войны начался не сразу. В 1921 г. ослабленную войной страну постигла засуха. В большинстве хлебных губерний хлеб погиб. Сократилось поголовье скота. Миллионы людей умирали от голода. В следующем году хозяйство еще не оправилось от природного бедствия. Только с 1923 г., года очень урожайного, сельское хозяйство пошло на подъем. *В 1925 г. сельскохозяйственной продукции было получено на 12 % больше, чем в 1913 г., в том числе в земледелии на 7 % и в животноводстве на 21 %.* Хлеба в стране теперь производилось на 11 % больше, чем в предвоенные годы. Превысило довоенный уровень и поголовье скота.

Однако узким местом восстановленного сельского хозяйства была его **низкая товарность**. Ведь до революции основную массу хлеба на рынок давали кулаки и помещики, а крестьяне вели преимущественно натуральное хозяйство. Поэтому простое восстановление крестьянского хозяйства не могло решить проблему снабжения города. Низкая товарность проявлялась и в том, что в земледелии изменялась доля отдельных культур. По сравнению с довоенным периодом увеличились площади под картофелем и рожью, сократилась доля земли под пшеницей, хлопком, льном, сахарной свеклой. *Иными словами, уменьшилась доля товарных культур, увеличилась доля грубых продовольственных культур, которые обеспечивали жизнь крестьянской семьи.*

1.3.3. Торговля и финансы

В период военного коммунизма торговля была запрещена. И при переходе к нэпу вначале не предполагалось возвращаться к торговле, товарно-денежным отношениям. Вместо торговли на переходе к нэпу предполагалось наладить *«социалистический продуктообмен»*, т. е. *безденежный обмен товарами между городом и деревней с дальнейшим безденежным нормированным распределением этих продуктов*. То, что не удалось установить «коммунистическое распределение», по нынешним представлениям вполне закономерно. Продуктообмен провалился не потому, что рано еще было переходить к коммунистическим отношениям, а лишь потому, что капиталистический рынок все еще оставался «сильнее нас». Государство пока еще печатало не деньги, а «расчетные знаки», чтобы подчеркнуть их отличие от денег, свойственных буржуазному обществу.

Но поскольку не предполагалось возвращаться к торговле и государство к этому не готовилось, то именно в сфере торговли частный капитал завоевывал наиболее сильные позиции. В разгар нэпа в руках капиталистов находилось 75 % розничной торговли, и только в 1925 г. удельный вес капиталистического сектора торговли понизился до 43 %. А всего в это время были **три сектора в торговле – капиталистический, кооперативный и государственный**, и на втором месте за капиталистическим шел кооперативный сектор. Именно кооператоры, а не государство вытесняли капиталистов из сферы торговли.

Естественно, в это время цены на рынке складывались в зависимости от соотношения спроса и предложения. Эта рыночная стихийность стала одной из причин кризиса сбыта в 1923 г. В 1923 г. был принят первый перспективный план развития промышленности на 1923–

1928 г., была сделана первая попытка перейти к индустриализации. Простейшим способом получить накопления крестьян для индустриализации было повышение цен на промышленные товары для деревни. Хозяйственники получили рекомендацию повышать цены на промышленные товары. *Промышленность, объединенная уже в синдикаты, могла диктовать цены рынку.* И за несколько месяцев 1923 г. цены выросли в два с лишним раза, а цены на сельскохозяйственную продукцию в это время, наоборот, упали: 1923 г. был урожайным. Произошло расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, так называемые **«ножницы цен»**.

Чтобы купить плуг, в 1913 г. надо было продать 10 пудов ржи, в 1923 г. - 36 пудов. В некоторых губерниях, чтобы купить пару сапог, крестьянин должен был продать 44 пуда муки. Но крестьяне не стали покупать товары по этим вздутым ценам, и вместо высоких прибылей и быстрых накоплений началось затоваривание: товары лежали на складах; заводы, не имея выручки, останавливались. *Таким образом, кризис 1923 г. был следствием первой попытки перехода к индустриализации, попытки реализации плана «сверхиндустриализации» Троцкого.*

В первые годы нэпа инфляция продолжалась. В 1922 г. 100 тыс. рублей совзнаками стоили 1 довоенную копейку. Но когда стало очевидным, что без торговли не обойтись, потребовалась **денежная реформа**: без денег торговать нельзя. Такая реформа обычно проводится одновременно: старые деньги объявляются недействительными и обмениваются на новые. Но размеры инфляции не позволяли провести реформу таким образом. Сначала в 1922 г. было пущено в обращение лишь ограниченное количество новых денег. Эти новые деньги стали называть **червонцами**, для отличия от прежних, что не совсем правильно: червонцем принято называть купюру в 10 рублей, а новые деньги были разного достоинства. Они были обеспечены драгоценными металлами. Более того, чеканились монеты из серебра, золота и даже платины, причем бумажные купюры разменивались на металлическую монету, что, естественно, подтверждало их ценность для населения. **Эти деньги были конвертируемыми: они свободно обменивались на основные иностранные валюты по довоенному курсу царского рубля (1 американский доллар равен 1,94 рубля).**

И с 1922 по 1924 г. **в обращении были деньги двух видов**: старые совзнаки, которые все более обесценивались, и новые, имевшие твердый курс. Только в 1924 г. совзнаки вышли из обращения.

С восстановлением денег были восстановлены и кредитные учреждения. В 1921 г. снова открылся **Госбанк**, а в 1922–1925 гг. возник ряд специализированных банков: **акционерные** – для кредитования разных отраслей хозяйства, **кооперативные** – для предоставления кредитов потребительской кооперации, **общества взаимного кредита** – для кредитования частной промышленности и торговли, сберкассы. Пайщиками банков были синдикаты, кооперативы и частные лица. Банки уже начали конкурировать между собой, стараясь привлечь депозиты через повышение процента и перехватить клиентов выгодными условиями кредита. В 1926 г. действовали уже более 60 банков.

Таким образом, к 1926 г. в стране не только было восстановлено хозяйство после страшной разрухи, но и сложились благоприятные условия для дальнейшего развития. Действовали рыночные отношения, стимулировавшие развитие производства. Наряду с государственными предприятиями, вполне успешно приспособившимися к условиям рынка, в хозяйственной жизни участвовали капиталистические предприятия, кооперативы, а крестьянство все более вовлекалось в кооперативные объединения.

1.3.4 Ленин и кооперативное движение – упущенные возможности

Особенности современного состояния кооперативной формы хозяйствования в нашей стране во многом определяются теми представлениями о ней, которые сложились не только у экономистов, социологов, историков, юристов, но и в обыденном сознании людей за прошедшие после революции десятилетия. Значительное влияние на эти представления оказало и оказывает ленинское наследие, посвященное кооперации.

Возрождение кооперативов и кооперативной собственности как экономического отношения, равноправного с другими формами собственности невозможно без взвешенного и критического пересмотра сложившихся теоретических представлений о кооперативной собственности и в первую очередь идеализированной оценки ленинских работ по вопросам кооперации как особого учения.

Отношение В. И. Ленина к кооперации в короткий, но насыщенный событиями период с конца 1917 г. до начала 1923 г. было далеко не однозначным и заранее predetermined. Его подход к социально-экономическим функциям кооперации, видам и направлениям развития определялся не только объективной обстановкой, конкретными экономическими условиями и задачами, стоявшими в данный исторический момент, но и изменением самих представлений о кооперации.

В этой связи можно выделить два этапа в развитии взглядов В. И. Ленина на социально-экономические функции и место кооперации. Первый – период Гражданской войны (1918–1921 гг.); второй – начало новой экономической политики (1921–1923 гг.).

До революции и на определенном историческом отрезке времени после нее Ленин исходил из теоретического представления о социалистическом обществе как едином потребительном обществе с планомерно-организованным производством для потребления. Анализ ленинских работ – статей, материалов, выступлений – за период с 1918 по начало 1920 г., посвященных вопросам кооперации, подтверждает это документально. Рассмотрим их в хронологической последовательности.

Март 1918 г. В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» подчеркивается: «Кооператив если он охватывает общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм».

Здесь же В. И. Ленин говорит о необходимости «найти практически осуществимые, удобные, подходящие для нас формы перехода от частых, раздробленных кооперативов к единому всенародному кооперативу»¹.

Декабрь 1918 г. В речи на III съезде рабочей кооперации В. И. Ленин отмечает: «Все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся – такова задача победы социализма»².

Март 1919 г. В проекте программы РКП(б) ставится задача: «...чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху донизу охватывающий всю Советскую республику кооператив»³.

2 февраля 1920 г. В. И. Ленин на первой сессии ВЦИК VII созыва говорит: «...мы можем сказать с уверенностью, что вся Советская республика может быть, через несколько недель,

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 162.

² Там же. Т. 37. С. 356.

³ Там же. Т. 38. С. 121.

а может быть, через небольшое число месяцев превратится в один великий кооператив трудящихся»⁴.

Что же понимал Ленин под единым кооперативом в данном контексте и можно ли утверждать, что здесь речь идет о кооперативе в прямом смысле этого слова – добровольном объединении людей с целью осуществления определенной экономической деятельности, на основе личного материального участия, самостоятельности и самоуправления?

Объективно для развития кооперативного движения в обществе необходимы определенные социально-экономические предпосылки: достаточно высокий уровень развития товарного производства и наличие соответствующих демократических свобод. Все эти предпосылки в годы, предшествующие революции, были налицо, что и обусловило быстрое развитие кооперативов России в период после 1905 г. Однако Первая мировая война подорвала производительные силы страны, поставив народное хозяйство на грань экономической катастрофы. К октябрю 1917 г. бумажный рубль уже обесценился почти в 15 раз. После революции в результате острой нехватки продовольствия и других товаров, а также непрерывной эмиссии и стремительного роста цен стоимость необходимого для поддержания жизни и работоспособности человека пищевого пайка на рынке удваивалась примерно каждые два месяца⁵.

В сложившихся условиях нормальное осуществление хозяйственной деятельности кооперативных организаций в сферах распределения, обмена и потребления оказалось практически невозможным. Однако аппарат, который создала российская кооперация: материально-техническая база и служащие, можно было использовать в экономической жизни страны.

Учитывая объективную обстановку, Ленин ставит вопрос о способе использования этого аппарата для организаций заготовки и распределения продуктов среди населения.

В первую очередь был организован жесткий централизованный контроль за распределением продуктов и предметов первой необходимости в масштабах всей страны. Советское правительство устанавливает государственную монополию на основные продукты питания (хлеб, чай, соль, сахар). Заготовка всех продуктов могла производиться исключительно органами Наркомпрода по твердым ценам. Частью комплекса мероприятий, который получил название политики военного коммунизма, явилось и включение всех кооперативных организаций в сфере распределения, обмена и потребления в единую государственную систему распределения.

Декретом Совнаркома от 14 декабря 1918 г. Московский народный банк, осуществлявший кредитование кооперативов, был национализирован и весь его актив и пассив перешел в Народный банк РСФСР⁶.

В начале февраля 1919 г. В. И. Лениным было подготовлено письмо для наркоматов продовольствия, финансов и ВСНХ «О мерах перехода от «буржуазно-кооперативного к пролетарско-коммунистическому распределению». В нем прямо ставится задача превращения кооперации в коммуны. «Вся трудность задачи (и все содержание настоящей, немедленно перед нами стоящей задачи), – подчеркивал В. И. Ленин, – состоит в том, чтобы выработать систему практических мер перехода от старой кооперации (по необходимости буржуазной, поскольку выделяется слой пайщиков, составляющих меньшинство населения, а также по другим причинам) к новой и к настоящей коммуне»⁷.

Эти указания нашли отражение в Декрете Совнаркома «О потребительских коммунах» (16 марта 1919 г.), который предусматривал принудительное объединение всех имею-

⁴ Там же. Т. 40. С. 102–103.

⁵ Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. С. 101.

⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. М., 1957. Т. 1. С. 30.

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 471–472.

щихся в городах и деревнях кооперативов в одну потребительскую коммуну. В нее входило все поголовно население данной местности: каждый гражданин обязан был немедленно стать членом коммуны и приписаться к одному из распределительных пунктов; неприписавшиеся лишались права на получение продуктов по карточкам. Вступительные взносы и паи отменяются. Все местные потребительские коммуны объединялись в губернские союзы, единым центром всех союзов являлся Центросоюз.

Таким образом, анализ ленинских работ и выступлений по вопросам использования кооперации в сфере распределения, обмена и потребления (кредитных, сбытовых, потребительских) в период с конца 1917 г. по 1920 г. позволяет сделать вывод, что под общегосударственным кооперативом В. И. Ленин имел в виду обязательное объединение всего населения страны в единую, сверху донизу охватывающую всю страну коммуну для осуществления строжайшего централизованного учета и контроля над движением продуктов и предметов первой необходимости в соответствии с классовым (пролетарским) принципом распределения.

Вопрос об использовании кооперации как формы хозяйствования, действующей в сферах распределения, обмена и потребления на основе присущих ей социальных принципов, в годы Гражданской войны не стоял вообще.

Употребление В.И. Лениным в этот период понятия «кооперация» («кооперативы») применительно к осуществляемым в централизованном порядке процессам снабжения и распределения требует специального уточнения. В контексте ленинских работ речь идет об использовании не кооперации как формы хозяйствования, а кооперативного аппарата: материально-технической базы (сеть складов, лавок, предприятий), персонала служащих.

В. И. Ленин неоднократно это отмечал в своих работах и выступлениях, формулируя как основную цель новой власти в отношении кооперативных организаций. Необходимо, чтобы коммунисты использовали свои силы для организационной работы и «...технически воспользовались тем аппаратом, который подготовлен к этой работе – кооперативным аппаратом»*. В лично отредактированном В. И. Лениным Декрете Совнаркома «Об объединении всех видов кооперативных организаций» (27–29 января 1920 г.), с принятием которого практическое упразднение кооперации было оформлено юридически, ее кадры и материальная база признается лучшим техническим аппаратом для осуществления государственных задач в области распределения и отчасти заготовок.

Принципиально по-иному подходит В. И. Ленин к кооперативам в сфере производства, прежде всего в сельском хозяйстве.

Одновременно с разработкой вопросов об использовании технического аппарата потребительской кооперации, в деле организации централизованного нормированного распределения продуктов В. И. Ленин ставит вопрос о необходимости развития форм производственной кооперации в деревне. В кооперировании крестьянских хозяйств, позволяющем перейти к общественной обработке земли, он видит единственное средство поднять сельскохозяйственное производство в разоренной многомиллионной крестьянской стране.

Опыт далеко не всегда добровольного образования коллективных крестьянских хозяйств в первый послеоктябрьский год позволил В. И. Ленину осознать важнейшее с точки зрения возникновения кооперативов положение: реальное кооперирование может развиваться только при условии, если в экономической необходимости и целесообразности объединения средств и усилий для совместного производства убедятся сами крестьяне. Это положение обосновано в ряде работ, но наиболее четко оно прозвучало в докладе о работе в деревне на VIII съезде РКП(б) (18–23 марта 1919 г.). Отметив, что государство поощряет коллективные хозяйства, Ленин подчеркнул, что «они должны быть поставлены так, чтобы завоевать доверие крестьянства; необходимо учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать». Неоднократно и категорически подчеркивается требование соблюдать принцип добровольности и личной материальной заинтересованности крестьян при объединении в кооперативы В

написанной Лениным резолюции VIII съезда РКП(б) «Об отношении к крестьянству» отмечалось: «Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике»*.

Аналогичные с сельскохозяйственной кооперацией принципы образования распространялись и на промысловую кооперацию.

В этот период была разработана система мер, направленных на развитие кустарно-промысловой кооперации. 24 апреля 1919 г. ВЦИК утвердил Декрет «О мерах содействия кустарной промышленности», лично отредактированный В. И. Лениным. Декрет устанавливал, что предприятия кустарной и ремесленной промышленности не подлежат национализации и конфискации. Кустарям и их кооперативам разрешалась свободная продажа изделий своего производства. Местным властям приписывалась обязанность оказывать всяческое содействие кустарям и ремесленникам в деле организации производственных артелей. Декрет был направлен на развитие промысловой кооперации, которая до революции была в России в зачаточном состоянии.

Прослеживающиеся в работах В. И. Ленина попытки создать в годы Гражданской войны условия для того, чтобы сельскохозяйственная и промысловая виды кооперации строились на принципах свободного выбора организационных форм, в наибольшей степени соответствовали социальной основе корпорации, ее самостоятельной природе. Однако дальнейшее усиление политики «военного коммунизма» практически исключало возможность реального развития сельскохозяйственной и промысловой кооперации в соответствии с присущими ей принципами. Продовольственная разверстка, государственное нормированное распределение и сметное снабжение, свертывание товарного производства подрывали материальное стимулирование производства вообще, а в кооперативных объединениях особенно. Деятельность последних могла строиться только на личной материальной заинтересованности и участии членов в делах кооперативов.

Материалы, посвященные вопросам кооперации в период до перехода к новой экономической политике, убеждают в неоднозначности подхода Ленина к различным видам кооперации: если в сферах обмена, распределения и потребления деятельность кооперации была решительно свернута, а объекты ее собственности конфискованы, то применительно к производственной кооперации делалось все возможное в тех условиях для ее развития. Противоречивость такого подхода вполне определенно свидетельствует о том, что в это время у В. И. Ленина не сформировалось представление о кооперации как едином социальном явлении, органически взаимосвязанные элементы которого, независимо от конкретной сферы деятельности, могут развиваться только при условии постоянной реализации основополагающих принципов кооперации: добровольности, материального участия и самоуправления.

Экономическое состояние кооперации в 1921–1922 гг. характеризовалось авторами тех лет как кризисное. Товарные обороты сельскохозяйственной кооперации были ничтожны и едва оправдывали содержание аппарата, а промысловая кооперация целиком существовала за счет государственных заказов и авансов, так и не выполнив возлагавшейся на нее задачи дополнить продукцией своего производства хотя бы половину того, что не добавит рынку государственная промышленность. Что же касается потребительской кооперации, то ее товарооборот за 1921 г. определялся как 5 % товарного и денежного оборота той части населения страны, которая удовлетворяла свои потребности на рынке⁸.

Внимательно следит Ленин за практическими шагами, направленными на развитие кооперативов, постоянно интересуется экономической информацией, выясняет особенности и возможности кооперации в активизации хозяйственных процессов. Требуется изучать опыт

⁸ Илимский-Кутузов Дм. Кризис кооперации. М., 1922. С. 6. См. также: Хейсин М. Л. История кооперации в России. Л., 1926. С. 323.

на местах, освещать его в прессе, делать конкретные предложения и предоставлять материалы, направленные на развитие кооперативного хозяйствования. Главное в вопросе о кооперации сегодня – «изучение и оценка практического опыта: как кооперировать?...»⁹ Такая постановка, во-первых, показывает, что опыт периода «военного коммунизма» не прошел даром. Надо было искать новые формы объединения трудящихся, прямо противоположные принудительным методам объединения в коммуны. Во-вторых, сам по себе вопрос «как кооперировать» у теоретика кооперации возникнуть не мог. Совершенно очевидно, что Ленин имел самое общее, как и всякий образованный человек того времени, представление о том, что такое кооперативы и каковы социально-экономические принципы их образования. Ни о каких серьезных знаниях в области кооперации здесь говорить не приходится.

18 марта 1922 г. В. И. Ленин подготавливает предложения о кооперации. В них впервые после революции ставится вопрос о частичном восстановлении социально-экономических принципов кооперации, лежащих в её основе: 1. Добровольное материальное участие (паевые и др. взносы); 2. Необходимость отчисления дохода на пай. К вышеперечисленным признакам добавляется ещё один: «Члены кооперации – все. Это нам нужно для будущего. Чему это мешает, не видно»¹⁰. Противоречивость подхода к кооперации опять налицо. Восстанавливая принцип материального участия членов в делах своего кооператива (без чего невозможна его хозяйственная деятельность), Ленин не понимает необходимости восстановления главного принципа кооператива как общественной организации – добровольности вступления в кооператив. Он считал целесообразным сохранить обязательную приписку граждан к потребительским обществам, что прямо противоречит социальной природе кооперативных объединений.

Противоречие, имевшееся у В. И. Ленина, не помешало ему понять и обосновать функции государства в отношении кооперации, необходимости создания условий для ее развития, привлечения в кооперативные объединения широких слоев трудящихся. Он выделяет два основных условия, без которых возрождение кооперации будет невозможно.

Во-первых, всемерная поддержка государством кооперативных объединений трудящихся путем установления ряда, соответствующих экономических, финансовых и банковских привилегий. «...Под этой поддержкой, – отмечает В. И. Ленин, – надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения».

Во-вторых, определенное (объективно необходимое для развития кооперативных отношений) повышение материального и культурного уровня жизни населения. Без достаточной степени материальной обеспеченности людей от голода и неурожая, без развития культуры и образования широкого кооперирования населения не достигнуть. И если вопрос об экономической помощи и финансовых льготах, необходимых для становления кооперации, мог быть решен сравнительно быстро, то задача повышения материального и культурного уровня жизни людей в разоренной Гражданской войной стране требовала больших усилий и определенного времени. «Для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет целая историческая эпоха...»¹¹.

Особенность ленинского подхода к кооперации в период новой экономической политики состоит в том, что, во-первых, он приходит к пониманию, что социальные принципы кооперации едины для всех видов кооперативов и должны использоваться для развития кооперации в целом, а не только применительно к производственной кооперации (сельскохозяйственной и промысловой), как это было в обстановке Гражданской войны. Различные виды кооперации рассматриваются теперь в их тесной взаимосвязи как единая форма хозяйствования, которую

⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 46.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 54.

¹¹ Ленин В. И. Т. 45. С. 371–372.

необходимо возрождать не только в сфере производства, но и сферах обмена, распределения и потребления. Во-вторых, что самое главное, именно в этот период обосновывается необходимость перехода от использования кооперативного аппарата как технического средства распределения продуктов по карточкам к возрождению кооперации как формы хозяйствования, органически присущей современному уровню развития производительных сил страны.

Как видим, во взглядах В. И. Ленина на роль и место кооперации после Гражданской войны происходят существенные изменения. Он приходит к выводу, что экономическое становление социалистического общества связано с функционированием не только государственных, но и негосударственных организаций, разграничением их экономических функций, развитием кооперации как самостоятельной формы хозяйствования с присущими ей внутренними принципами деятельности.

В этом, пожалуй, и состоит новый подход В. И. Ленина к оценке кооперации и ее функций в народном хозяйстве страны после революции. Но само по себе осознание В. И. Лениным необходимости возрождения кооперации на основе ее внутренних сторон и связей не может рассматриваться как вклад в теорию кооперации. Последняя и до революции могла развиваться только исходя из своей общественной природы. Принципы кооперативных объединений родились как результат деятельности самих рядовых кооператоров, обобщения опыта развития кооперативного движения во всем мире. В этом смысле В. И. Ленин не внес ничего нового в теорию кооперации. Тем более нет серьезных оснований рассматривать ленинские работы, посвященные вопросам использования кооперации, как самостоятельное учение о кооперации.

Что действительно принадлежит В. И. Ленину, так это то, что он первый или один из первых среди руководителей нового государства не только сумел осознать необходимость пересмотра распространенного среди марксистов представления о социализме как единой производственной и потребительской коммуне, но и попытался обосновать конкретные формы перехода от социализма-коммун к социализму, основанному на широкой самостоятельности трудящихся во всех сферах жизни общества. Кооперация как раз и является одной из таких экономических форм.

Вместе с тем объективные условия последних лет жизни В. И. Ленина – Гражданская война, болезнь – не позволили до конца преодолеть глубоко укоренившийся еще задолго до революции у большинства марксистов взгляд на социалистическое общество как единую в смысле производства и распределения коммуну, исключающую возможность развития многообразных форм собственности. Этим, видимо, объясняется неоднократно повторившийся в статье «О кооперации» акцент на то, что все средства производства в условиях социализма находятся в собственности государства. Двойственность ленинского подхода к кооперации проявлялась в том, что, с одной стороны, он рассматривал кооперативные предприятия как самостоятельный, отличный от государственного тип (вид) предприятий, с другой – считал, что кооперативные предприятия должны основываться на средствах производства, принадлежащих государству*.

История показала, что кооперативные объединения нормально развиваются, лишь имея необходимые для своей деятельности материальные и финансовые ресурсы, которые являются их собственностью. Без соответствующих объектов собственности (в том числе и средств производства) кооперативы как хозяйственные организации существовать не могут. Абсолютизация государственной собственности, недооценка и игнорирование возможностей развития других форм собственности дорого обошлись нашей стране. Незавершенность ленинской оценки кооперации, отсутствие четкой, проясняющей ситуацию позиции отрицательно повлияли на дальнейшее развитие кооперативной теории. Последняя, в свою очередь, превратилась в наукообразную основу для целенаправленной антикооперативной политики, которая проводилась весь последующий период и дает о себе знать до сих пор.

1.4. Хозяйство страны в годы довоенных пятилеток

1.4.1. Социалистическая индустриализация. Проблема накоплений и переход к административным методам

После восстановления хозяйства встала задача строительства социалистической экономики, задача социалистической реконструкции, та задача, решением которой и предполагалось снять противоречие свершения социалистической революции «в мелкокрестьянской стране». **Социалистическая реконструкция состояла в основном из двух процессов – индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.**

Индустриализация – создание фабрично-заводской промышленности в России – началась в XIX в., а в начале XX в. Россия по развитию промышленности занимала пятое место в мире и по ряду показателей развития промышленности была на первом. *Для чего была нужна дополнительная, социалистическая индустриализация?*

Во-первых, Россия была аграрной страной. В промышленности было занято только 10 % населения. **Стояла задача превратить аграрную страну в индустриальную**, чтобы промышленность стала главной отраслью ее хозяйства. Таким образом, это была утилитарная задача, решать которую надо было независимо от социального устройства общества.

Во-вторых, в России (не только вследствие экономической отсталости) не были развиты некоторые отрасли машиностроения: производство самолетов, автомобилей, не были развиты радиопромышленность, некоторые отрасли химической промышленности. Это были так называемые «новые» отрасли, которые и за границей стали в основном развиваться после войны.

Обстоятельства не позволяли рассчитывать на импорт продукции отсутствующих отраслей. Советский Союз объявил себя врагом всего капиталистического мира, поэтому импорт стратегически важных товаров из капиталистических стран часто был невозможен. Надо было рассчитывать на собственные силы в условиях значительной экономической изоляции.

В-третьих, трудно сказать, насколько реальной была **опасность близкой войны**. Во всяком случае, в представлении руководителей страны она была. Следовательно, **надо было создать мощную военную промышленность**, обеспечить армию современными видами вооружения – танками и самолетами. Эти отрасли промышленности были тогда тоже новыми для всего мира, они стали развиваться только в период Первой мировой войны.

Эти основные задачи определили особенности индустриализации.

1. **Очень высокие темпы.** Для создания новых для страны отраслей были брошены все силы и средства, часто в ущерб остальным отраслям.

2. **Индустриализация в СССР означала достижение полной экономической независимости**, т. е. развитие в условиях полной экономической изоляции.

Встал вопрос, за счет чего проводить индустриализацию. Одной из главных трудностей оказалась **проблема накоплений**. Решение именно этой проблемы в значительной степени определило направление дальнейшего развития хозяйства страны. Решать ее можно было одним из двух способов – **экономическим или административным.**

Экономический путь предлагали сторонники Н. И. Бухарина и даже начали проводить его в жизнь в 1926–1928 гг. Заключался он в том, чтобы использовать европейский и американский опыт (конечно, с поправками на социалистический способ производства): продолжать развитие сельского хозяйства и легкой промышленности, накапливать в этих отраслях средства, а затем использовать эти средства для развития новых отраслей тяжелой промышленно-

сти. Этот путь означал использование разных форм собственности, товарно-денежных отношений, предприимчивости ради получения прибыли. Этот путь означал продолжение нэпа.

Второй путь, административный, который стал проводиться с 1929 г., означал концентрацию всего хозяйства в руках государства и использование административных, внеэкономических методов мобилизации ресурсов для индустриализации. Индустриализация и в этом случае должна была проводиться за счет сельского хозяйства и легкой промышленности, но не за счет их развития, а путем административного изъятия средств из этих отраслей.

Если первый путь предполагал первоочередное развитие сельского хозяйства и легкой промышленности, то второй означал их разорение, обескровливание, с тем чтобы снова форсировать их развитие после рывка тяжелой промышленности на более высокой технической основе.

Реален ли был вариант Н. И. Бухарина? Обычное возражение заключается в следующем: низкая товарность крестьянского хозяйства не позволяла делать необходимые накопления, не позволяла получить необходимое для экспорта количество хлеба. Однако в 1926–1928 гг. в среднем за год вывозилось 2,4 млн т хлеба. Это было в четыре раза меньше, чем до Первой мировой войны, но выручки от экспорта было достаточно для импорта промышленного оборудования. Капиталовложения в промышленность в 1926–1928 гг. выросли в 3,4 раза, а темпы роста промышленного производства были выше, чем в последующих пятилетках: тяжелая промышленность за год увеличивала производство на 28,5 %, легкая – на 21,4 %.

К 1929 г. промышленное производство превысило довоенный уровень на 32 %. Частная промышленность, в которой были заняты 5 % рабочих, давала 15 % промышленной продукции. Кустари пока составляли 42 % всех занятых в промышленности.

Продолжением этого курса должен был стать первый вариант первой пятилетки, исходивший из принципов нэпа. Согласно этому варианту за пятилетку промышленное производство должно было вырасти в 2,8 раза.

Но в 1929 г. произошел **«великий перелом»**, и был принят **сталинский, ускоренный вариант пятилетки и индустриализации**. Вариант Бухарина-Кржижановского был отвергнут как слишком медленный. Очевидно, причина этого заключалась не только в недостаточно высоких темпах. Большинство коммунистов воспринимали «плюрализм» нэпа как отступление от социализма. Идеалом виделось все же единое государственное хозяйство. Линию Бухарина многие не одобряли.

Удалось ли получить средства для индустриализации путем их административной переброски из сельского хозяйства и легкой промышленности?

Очевидно, не совсем, потому что значительную часть затрат пришлось покрывать путем усиленной бумажно-денежной эмиссии. За первую пятилетку количество бумажных денег в обращении выросло в пять раз. Сельскохозяйственное производство сократилось на 20 %, почти не увеличилось производство промышленных товаров народного потребления. Иными словами, количество товаров на рынке если и увеличилось, то весьма незначительно. Это должно было привести к инфляции. Но такой инфляции, которая охватывает все хозяйство, не было, потому что в это время происходил **переход от рынка и хозрасчета к централизованной системе распределения ресурсов**.

Строящийся индустриальный объект не может существовать на хозрасчете: он не выпускает продукции и не получает прибыли. Поэтому индустриальные новостройки надо было обеспечивать денежными и материальными ресурсами централизованно. Но поскольку расходы на индустриализацию были главными расходами государства, а денежные и материальные ресурсы на рынке были отнюдь не в избытке, приходилось отбирать их у действующих предприятий, лишая и их возможности существовать на хозрасчете. Поскольку государство забирало до 80 % прибыли предприятий, они не имели и средств для хозрасчетной заготовки сырья и материалов.

Отмирили товарно-денежные отношения и при обмене продукцией между городом и деревней. Сначала свободная торговля была заменена контрактацией, а потом переросла в систему обязательных государственных поставок. Сельскохозяйственная техника направлялась в деревню по условным ценам в порядке нормированного распределения, а затем стала поступать в распоряжение МТС.

Так, централизованная распределительная система охватила все хозяйство. А хозяйственные реформы 1929–1933 гг. покончили с остатками хозрасчета. Инвестиции теперь делались не за счет собственных средств предприятий, а за счет госбюджета. В условиях государственного распределения ресурсов цена теряла стимулирующее значение, да и, строго говоря, переставала быть ценой, потому что определялась не законами рынка, а решениями государственных органов.

«Частичная натурализация хозяйственных отношений», как этот процесс был назван в литературе, возродила теорию об отмирании денег при переходе к социализму: ведь при переходе к нэпу товарные отношения были приняты лишь как временные – на время смешанной экономики с участием капиталистов и единоличного крестьянства. Но теперь экономика перестала быть смешанной. В 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) об «организации планового продуктообмена между городом и деревней», а в 1930 г. создается НИИ потребления, обмена и распределения, который должен был изучать проблемы перехода к безденежному распределению.

Деньги, впрочем, оставались, но перестали выполнять свои функции, и Остап Бендер не мог в пределах страны реализовать свой миллион.

Переход от хозрасчетных рыночных отношений к централизованной системе распределения ресурсов автоматически вел к централизованной административной системе управления: тот, кто дает ресурсы, определяет тем самым и объем производства. Отмирили хозрасчетные тресты и синдикаты, а главным звеном управления промышленностью стали промышленные наркоматы. **Отказ от рынка породил командно-административную систему.**

Было найдено теоретическое обоснование этой системы. Если в социалистическом обществе не действуют товарно-денежные отношения, то не действуют и законы марксистской политэкономии. Значит, эти **экономические законы, независимые от воли людей, действуют в буржуазном обществе, а социалистическая экономика строится сознательно, по плану, выработанному руководителями.**

Отказ от товарных отношений, хозрасчета означал отказ от использования материальной заинтересованности. Материальную заинтересованность пришлось заменить административным принуждением, которое получило название «методов усиления трудовой дисциплины».

1.4.2. Промышленность в довоенные годы

Получилось ли намеченное ускорение темпов в первой пятилетке? По официальным данным того времени, промышленное производство выросло за пятилетку в два раза (но все же не в 2,8 раза, как предполагалось по первоначальному, «слишком медленному» варианту). Далее по этим официальным данным переход к административной системе привел к замедлению, а не к ускорению развития. Но официальные данные явно завышены. По расчетам, опубликованным в 1987 г., за период с 1929 по 1938 г., т. е. за две пятилетки, производство выросло на 117 %. Поскольку нет оснований предполагать, что за вторую пятилетку промышленность увеличила выпуск продукции только на 17 %, а темпы в пятилетках были приблизительно одинаковыми, можно считать, что в действительности за первую пятилетку промышленное производство выросло на 50–60 %.

Если среднегодовые темпы роста промышленности в 1926–1928 гг. были выше чем 20 %, то за годы пятилетки они составили, по официальным данным того времени, 19,2 %, а по очень

осторожным расчетам исследователей Н. Шмелева и В. Попова – 9-13 %. Намеченный план по этим расчетам был выполнен только на 51 %.

В 1932 г., который считался последним годом пятилетки, ни в одной из ведущих отраслей промышленности намеченный план выполнен не был. Электроэнергии, нефти, стали, тканей в этом году было выпущено в 2 раза меньше, чем намечалось планом, автомобилей – в 4 раза меньше. Не были выполнены первоначально намеченные задания, но нужно учесть, что потом они были повышены, а затем промышленности стали задаваться еще более увеличенные годовые планы, согласно которым годовой рост промышленного производства должен был составлять до 45 %. Естественно, о выполнении этих повышенных заданий и речи быть не могло. Они были намного выше реальных возможностей промышленности, и вместо нарастания темпы стали снижаться. Тем не менее Сталин в 1933 г. объявил, что пятилетний план выполнен досрочно – за четыре года и три месяца.

Основные силы в первой пятилетке были брошены на строительство «предприятий-гигантов», таких как Уралмаш, Ростсельмаш, Днепрогэс, Горьковский автомобильный, Харьковский тракторный заводы. Эти предприятия можно было назвать гигантами, потому что они строились в соответствии с достигнутыми в мировой практике требованиями и поэтому были значительно крупнее прежних российских предприятий, построенных ранее. **Эти новые предприятия сразу заняли господствующее положение в своих отраслях, а в некоторых случаях – были первыми в новых отраслях.** Так, Уралмаш стал первым предприятием тяжелого машиностроения в стране.

Заводы эти строились в необыкновенно короткие сроки. Сталинградский тракторный завод был построен за 11 месяцев, Горьковский автомобильный – за 17 месяцев. Поскольку создавались новые отрасли производства, которых прежде в России не было и по которым, следовательно, не было и специалистов, то были приглашены сотни специалистов из других стран. На Магнитогорском комбинате работали более 200 иностранцев, на Сталинградском тракторном – почти 400. Значительная часть их потом оказалась в лагерях.

Наибольшие успехи были достигнуты в машиностроении. Было освоено производство автомобилей, самолетов, тракторов, фрезерных и револьверных станков, электропечей и другого промышленного оборудования. Если прежде только две фирмы в мире изготавливали типографские ротационные машины, то теперь появился завод по производству таких машин и в Советском Союзе.

Достижениям машиностроения способствовал мировой экономический кризис 1929–1933 гг. *В условиях кризиса, когда капиталистические страны остро нуждались в сбыте своей продукции, все эмбарго, все запреты на продажу Советскому Союзу стратегических товаров снимались и открывалась возможность в массовых масштабах закупать такое оборудование для машиностроения, которое раньше нашей стране не продавали.* На закупку этого оборудования были брошены все средства, какие удалось собрать, конечно, в ущерб другим отраслям хозяйства. *Производство машин выросло в 4,7 раза, хотя, как уже сказано, план по основным отраслям машиностроения выполнен не был.*

Химическая промышленность увеличила производство в 3,2 раза. На Кольском полуострове началось производство суперфосфата из местных залежей апатитов, а на Северной Каме Соликамский химкомбинат начал разработку местных калийных солей. И все же минеральных удобрений в 1932 г. выпускалось в 10 раз меньше, чем было намечено планом.

Производство электроэнергии выросло в 2,7 раза, составив 60 % намеченного планом задания. Добыча угля увеличилась на 80 %, что составило 86 % плановой цифры. Выплавка чугуна выросла вдвое, плановое задание было выполнено на 60 %.

Отставание легкой и пищевой промышленности было признано официально, но реальные цифры производства товаров народного потребления были намного ниже официальных величин. Так, считалось, что производство хлопчатобумажных тканей за пятилетку выросло

на 84 % (в денежном выражении), но выпуск хлопчатобумажных тканей в метрах увеличился только на 0,6 %. Фабричное производство кожаной обуви выросло на 50 %, но при определении темпов роста не учитывалось, что к началу пятилетки значительная часть этой обуви производилась в сфере кустарно-ремесленного производства. Считалось, что пищевая промышленность увеличила производство в 2,2 раза, но производство мясных продуктов сократилось на 12 %, сахара – на 35 %, производство молочных продуктов осталось на прежнем уровне. Если учесть, что подавляющая часть легкой и пищевой промышленности перерабатывала продукцию сельского хозяйства, а сельскохозяйственное производство за пятилетку сократилось, то и не могло быть существенного роста легкой и пищевой промышленности.

Главная особенность второй пятилетки заключалась в том, что если первая – это в основном строительство новых предприятий, то вторая – их освоение. Капиталовложения, сделанные в первой пятилетке, начали приносить плоды, новые предприятия начинали выпускать продукцию.

Однако первое время новые заводы работали довольно плохо. Например, конвейер Горьковского автомобильного завода первое время из-за нехватки деталей работал не более 10–15 дней в месяц. В эти дни с него выходили «неукомплектованные» машины: без фар, без тормозов, иногда без кабины. Потом это все приделывалось вручную во дворе завода.

Причина заключалась в недостаточной подготовке промышленных кадров. В первой пятилетке построили заводы, оборудованные новой, импортной техникой, но люди еще не умели работать с этой техникой.

Можно было построить за год завод, но за год нельзя подготовить даже одного инженера для этого завода. Первые советские инженеры еще только заканчивали вузы (это были первые выпуски, когда процесс обучения еще только налаживался) и со студенческой скамьи нередко назначались на руководящие должности. Без практического опыта им было довольно трудно.

Но не хватало не только инженеров, не хватало и квалифицированных рабочих. Мало того, что старые рабочие еще не знали новой техники – этих старых рабочих было мало. Общее количество рабочих за первую пятилетку выросло вдвое, а это значит, что к началу второй половину рабочих составляло новое пополнение. Их надо было еще учить профессии. Обычно это были сезонные строительные рабочие – землекопы, плотники. По окончании срока строительства из них комплектовались постоянные производственные кадры нового предприятия.

Поэтому **очень важным явлением второй пятилетки стала массовая техническая учеба рабочих без отрыва от производства.** Практически весь состав рабочих за годы этой пятилетки прошел через школы и курсы повышения квалификации, которые создавались при каждом предприятии.

Естественным следствием этого стала **новая форма соревнования – стахановское движение.** Стахановское движение было формой использования материальной заинтересованности: стахановцы, конечно, зарабатывали намного больше среднего рабочего. Оно было использовано для повышения норм выработки, поэтому нередко рабочие относились враждебно к рекордам стахановцев. Если в первой пятилетке производительность труда, по официальным данным, выросла на 40 %, то во второй – на 82 %.

За годы второй пятилетки промышленное производство выросло на 120 %, в том числе по группе «А» (тяжелая промышленность) – на 139 %, по группе «Б» (легкая и пищевая) – на 99 %. Среднегодовые темпы роста промышленного производства составили 17,1 %. Машиностроение увеличило выпуск продукции в 2,9 раза, металлургия – в 2,2, химическая промышленность – в 3, выработка электроэнергии – в 2,7. Таковы официальные данные. Можно предполагать, что они завышены. Как уже отмечалось, по последним сведениям, производство выросло на 117 % за период с 1929 по 1938 г., т. е. за две пятилетки. По оценке исследователей К. Шмелева и В. Попова, среднегодовые темпы роста производства во второй пятилетке составили 14 %, а плановое задание было выполнено на 70 %.

Кроме общих цифр роста следует отметить некоторые качественные достижения отдельных отраслей. Повысился технический уровень металлургического производства. Отмечалось, что по производству электростали Советский Союз обогнал США. В угольных шахтах стали широко внедряться врубовые машины. В составе продукции химической промышленности появились новые виды – искусственное волокно и пластмассы. В пищевой промышленности возникли механизированные хлебозаводы, заводы по производству консервов.

Многие «достижения» обеспечивались ГУЛАГом. Заключенные строили каналы, железные дороги и новые города, добывали руду и заготавливали лес. По существующим оценкам, к концу второй пятилетки в лагерях находились до 10–15 млн заключенных, т. е. до 20–25 % всех занятых в материальном производстве. Этот почти даровой труд существенно снижал затраты на производство и строительство, а также несколько повышал уровень жизни.

До недавнего времени было принято считать, что к концу второй пятилетки СССР обогнал все индустриальные страны Европы по объему промышленного производства и вышел по этому показателю на 1-е место в Европе и 2-е место в мире. Впереди были только США. По оценкам современных исследователей, **промышленность СССР оставалась только на 5-м месте** после США, Германии, Великобритании и Франции (так же как и промышленность царской России в начале века). Сократился только разрыв.

Считалось, что **к концу второй пятилетки была обеспечена экономическая независимость СССР от остального мира: даже оказавшись в полной экономической изоляции, страна могла продолжать развиваться, опираясь на силы только своей промышленности.** Теперь можно было обойтись без импорта производственного оборудования, автомобилей и тракторов.

Была в основном решена и другая задача индустриализации – превращение аграрной страны в индустриальную. К концу этой пятилетки промышленность давала уже больше продукции, чем сельское хозяйство, причем 60 % промышленной продукции составляли средства производства – продукция группы «А».

Поскольку основные задачи индустриализации, таким образом, были решены и поскольку в хозяйстве страны уже практически не было капиталистов, а крестьяне стали колхозниками, **было решено, что переходный период от капитализма к социализму закончен и социализм в СССР построен.** Поэтому третий пятилетний план, рассчитанный на 1938–1942 гг., был принят как **план дальнейшего развития уже построенной социалистической экономики и – как следствие – первый шаг строительства материально-технической базы коммунизма.** Это было вполне логично: если социализм построен, то всякое дальнейшее развитие означало движение к коммунизму.

Отсюда вытекали две первые **особенности третьей пятилетки.**

Если в первых пятилетках ставилась задача догнать передовые капиталистические страны по общему объему промышленной продукции, **то теперь была поставлена задача догнать их по производству продукции на душу населения.** Дело в том, что первая задача считалась выполненной, потому что СССР вышел на 2-е место в мире по промышленному производству. Но поскольку по численности населения Советский Союз намного превышал страны, которые, как считалось, он обогнал, то по уровню экономического развития он оставался намного ниже: экономический уровень страны определяет не общий объем производства, а производство на душу населения. Между тем промышленной продукции на душу населения у нас производилось в пять раз меньше, чем в среднем в развитых капиталистических странах.

Третья пятилетка была объявлена **«пятилеткой качества»:** если до этого все внимание уделялось количественному росту производства, то теперь была поставлена задача качественных изменений в промышленности. Приоритетными были признаны проблемы ускоренного

развития химической промышленности, химизации хозяйства, комплексной механизации и даже автоматизации производства.

Политическая ситуация в Европе свидетельствовала о приближении войны, поэтому **в третьей пятилетке необходимо было подготовиться к войне**. Эта подготовка выразилась в следующих особенностях.

1. Вместо предприятий-гигантов было решено строить средние по величине предприятия-дублеры в разных районах страны.

2. Ускоренными темпами росло военное производство. Среднегодовой рост военного производства в довоенные годы этой пятилетки составил 39 % (оговоримся, что это официальные цифры того времени, по расчетам же современных исследователей среднегодовой прирост промышленной продукции составлял 2 %). Невоенные предприятия в это время получали дополнительные военные заказы и выполняли их в первую очередь в ущерб своей основной продукции. Например, Россельмаш в 1939 г. выполнил свое годовое плановое задание на 80 %, но в том числе план по военной продукции – на 150 %. Очевидно, сельскохозяйственных машин в том году он выпустил немного.

3. Новое строительство было перенесено на восток – на Урал и в Сибирь. К началу войны машины и металлоизделия составляли почти 1/2 продукции уральской промышленности. По металлургии на ведущее место стал выдвигаться Урало-Кузбасс – соединенные железной дорогой металлургические заводы Урала и угольно-металлургический Кузнецкий бассейн. Развитие уральской металлургии тормозило то обстоятельство, что на Урале почти нет каменного угля, в Кузбассе же не хватало разведанной к тому времени железной руды.

Третья пятилетка была прервана войной. За три довоенных года пятилетки, по официальным данным, явно преувеличенным, промышленное производство выросло на 44 %, что было намного меньше запланированного на эти годы. Некоторые отрасли прекратили развитие. Черная металлургия увеличила за три года производство на 3 %, почти не выросли добыча нефти, производство цемента. *Сократилось производство автомобилей, паровозов, тракторов, сельскохозяйственных машин, токарных станков.* Почему? Этому было несколько причин.

Административное планирование могло давать хорошие результаты при строительстве предприятий-гигантов, в котором преобладал ручной труд. На снимках и кинокадрах того времени мы видим массы людей с лопатами и тачками – человеческий муравейник.

Перебрасывая эти огромные массы работников, можно было создавать действительно колоссальные производственные мощности. Но эти новые предприятия оборудовались перодовой по тому времени импортной техникой. И когда индустриализация подходила к концу, **административная система исчерпала свои возможности: оказалось, что новый технический уровень повышал требования к качеству управления и к работникам.** Теперь нужны были знания, компетенция, сбалансированность – экономические регуляторы хозяйственного развития, а не только выполнение приказов. Руководящие работники, выдвигавшиеся совсем по другим признакам, не имели требуемых качеств. Участились аварии, срывы плановых заданий.

Это рассматривалось как вредительство. На смену репрессированным приходили люди еще менее компетентные.

Материальная заинтересованность, как уже сказано, заменялась «методами усиления трудовой дисциплины», которые все более ужесточались. За три опоздания на работу в месяц человек попадал под суд. Увольняться и переходить на другую работу было запрещено. Человек прикреплялся к работе, становился практически крепостным. Но принудительный труд, как известно, имеет низкую производительность.

Это было время крайнего усиления централизации в управлении и директивные методов. Местные хозяйственные руководители практически не могли проявлять хозяйственную инициативу. Обратная связь в управлении – с мест в центр – была нарушена. В результате центральные органы руководства и планирования не имели правильной картины положения дел на местах, что порождало неизбежные ошибки в планировании.

Многие заводы выполняли дополнительные военные заказы и сокращали производство основной, мирной продукции. Именно этим объяснялось падение производства в ряде отраслей машиностроения.

И все же к войне страна пришла недостаточно подготовленной. Не хватало самолетов и танков. Немецкая армия была моторизованной, наша – пешей. Немецкие солдаты были вооружены автоматами, наши – винтовками, которые немногим отличались от винтовок Первой мировой войны.

1.4.3. Коллективизация сельского хозяйства

Кооперирование крестьян к началу индустриализации становилось все более необходимым. Теоретические предпосылки, из которых исходил ленинский кооперативный план, теперь дополнялись **необходимостью преодолеть низкую товарность крестьянского хозяйства**. Если перед Первой мировой войной товарность сельского хозяйства России составляла 26–30 %, т. е. до 1/3 сельскохозяйственной продукции шло на рынок, то теперь товарность понизилась до 13–18 %: крестьянское хозяйство оставалось натуральным. Это означало, что, даже восстановив довоенный уровень производства, деревня давала городу вдвое меньше хлеба, чем до революции. И в то же время росла доля промышленных рабочих, потреблявших эту товарную сельскохозяйственную продукцию.

К тому же мелкие крестьянские хозяйства не давали простора для дальнейшего развития технического прогресса.

А между тем техника сельского хозяйства уже сделала некоторый шаг вперед: если перед революцией еще почти 1/2 земель обрабатывалась сохой, то в 1928 г. сохой было обработано только 10 % пашни. Соху уже вытеснил железный плуг. Это был уже переворот.

Но если применение плуга было рационально в мелких крестьянских хозяйствах, то чуть более сложные механизмы были уже нерентабельны. Рентабельное использование комплекса конных машин – сеялки, жатки и молотилки – требовало большей посевной площади, чем была в хозяйстве среднего крестьянина.

Особое значение для сельского хозяйства имел трактор. Он в этой отрасли был тем же, чем был паровой двигатель для промышленности – главным звеном перехода от ручного труда к машинам. Но трактор был явно недоступен каждому крестьянину и не мог себя оправдать в его хозяйстве.

Все это требовало осуществления кооперативного плана, и до **1929 г.** этот план успешно проводился в жизнь: к тому времени уже 1/2 крестьян состояли в кооперативах. *При кооперировании особенно успешно росла товарность сельского хозяйства – ведь кооперировалось именно товарное производство.* Но в **1929–1930 гг.** началась **массовая коллективизация**: кооперативы были распущены, а вместо них стали создаваться колхозы. Почему?

Для получения средств для индустриализации стали увеличивать обязательные государственные поставки при сохранении самостоятельности крестьянских хозяйств. Большая доля поставок, так называемые «твердые задания», приходилась на так называемые кулацкие хозяйства, т. е. практически на тех крестьян, которые добивались лучших результатов в производстве, которые пытались повышать технический уровень своих хозяйств, производили товарную продукцию. Еще недавно их называли «культурными хозяевами» и делали на них ставку в увеличении товарности сельского хозяйства.

Увеличение поставок с «твердыми заданиями» означало возвращение к методам продразверстки. И результат был таким же: чтобы не быть зачисленными в кулаки, крестьяне, и в первую очередь «культурные хозяева», стали сокращать производство. Хлеба стало не хватать. С конца 1927 г. начался хлебозаготовительный кризис. В 1928 г. были снова введены карточки на продовольствие.

На места была отправлена директива: взять хлеб у крестьян «во что бы то ни стало». Если человек не выполнял положенное задание (а «твердые задания» были непосильными), он подлежал уголовному наказанию. Имущество осужденных конфисковывалось, причем четверть конфискованного отдавалась крестьянам-беднякам.

Поскольку такой вариант все же не дал нужного количества товарного хлеба, а вызвал сокращение производства, было решено объединить крестьян в колхозы и взять хлеб у колхозов. А поскольку крестьяне сопротивлялись **принудительной коллективизации**, она была объединена с раскулачиванием. Раскулачивание, особенно раскулачивание людей, которые кулаками не являлись, создавало атмосферу страха, позволявшую сломить сопротивление, разобщало крестьян, формируя группу «активистов», заинтересованных в раскулачивании соседей и выступавших за образование колхозов. При этом ликвидировались, отправлялись в Сибирь те крестьяне, которые лучше других умели вести хозяйство.

Но почему у колхозов было легче взять хлеб, чем у единоличников? Потому что **колхоз действовал по государственному плану, т. е. объем производства определялся** уже не желаниями крестьян, а **государственными заданиями**. В Уставе сельскохозяйственной артели, который стал законом колхозной жизни, было сказано: «Артель ведет плановое хозяйство, точно соблюдая установленные правительством планы сельскохозяйственного производства и точно исполняя планы сева, подъема паров, обработки почвы, уборки урожая и пр.». Не было уже разницы между государственным предприятием и колхозом, и мы не можем считать колхозы кооперативами.

Централизованное планирование в сельском хозяйстве приносило дополнительный вред, потому что местное земледелие во многом зависит от местных условий. Вырабатывая план сельскохозяйственных работ, государственные органы, конечно, не могли учесть этих особенностей.

Для организации колхозного производства в деревню были направлены **«двадцатипяти-тысячники»** из числа наиболее преданных идеям партии городских рабочих и партийных работников. Не зная сельскохозяйственного производства, они обеспечивали твердость в проведении партийной «линии» и по причине своей некомпетентности наносили дополнительный ущерб.

Объем сдачи продукции государству тоже определялся государственным планом. Поскольку планы заготовок исходили из государственных потребностей и государственных планов сельскохозяйственного производства, а не из реального урожая, то нередко оказывалось, что колхозы должны были сдать больше продукции, чем производили. Чтобы выполнить план заготовок, местные власти и «активисты» забирали не только продукцию колхозов, но и продовольствие, которое удавалось обнаружить у крестьян. Особенно значительными стали такие конфискации в 1932–1933 гг., когда для закупки промышленного оборудования за границей потребовалось резко увеличить экспорт зерна. Годовой вывоз зерна вырос до 5 млн т. Это не так много, если учесть, что царская Россия перед войной вывозила 9–10 млн т. *Но в условиях вызванного коллективизацией падения сельскохозяйственного производства результатом стала гибель миллионов людей от голода. По расчетам специалистов, за период с 1926 по 1939 г. от раскулачивания и голода погибли до 6 млн крестьян.*

К началу коллективизации, т. е. в 1928 г., в стране было 25 тыс. тракторов. Это не так много. В том году тракторным инвентарем было обработано лишь 1 % пашни. К концу первой пятилетки тракторами обрабатывалось 22 % пашни, а к концу второй – 50–60 %. Таким обра-

зом, только к началу войны тракторы стали главной силой на полях. А в 1928 г. не хватало и более примитивной техники. Только у 1/3 колхозов имелись сеялки, жатки и молотилки. Преобладал ручной труд. А это значило, что материально-техническая база для крупного производства не была еще создана.

До коллективизации сельскохозяйственные машины направлялись в деревню двумя путями – или продавались, или давались напрокат через прокатные пункты. Но оба эти способа были признаны непригодными с началом коллективизации, потому что они базировались на товарно-денежных отношениях, не соответствовали централизованной системе распределения ресурсов и не обеспечивали равенства: взять напрокат или купить мог лишь тот, у кого были деньги. А равенство всего для всех тогда считалось очень важным.

Поэтому для снабжения деревни машинами были созданы МТС – машинно-тракторные станции. МТС своими силами обрабатывали поля соседних колхозов. Первоначально МТС были задуманы как межколхозные акционерные предприятия, т. е. каждая МТС должна была стать общей собственностью нескольких соседних колхозов. Правда, средства для этого выделяло государство, но в следующие годы колхозы должны были вернуть долг. Однако для колхозов эти расходы оказались непосильными, и в конце первой пятилетки МТС стали государственными предприятиями.

К началу войны хозяйство колхозов несколько стабилизировалось и наметился далее некоторый рост производства. Поскольку основные полевые работы были теперь в основном механизированы, их выполняли уже не колхозники, а рабочие МТС. Начался переход от традиционного трехполья к научным многопольным севооборотам. Правда, они были введены пока только в 1/5 колхозов, т. е. преобладало пока архаичное трехполье.

Даже авиация была привлечена на службу сельскому хозяйству. Средняя Азия до этого страдала от саранчи, съедавшей временами всю растительность. Теперь очаги саранчи были уничтожены с самолетов.

Но хозяйство колхозов по-прежнему истощалось. Колхозная товарная продукция сдавалась государству по цене намного ниже стоимости. Например, государственные заготовительные цены на зерно были установлены в конце 20-х гг. и не менялись до начала войны, тогда как даже не рыночные, а государственные розничные цены за это время выросли в 6,4 раза. Обходился 1 ц зерна в 1940 г. в 3 руб., а государство его покупало за 86 коп.

Урожай вычислялся предварительно, на корню, и с этой предварительной цифры рассчитывалась величина поставок. При уборке до 30 % урожая гибло. И оказывалось, что колхозы должны были сдавать большую долю продукции, чем считалось официально. Вся выручка колхоза от сдачи продукции объявлялась его «доходом», т. е. из нее не вычитались производственные затраты. А они обычно были больше этой выручки, и в действительности хозяйства были убыточными.

Колхозник получал на трудодень до 2–3 кг зерна и от 50 коп. до 1 руб. деньгами. Поэтому основным источником существования колхозников было не общественное хозяйство, а личные приусадебные хозяйства, которые к концу второй пятилетки давали 40 % сельскохозяйственной продукции страны. В 1940 г. на долю этих хозяйств приходилось 13 % посевных площадей, но они давали 65 % картофеля, производимого в стране, 48 % овощей, 72 % мяса, 77 % молока, 94 % яиц.

Итак, цель коллективизации сводилась к тому, чтобы, объединив крестьян в колхозы, получить за счет деревни средства для индустриализации. Но расчет не оправдался, потому что коллективизация вызвала падение сельскохозяйственного производства. В целом это производство сократилось на 1/4. поголовье скота уменьшилось вдвое, и уровень поголовья 1928 г. был восстановлен только в 60-е гг. Но так как при этом существенно упала продуктивность животноводства, то производство продуктов животноводства упало значительно больше (по расчетам некоторых исследователей – до уровня 1919 г.).

Снизилась сборы зерна, и только в 50-х гг. производство зерновых превысило уровень, достигнутый при нэпе.

В городах, однако, это положение производства было не столь заметно, потому что *резко повысилась товарность – с 15 % накануне коллективизации до 36 % в конце второй пятилетки*. Сократив производство и собственное потребление, деревня теперь сдавала государству больше продукции, чем в период благополучного существования. Только в этом отношении цель коллективизации была достигнута.

Государственные заготовки зерна для экспорта и снабжения городов выросли с 1925–1928 гг. до 1938–1940 гг. приблизительно на 20 млн т. Из этой суммы 2–3 млн т шли на экспорт. Эти цифры и явились результатом, ради которого проводилась коллективизация.

2. Экономический фактор в развязывании мировых войн

Введение

Экономические противоречия, сформировавшиеся к началу XX в. между ведущими державами мира, стали основным фактором, который, подчиняя социальные, идеологические, династические и культурные соображения, привел к возникновению ряда международных военно-политических кризисов, в конечном счете вылившихся в одну из величайших мировых драм.

Новизна мирового экономического развития в этот период заключалась в том, что цивилизация вступила в очередной виток научно-технического прогресса, сопровождавшегося прежде всего ростом массового производства, требующего новых рынков и источников сырья. Относительно свободная рыночная конкуренция способствовала быстрому развитию производительных сил практически во всех отраслях экономики, но прежде всего в промышленности, а также транспорте и связи. Объем промышленной продукции мира за весь XIX – начало XX в. (до 1914 г.) вырос в 25 раз¹². Если XIX столетие считалось веком угля и стали, то XX в. с полным основанием стал веком электричества. В начале этого столетия электроэнергия стала широко использоваться в промышленности. Одновременно с применением более совершенных машин и технологий здесь разрабатывались новые принципы организации производства. Американский предприниматель Ф. Тейлор предложил разделить заводской производственный процесс на отдельные стадии и операции. Специализация рабочего только на одной операции позволяла существенно повысить производительность труда. Эти идеи были подхвачены и развиты на автомобильных предприятиях Г. Форда в США, где производство основывалось на стандартизации и автоматизации работ¹³. Важнейшим технологическим новшеством стало применение «сборочного пути», как называл его сам Форд, или конвейера (впервые это произошло в 1913 г.). Сборка автомобильного двигателя, которая раньше выполнялась одним рабочим, была разбита на 48 отдельных движений. В результате производительность труда увеличилась в 3–4 раза.

Укрупнение предприятий, концентрация промышленного производства происходили не только вследствие развития технологий. В условиях промышленного роста усиливалась конкуренция. Чтобы укрепить свои позиции в той или иной отрасли, предприятия объединялись в картели, синдикаты, тресты. Степень взаимодействия участников в этих объединениях различалась. В картелях предприятия договаривались об объеме производства, рынках сбыта, ценах на однородную продукцию, но сохраняли финансовую и производственную самостоятельность. В трестах они полностью переходили под единое управление, становились пайщиками одной компании. Например, «Комите де Форж» (Комитет металлургической промышленности Франции) объединял 250 компаний, производивших до 50 % чугуна и стали в стране¹⁴. В синдикатах сбыт продукции и распределение заказов осуществлялось централизованно, но при этом входящие в него компании сохраняли юридическую и производственную свободу действий.

Цель названных объединений состояла в том, чтобы занять монопольное, т. е. исключительное, положение в своей отрасли. Отсюда общее название подобных объединений – моно-

¹² Новая история 1850–1914. Учебное пособие. М.; Самара, 1998. С. 11–12.

¹³ Nevins A. Ford: the Times, the Man, the Company. N.Y., 1954. P. 644, 646–647, 652.

¹⁴ История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. II. С. 513.

полии. По мнению австрийского ученого Р. Гильфердинга, появление в экономической жизни феномена монополий было вызвано объективными причинами: «Ожесточенность конкуренции пробуждает стремление к ее прекращению. Самым простым способом достигается это, если части мирового рынка включаются в состав национального рынка, т. е. присоединением чужих стран колониальной политикой. Если свободная торговля была равнодушна к колониям, то протекционизм непосредственно приводит к большей активности в колониально-политической сфере. Здесь интересы государств непосредственно враждебно сталкиваются между собой»¹⁵. При этом монополизация, по Гильфердингу, постепенно утверждается не только в экономической, но практически во всех сферах общественной жизни. В частности, профессиональные союзы, на его взгляд, также представляют собой не что иное, как картели по монополизации рабочей силы: «Функция профессионального союза заключается в том, чтобы прекратить на рабочем рынке конкуренцию рабочих между собою: он стремится монополизировать предложение товара – рабочую силу»¹⁶.

Быстрее всего монополии росли в новых отраслях промышленности: автомобильной, химической, нефтедобычи, электротехнической. Но и в традиционных отраслях появились гигантские объединения типа «Ю. С. Стил-корпорейшн» («Стальной трест») в США или сталелитейное и военное производства Круппа в Германии. Монополии, как правило, имели разветвленную хозяйственную инфраструктуру, охватывающую всю производственно-сбытовую цепочку. Например, французская резинотехническая фирма «Мишлен» располагала каучуковыми плантациями в Индокитае, пароходами, складскими помещениями, сетью торговых заведений¹⁷.

Изначально лидерство в создании монополий принадлежало США. Здесь классической формой монополий стали тресты. Составляя примерно 1,4 % от общего числа предприятий, они получали около половины совокупной прибыли. Схожая ситуация наблюдалась в Германии, где на предприятиях, составлявших менее одного процента от общего числа, трудились около 30 % всех наемных рабочих¹⁸. Немало предприятий с числом рабочих от 500 человек и выше на рубеже веков появилось и в России. Нескольким десяткам гигантских предприятий легче было договориться между собою о разделе сфер влияния в той или иной отрасли производства, что позволяло значительно увеличить объем прибылей.

Получая огромную прибыль, владельцы этих предприятий сосредоточили в своих руках огромные капиталы. Так, 185 американских трестов совокупно владели огромным по тем временам капиталом в 1,5 млрд долл.¹⁹ Подобным гигантским предприятиям уже было тесно в национальных масштабах, они всё более активно устремлялись на мировые рынки, приобретая тем самым транснациональный характер.

Одновременно с концентрацией производства шла централизация капиталов в банках, претендующих на новую, доминирующую роль в экономике страны. Так, пять лондонских банков распоряжались 32 % всех денежных вкладов в стране, 9 берлинских – 49 % вкладов²⁰. Размещая накопленный капитал в промышленности в виде кредитов, займов, выпуска акций, банки постепенно захватывали контроль над промышленностью. Процесс переплетения, сращивания банковского и промышленного капитала, приведший к образованию финансово-промышленного капитала, стал характерной чертой набирающего силу империализма. Как любое новое явление, этот процесс сопровождался структурными и организационно-управленче-

¹⁵ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М., 1924. С. 384.

¹⁶ Там же. С. 419.

¹⁷ Долгих М., Руденко Г. Монополистический капитализм. М., 1961. С. 27.

¹⁸ См.: Эренбург И. Хроника наших дней // Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 7. С. 74–76.

¹⁹ Долгих М., Руденко Г. Указ. соч. С. 19.

²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 332–333.

скими изменениями, в том числе взаимным представительством руководства банков и заводов в соответствующих директоратах. Постепенно в ведущих странах сформировалась элитарная управляющая группа – финансово-промышленная олигархия.

В труде «Финансовый капитал» (1910 г.) австрийский ученый Р. Гильфердинг дал следующую характеристику этому процессу: «Характерную особенность «современного» капитализма представляют те процессы концентрации, которые обнаруживаются, с одной стороны, в «уничтожении свободной конкуренции» посредством образования картелей и трестов, а с другой стороны, во все более тесной связи между банковым капиталом и промышленным капиталом. Благодаря этой связи, капитал принимает форму финансового капитала, представляющего наивысшую и наиболее абстрактную форму проявления капитала»²¹.

В США эта олигархия была представлена примерно 60 семьями (Морганы, Рокфеллеры, Дюпоны, Меллоны, Карнеги и др.), во Франции – около 200 (Ротшильды, де Вандели, Шнейдеры, де Боге и др.), в Германии насчитывалось свыше 300 магнатов (Круппы, Тиссенсы, Симменсы и др.). В Англии в финансово-промышленную элиту входили «нефтяной король» Г. Детердинг, Д. Арс, Аберкони, Стрктон и др.²²

Установив контроль над национальными рынками, монополии включились в ожесточенную борьбу за внешние рынки сбыта. Европейский и мировой рынок электротехнических изделий разделили такие гиганты, как американская «Дженерал Электрик», немецкие АЭГ и «Симменс-Шукерт». Немецкие металлургические и машиностроительные концерны А. Круппа, А. Тиссена, братьев А. и Р. Маннесман соперничали с британскими конкурентами. За рынки нефти и керосина вели борьбу британско-голландская «Ройял Датч Шелл», американская «Стандарт Ойл» и немецкие фирмы, объединившиеся вокруг «Дойче банк». Не менее жестко шла борьба на рынке вооружений, где конкурировали германские фирмы «Крупп» и «Маузер», английская «Виккерс» и «Армстронг», французский концерн «Шнейдер-Кре-зо», «Ансальдо» и «Фиат» из Италии, «Ремингтон Арме» из США, заводы А. Путилова из России и др.

Лидирующее место по капиталовложениям за пределами своих стран в начале века удерживали Великобритания и Франция. Британская правящая элита предпочитала вкладывать средства в свои колонии, где можно было получить большие прибыли за счет дешевого сырья и жесточайшей эксплуатации рабочей силы. Это паразитическое свойство империализма отмечал австрийский экономист Р. Гильфердинг: «Капиталисты крупных хозяйственных территорий стараются создать в чужих странах не такие промышленные отрасли, которые производят средства потребления, а больше заботятся о том, чтобы обеспечить за собою господство над сырым материалом для своих все более вырастающих промышленных отраслей, производящих средства производства»*. Французские капиталы чаще вывозились за границу в виде займов под высокие проценты, в связи с чем Францию стали называть «ростовщиком Европы». К началу Первой мировой войны в числе крупных должников французских банков оказались Россия, Испания и другие государства. Обратной стороной колониальной политики являлось снижение стимулов к повышению производительности труда и обновлению ассортимента изготавливаемой продукции. В колонии и зависимые страны вкладывался капитал, который мог быть использован для развития экономики самых метрополий. Соответственно, в Англии и Франции, создавших самые обширные колониальные империи, темпы экономического роста замедлились. Напротив, Германия, США и Япония, не имевшие крупных заморских владений, большую часть капитала направляли на развитие национальных экономик. Позднее вступив на путь индустриального развития, они оснащали отечественную промышленность самой передовой по тем временам техникой. Это обеспечивало им преимущества в борьбе с конкурентами. В начале XX в. ожесточенное противоборство в экономической сфере между ведущими

²¹ Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 13.

²² Прицкер Д. П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 212–213. Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 392.

державами резко обострилось. Появились первые труды, в которых предпринималась попытка осмыслить особенности экономической жизни того времени.

2.1. Экономическая мысль о природе и сущности империализма

Природа и сущность империализма как нового этапа в эволюции капитализма стала предметом исследования в трудах В. И. Ленина, немецкого социал-демократа, экономиста и историка К. Каутского, теоретика и практика марксизма К. Либкнехта, английского экономиста Дж. Гобсона, австрийского социал-демократа Р. Гильфердинга и др.

Значительный вклад в изучении феномена империализма был внесен В. И. Лениным, проанализировавшим огромный по объему материал о различных аспектах экономики и политики капитализма того времени и обобщившим его в научно-популярном очерке «Империализм как высшая стадия капитализма». Подход В. И. Ленина к изучению специфики империализма в целом явился продолжением представленной К. Марксом политико-экономической анатомии капитализма. Однако задача, поставленная Лениным, существенно отличалась от задачи, стоявшей перед Марксом. Предметом исследования Маркса в «Капитале» являлся капиталистический способ производства в качестве определенной ступени в историческом развитии общества, новой общественно-экономической формации. Конечной целью исследования Маркса являлось раскрытие экономического закона развития капиталистического общества. Классической страной капитализма того времени была Англия, соответственно, свой анализ Маркс строил преимущественно на использовании конкретно-исторического материала этой страны, исходя из того, что Англия, более развитая в капиталистическом отношении, как бы демонстрирует менее развитым странам картину их собственного будущего.

Иная задача стояла перед Лениным. Он исходил из того, что империализм не представляет собой новой, особой общественно-экономической формации, а выступает в качестве последней стадии эволюции капитализма. Если на путь капиталистического развития, по мнению Ленина, отдельные страны вступали в разное время, то переход к империализму совершился во всех основных странах капитализма практически одновременно – на пороге XX в. По В. И. Ленину, «империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»²³. Это обобщающее определение в свернутом виде содержало в себе все основные признаки империализма, к числу которых Лениным были отнесены: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»²⁴.

Исходным пунктом для таких выводов стал анализ Лениным процесса концентрации производства в ведущих странах, создающего предпосылки для возникновения и распространения монополий. Концентрация производства, достигнув известной, достаточно высокой ступени развития, как писал Ленин, «сама собой подводит, можно сказать, вплотную к монополии»²⁵. Так, если в 1896 г. число картелей в Германии составляло 250, то в 1905 г. – уже 385. Картели, а также синдикаты стали в Германии преобладающими формами монополистических объеди-

²³ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 387.

²⁴ Там же. С. 386–387.

²⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 311.

нений. В качестве примера такого рода объединений Ленин упоминал Рейнско-Вестфальской каменноугольный синдикат, который при своем основании в 1893 г. сконцентрировал 86,7 % добычи угля в районе своего действия, а в 1910 г. – уже 95,4 %. Самым крупным предприятием горной промышленности Германии было Гельзенкирхенское горное общество, имевшее в 1908 г. более 46 тыс. рабочих и служащих.

С переходом к империализму, по мнению Ленина, качественно меняется характер деятельности банков, их отношения с промышленностью. Из посредников обмена, каковыми они должны быть по своему предназначению, банки превращаются в могущественные финансовые центры. В результате сращивания капитала промышленных и банковских монополий возникает финансовый капитал, качественно новое явление в экономической жизни стран. Мощь финансового капитала неразрывно связана с распространением акционерной формы предприятий, с эмиссией и торговлей ценными бумагами. Широкое распространение акционерных предприятий в огромной мере ускоряет концентрацию и централизацию капитала и ведет к быстрому росту фиктивного капитала, а операции с последним открывают широкий простор для всевозможных финансовых махинаций при помощи «системы участия», «учредительства», различного рода спекуляций. Как следствие, акционерная форма предприятий, по мнению Ленина, стала инструментом господства воротил банковского капитала над огромными массами чужого капитала, денежными средствами всей страны. По мнению Ленина, переход развитого капитализма в империализм произошел «со времени окончательной победы всемирного финансового капитала»²⁶. Эпоха финансового капитала приходится на начало XX в.²⁷

На почве тесной связи между банковскими и промышленными монополиями развивается личная уния между теми и другими – посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов или правлений торгово-промышленных предприятий и обратно. Характеризуя господство финансовой олигархии в Германии, Ленин отмечал, что этой страной управляют не более 300 магнатов капитала, причем число их неуклонно уменьшается²⁸. Как бы подтверждая вывод Ленина, один из крупнейших деятелей капиталистической Германии первой четверти XX в., директор электротехнического треста АЭГ В. Ратенау заявил: «Триста человек, знающих друг друга, руководят хозяйственными судьбами мира и назначают своих преемников из своего же круга»²⁹. Личная уния между монополистами-руководителями промышленности и банков дополняется личной унией между воротилами финансового капитала и верхушкой государственного аппарата. Правительства состояются либо из доверенных лиц и приказчиков господствующих монополий, либо из самых монополистов. Ленин дал лаконичную и емкую характеристику этому процессу: «Сегодня министр – завтра банкир; сегодня банкир – завтра министр»³⁰.

Ленин утверждал, что монополистический капитализм, достигнув расцвета, затем развивается по пути перерастания в государственно-монополистический капитализм. Характерным примером в этом отношении стала Германия, наиболее далеко зашедшая по пути перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм³¹. В Германии, по характеристике В. И. Ленина, гигантская сила капитализма соединилась с «гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»³². В руках финансовых магнатов сосредоточивалась

²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 422.

²⁷ Там же. С. 392.

²⁸ Там же. С. 332.

²⁹ Германский империализм и милитаризм. М.: Наука, 1965. С. 14–15.

³⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 223.

³¹ Там же. Т. 38. С. 157.

³² Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 83.

экономическая мощь страны. Они оказывали решающее влияние на внешнюю и внутреннюю политику германского государства.

Несмотря на то что выделенные В. И. Лениным экономические признаки империализма во многом обобщали идеи, высказанные другими авторами, В. И. Ленин на основе своего анализа пришел к принципиальным иным выводам. Во-первых, смена домонополистического капитализма монополистическим «произведена не чем иным, как непосредственным развитием, расширением, продолжением самых глубоких и коренных тенденций капитализма и товарного производства вообще»³³. То есть это не просто «отклонение» от природы капитализма, а объективно присущий ему процесс. Во-вторых, капитализм стал империализмом лишь на определенной, очень высокой стадии своего развития, когда некоторые его основные свойства стали превращаться в свою противоположность, когда складываются предпосылки для смены капитализма социализмом, которая возможна не социал-реформаторским, а только революционным путем. В-третьих, на стадии империализма монополизация охватывает все стороны общественной жизни соответствующих стран. «Монополия, – писал В. И. Ленин, – раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других “частностей”»³⁴. Для монополистической стадии капитализма характерна растущая интернационализация капитала, интернационализация всей хозяйственной жизни. В результате империализм стремится создать всемирную систему господства и подчинения, всемирную систему эксплуатации большинства народов господствующими классами узкой группы развитых стран. В-четвертых, выяснение важнейших черт империализма предполагает исследование отношений, складывающихся не только в каждой стране, но и между странами.

Новой В. И. Ленина (в том числе с практически-политической точки зрения) стал анализ экономической ситуации в России под углом развития здесь основных тенденций империализма. По мнению Ленина, в начале XX в. империализм в России представлял собой лишь надстройку над капитализмом, он не смог перестроить капитализм снизу доверху: устранить обмен, рынок, конкуренцию, кризисы он не в состоянии. Особенностью индустриальных преобразований в России стала значительная роль государства в этих процессах, что характерно для всех стран, проводящих модернизацию позже, по примеру и опыту других. Но нельзя преувеличивать эти явления и говорить о преобладании в России «насаждения промышленности сверху», поскольку в основе ее индустриализации лежали общие законы развития общества. В последнее десятилетие XIX в. и в начале XX столетия аграрный сектор в России оставался наиболее крупной сферой занятости населения (более 75 %) и выступал основным системообразующим фактором ее экономического районирования.

Отмеченный к середине 1890-х годов по сравнению с 1870-ми годами более чем в 3,5 раза рост потребления машин и усовершенствованных орудий не мог изменить ситуацию, так как его стартовые условия были минимальны. Кроме того, он охватывал ничтожное число хозяйств, прежде всего помещичьих. Основными орудиями крестьянина-земледельца оставались соха, деревянная борона, серп, коса, цеп.

В России в этот период острая борьба между двумя путями развития аграрного капитализма – «прусским» и «американским». Первый характеризовался установлением в системе аграрного строя господства крупного, помещичьего по своему происхождению, землевладения. Оно базируется на применении в производстве машин, наемного труда и отличается достаточно высоким уровнем агрокультуры и организации ведения хозяйства, что обеспечивает его высокую товарность и господство на рынке. Такой тип хозяйства был представлен в Прибалтийском, Литовско-Белорусском и Юго-Западном регионах. Классический «американский» тип

³³ Там же. Т. 27. С. 95.

³⁴ Там же. С. 355.

подразумевает существование работающего на рынок фермера, имеющего землю в частной собственности и ведущего хозяйство с применением машин и наемного труда. Ему лишь отчасти соответствовало хозяйство русского крестьянина в Новороссии и Сибири.

В целом в начале XX в. Россия была страной со средним уровнем развития капитализма, интенсивно перерастающего в монополистическую фазу. В это время в России насчитывалось несколько десятков трестов, концернов и других типов монополистических объединений³⁵. По степени концентрации производства Россия накануне Первой мировой войны вышла на 1-е место. В 1914 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 500 было занято 56,5 % всех рабочих страны³⁶. Темпы развития промышленного капитализма в России в пореформенный период были более высокими, чем в странах старого капитализма Западной Европы. И все же, несмотря на относительно быстрые темпы развития промышленности и высокую степень концентрации производства, Россия продолжала оставаться экономически отсталой, в основном аграрной страной, «в которой, – как указывал В. И. Ленин, – новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»³⁷.

Русские банки были не в состоянии удовлетворить финансовые потребности развивающейся промышленности и экономики в целом. Поэтому царское правительство охотно привлекало иностранный капитал.

Иностранная доля общегосударственного долга русского царизма накануне Первой мировой войны значительно превосходила все иностранные капиталовложения в экономику страны³⁸. Первым ростовщиком царизма и экспортером капиталов была Франция. Крупные капиталовложения французских банков стали направляться в Россию начиная с середины 1870-х годов. Они быстро проникли в угольную, нефтяную, горнодобывающую промышленность, пошли по широкому пути в виде государственных займов. На втором месте по капиталовложениям в России находилась Англия. Англичане вкладывали свои капиталы главным образом в русскую промышленность. Например, в нефтяную промышленность перед войной английские капиталисты вложили 134,6 млн руб., что составляло немногим более трети всего акционерного капитала этой отрасли и около 43 % заграничных вложений в нее³⁹. По совокупности Россия стала слабейшим звеном в цепи империализма, наиболее созревшем для социалистической революции.

Ленин выявил жесткую зависимость между империалистической политикой и возникновением современных войн. Особая агрессивность монополистического капитала в борьбе за раздел и передел мира в первую очередь вызвана крайне неравномерным развитием капиталистических стран, соотношение сил между которыми находится в постоянной динамике, выдвигая вперед те или иные государства. Государства, позже других вступившие на путь капиталистического развития, к числу которых Соединенные Штаты Америки, Германия и Япония, к концу XIX – началу XX в. сумели занять среди них лидирующие позиции. Они настойчиво стремились к переделу уже поделенного мира, к овладению новыми рынками сбыта и сферами влияния. Это вызвало резкое обострение напряженности в международной обстановке. С началом эпохи империализма, как отмечал В. И. Ленин, сравнительно спокойная и плавная полоса мировой истории становится «гораздо более порывистой, скачкообразной, катастрофичной, конфликтной»⁴⁰. Конец XIX – начало XX в. ознаменовались первыми войнами новой империалистической эпохи, основной задачей которых являлся передел мира. В результате Испано-

³⁵ Об особенностях империализма в России. Сб. статей. М., 1963. С. 210–211.

³⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2. С. 328.

³⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 378.

³⁸ Сидоров Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 6.

³⁹ Игнатъев В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962. С. 29.

⁴⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 94.

американской войны 1898 г. США отняли у Испании ее колонии – Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины. Затем последовала Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба за передел мира резко обострила противоречия между империалистическими государствами, которые могли быть разрешены только «ценою всемирной войны»⁴¹.

«При капитализме, – писал В. И. Ленин, – немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.

А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных стран при капитализме быть не может»⁴². Для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, и разделом колоний и сфер влияния для финансового капитала, с другой – не могло на почве капитализма быть иного средства, кроме войны⁴³.

Английский экономист Дж. Гобсон в работе с одноименным названием «Империализм» (1902 г.) также обратил внимание на специфическую природу современного империализма, особую роль в ней финансового капитала, который ради получения сверхприбылей стал одним из главных адвокатов в проведении экспансионистской политики. Своеобразие политики империализма, по Гобсону, заключается в том, что оно склонно принимать форму активной территориальной экспансии, отвечающей интересам узкой группы магнатов, а не объективным потребностям политико-экономического развития страны. Рассматривая подобную политику как своего рода «социальную патологию»⁴⁴, Гобсон выявил существенные различия между современным империализмом и предшествующей эпохой колониализма.

В отличие от колониализма, выполняющего в том числе цивилизаторскую роль (колонисты несли с собой не только «меч», но и некоторые достижения материальной и духовной культуры), империализму присущ качественно иной характер. Он выражается в захвате или установлении контроля над новыми территориями, где «ничтожное меньшинство белых людей – чиновников, торговцев и промышленников – осуществляют свою политическую и экономическую власть над громадными ордами людей, рассматриваемых как низшая раса, неспособная пользоваться какими-либо реальными правами самоуправления в области политики или индустрии»⁴⁵. Движущей силой империализма, по Гобсону, являются банки: «Богатство банкирских домов, размах их операций и их космополитическая организация делают их первыми и решительными сторонниками империалистической политики». При этом банки, «обладавая самой большой ставкой в деле империализма и обширнейшими средствами, могут навязать свою волю международной политике»⁴⁶. Гобсон в связи с этим подчеркивал: «Если частные интересы владельцев капитала могут столкнуться с общественными и привести к гибельной политике, то еще большую опасность представляют специфические интересы финансиста, главного дельца по размещению капиталов. Станет ли кто-нибудь утверждать серьезно, что европейские державы могут предпринимать большие войны или размещать крупные государственные займы без согласия банкирского дома Ротшильда или его союзников?»⁴⁷

В свою очередь, Р. Гильфердинг, экономист и один из лидеров австро-германской социал-демократии, акцентировал внимание на то, что процесс монополизации постепенно охватывает сферу не только внутри-, но и межгосударственных отношений. Подобно тому как мелкие предприятия поглощаются монополиями, малые государства подпадают под влияние

⁴¹ Там же. Т. 34. С. 370.

⁴² Там же. Т. 27. С. 417.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Гобсон Д. Империализм. Л., 1927. С. 17.

⁴⁵ Там же. С. 36.

⁴⁶ Там же. С. 66.

⁴⁷ Там же. С. 64.

более крупных: «Дипломатия непосредственно состоит здесь на службе капитала, ищущего применения. Но пока мелкие государства еще не прочно «прибраны к рукам», они превращаются в арену необузданной конкуренции иностранного капитала. И здесь исход стараются решить политическими мерами. Политическая власть приобретает, таким образом, решающее значение в конкурентной борьбе, и прибыль финансового капитала непосредственно связывается с политической силой государства. Важнейшей функцией дипломатии становится теперь представительство финансового капитала»⁴⁸.

Финансовых магнатов в проведении империалистической политики поддерживают не только государственные институты, им помогает многочисленная заинтересованная разнородная «рать»: «...боевой состав реальных экономических сил, работающих в пользу империализма: большая группа лиц торговых и свободных профессий, ищущая выгодных дел и прибыльных занятий от расширения военной и гражданской службы, от расходов на военные операции, от новых территориальных владений и торговли с ними, от концентрации новых капиталов, в которых эти операции нуждаются, – и все они находят центральную руководящую и направляющую силу во власти финансового дельца... С уст их представителей не сходят благородные фразы, выражающие желание расширить сферу цивилизации, учредить хорошее управление, распространить христианство, уничтожить рабство и поднять низшие расы»⁴⁹. Каждая из ведущих держав охвачена «во-первых...одними и теми же вожделениями политической экспансии и коммерческой наживы; во-вторых, преобладанием интересов финансовых, интересов денежного капитала над чисто торговыми интересами»⁵⁰. Гильфердинг констатирует: «Стремление к приобретению колоний ведет к постоянно возрастающему антагонизму между крупными хозяйственными областями и оказывает в Европе решающее воздействие на взаимные отношения между отдельными государствами»⁵¹.

Именно в этом заключается одна из главных причин милитаризации экономики ведущих европейских государств. Милитаризм, становясь естественным спутником империализма, отнюдь не сводится только к ускоренному развитию вооруженных сил. Известный теоретик и практик марксизма К. Либкнехт, в частности, отмечал, что «милитаризм выступает, во-первых, как сама армия, а за пределами армии – как система охватывающая все общество посредством сети милитаристических и полумилитаристических учреждений <...> далее он выступает как система пропитывания всей общественной и частной жизни народа милитаристическим духом, чему также упорно и утонченно церковь, школа и в известной мере тенденциозное искусство, а также пресса, жалкая продажная литературная сволочь, и тот ореол, которым в обществе старательно окружалось “наше блистательное воинство”»⁵².

В связи с этим Гильфердинг приходит к выводу о неизбежности обострения антагонизма между ведущими европейскими державами: «У Германии нет заслуживающих внимания колониальных владений; между тем как не только ее сильнейшие конкуренты, Англия и Соединенные Штаты, но и сравнительно небольшие державы, Франция, Бельгия, Голландия, располагают значительными колониями, а ее будущий конкурент, Россия, тоже владеет колоссально огромной хозяйственной территорией. Это положение должно до чрезвычайности обострить антагонизм между Германией, с одной стороны, и Англией и ее спутниками – с другой, и будет толкать к насильственному разрешению»⁵³.

⁴⁸ Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 393.

⁴⁹ Гобсон Д. Указ. соч. С. 17.

⁵⁰ Гобсон Д. Указ. соч. С. 242.

⁵¹ Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 391.

⁵² Либкнехт К. Милитаризм и антимилитаризм. М., 1960. С. 18.

⁵³ Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 394–395.

Схожей точки зрения придерживался Гобсон, утверждая, что ожесточенная межгосударственная конкуренция, порождаемая империалистической политикой, создает объективные предпосылки для возникновения конфликта мирового уровня. Касаясь Британской империи, он заявлял следующее: «Если мы хотим удержать за собой все, что мы захватили, начиная с 1870 года, если мы хотим состязаться с юными промышленными народами в деле раздела территорий и сфер влияния в Азии и Африке, мы должны готовиться к войне»⁵⁴.

В свою очередь, К. Каутский, известный немецкий социал-демократ, экономист и историк в своих трудах «Империализм» и «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (1914 г.) объяснял империализм как стремление промышленно развитых стран подчинить себе менее развитые аграрные: «Империализм впервые зародился в Англии и означает особый вид политических задач, которые наметились вместе с новейшей фазой капитализма, но отнюдь не совпадают с ним. Его сущность заключается в том, что страна с высокоразвитым капитализмом стремится присоединить к себе большие сельскохозяйственные области, невзирая на то, кем эти области населены»⁵⁵.

После того как аграрные страны будут поделены, логика империализма, по Каутскому, неизбежно приведет к попыткам захвата более мощными государствами, на этот раз промышленных стран. Вслед за другими авторитетными исследователями этой проблемы, он приходит к выводу, что «империализм является только вопросом силы, а не экономической необходимости. Он не только не необходим для капиталистического способа производства, но даже его значение для него часто неимоверно переоценивается»⁵⁶. С его точки зрения, империалистическая политика может завершиться мировой войной: «Несмотря на сравнительно второстепенное значение большинства африканских владений для промышленности метрополии, соперничество из-за африканских областей способствовало в немалой степени всеобщему вооружению и уже несколько раз почти доводило до всемирной войны»⁵⁷. Предпосылкой для этого является втягивание в гонку вооружений⁵⁸.

Поднятые в начале XX в. вопросы относительно происхождения, природы и основных свойств империализма, в силу своей актуальности, продолжали вызывать повышенный научный интерес⁵⁹. По мнению современного английского историка Э. Хобсбаума, накануне XX в. в развитии ведущих капиталистических держав действительно возник ряд новых признаков. «Это были: во-первых, изменение в структуре капитализма, то есть подъем монополий и финансового капитала; во-вторых, изменения во внутренней хозяйственной и социальной политике государств, то есть отход от экономического либерализма; в-третьих, новый колониализм и раздел мира; в-четвертых, международная напряженность и новая угроза войны; в-пятых, у Ленина также проникновение реформизма в международное рабочее движение»⁶⁰. Известный немецкий историк Г. Хальгартен в целом поддержал позицию Хобсбаума в оценке природы раннего империализма⁶¹.

⁵⁴ Гобсон Д. Указ. соч. С. 113.

⁵⁵ Каутский К. Империализм // Каутский К. Демократия и социализм. Фрагменты работ разных лет. М., 1991. С. 9.

⁵⁶ Каутский К. Указ. Соч. С. 24.

⁵⁷ Там же. С. 62.

⁵⁸ Там же. С. 74.

⁵⁹ Hallgarten G. W.F. Der Imperialismus in der historischen Diskussion des Westens nach dem Zweiten Weltkrieg. – Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1974. S. 420.

⁶⁰ Цит. по: Туполев Б. М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 8.

⁶¹ Hallgarten G. W.F. Op. cit. S. 420–421.

2.2. Экономические противоречия накануне Первой мировой войны

В первое десятилетие XX в. со всей очевидностью проявилась неравномерность темпов развития в группе ведущих стран мира. США и Германия по многим экономическим показателям догнали традиционных лидеров – Великобританию и Францию. По добыче угля и нефти, производству электричества и выплавке меди США сумели выдвинуться на 1-е место в мире. Германия, в свою очередь, обогнала Великобританию не только по производству стали и чугуна⁶², но и в экспорте высокотехнологичной продукции, в частности машин и оборудования⁶³. Германские промышленные товары настойчиво вытесняли английские, что привело к обострению англо-германского экономического соперничества⁶⁴.

Промышленный подъем Германии сопровождался проникновением германских монополий и капитала во французскую часть Лотарингии, что повлекло за собой переход французских рудных ресурсов под контроль германских концернов. Французский рынок, так же как и английский, постепенно наполнялся изделиями германского машиностроения. Французская промышленность в значительной степени зависела от поставок угля из Германии, которая намеренно тормозила развитие собственной металлургии во Франции. Париж стоял перед необходимостью противодействовать не только германскому проникновению к источникам сырья, но и подрыву французской обрабатывающей промышленности, включая военную⁶⁵. В сложившихся условиях интересы французских промышленников были нацелены не только на сохранении Лотарингии, но и овладении Саарским угольным бассейном, что позволило бы Парижу установить контроль над самым крупным железорудным месторождением в Европе. Этого можно было добиться только военной силой.

Обострение российско-германских отношений в начале XX в. также в значительной степени обуславливались экономическими противоречиями, пришедшими на смену относительно стабильным торгово-экономическим отношениям во второй половине прошлого века. Германия традиционно поставляла в Россию машины, оборудование, красители, другие промышленные изделия, вывозя из России зерно (около 30–40 % российского экспорта), фураж, различное сырье⁶⁶. В предвоенное десятилетие в России наметился экономический подъем. Особенно впечатляющими были российские успехи в производстве чугуна, стали, добыче угля, сельском хозяйстве⁶⁷. Встревоженная ростом российской экономической мощи, Германия стремилась упредить ее в завоевании различных сегментов внешнего рынка. Экономическая экспансия была не под силу одному лишь частному капиталу, который нуждался в поддержке государства, его политических и военных ресурсах, что неизбежно вело к обострению не только межмонополистических, но и межгосударственных противоречий, в кризисной ситуации способных перерасти в военное столкновение между великими державами.

Отождествляя свои частные интересы с национальными, используя личные связи (унию) с политиками, финансово-промышленная олигархия оказывала все более значимое влияние на формирование политического курса соответствующих стран, тем самым усиливая его бескомпромиссный конфликтогенный потенциал. Растущая экономическая мощь и интересы монопо-

⁶² Тэйлор А. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 42.

⁶³ Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика (1880-е годы – 1918 г.) М., 1965. С. 111–116.

⁶⁴ Хатъгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961. С. 272.

⁶⁵ Хильгартен Г. Указ. соч. С. 539–540.

⁶⁶ История Первой мировой войны: В 2 т. М., 1975. Т. I. С. 43–44.

⁶⁷ Черкасов Чернышевский Д. История имперской России. От Петра Великого до Николая II. М., 1994. С. 395–396.

лий подталкивали правящие круги новых стран-лидеров к вступлению в борьбу за источники сырья и рынки сбыта, сферы прибыльного вложения капиталов. Для Германии, считавшей себя обделенной, но при этом захватившей лидерство на Европейском континенте в экономической и военной сферах, к началу XX в. оставался единственный способ удовлетворения своих притязаний – силовой. Если для колониальных держав Великобритании, Франции, Италии главной целью являлось удержание своих завоеваний, то Германия намеревалась восстановить «историческую справедливость», отвоевать уже захваченные территории.

В этом была своя неумолимая логика. Колонии привлекали ведущие державы по различным причинам, но прежде всего благодаря природно-ресурсному потенциалу. Они предоставляли также обширный рынок сбыта и источник дешевой рабочей силы. В силу выгодного географического местоположения ряд из них имел важное военно-стратегическое значение, в том числе как место базирования сил армии и флота, защищавших торговые пути и коммуникации. Если экономическое соперничество, являющееся неотъемлемой чертой капиталистического способа хозяйствования, могло достаточно долгое время вестись относительно мирными средствами, то политико-военное противостояние относительно передела мира не могло не балансировать на грани войны. Борьба за передел мира требовала мобилизации всей совокупной государственной силы, прежде всего военной. Процесс передела мира начался уже в конце XIX в., вызвав две войны новой эпохи – Испано-американскую и Аангло-бурскую, главной целью которых являлось овладение уже захваченными территориями. В Европе последовали Боснийский кризис, Итало-турецкая война, балканские войны. Мир неуклонно приближался к мировой войне.

2.3. Экономический коллапс империй

Первая мировая война, несмотря на огромные жертвы и колоссальный материальный ущерб, не только не смогла изменить сущности экономических противоречий, но и привела к краху Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империй. Системный экономический кризис в первую очередь поразил Россию и Австро-Венгрию, слабейших в соответствующих коалициях. С серьезными затруднениями первоначально встретились их военная промышленность, которая в связи с затяжным характером, который приобрела война, оказалась неспособной обеспечить всем необходимым действующую армию, затем, вследствие деформации мировых торгово-экономических отношений, начались перебои в снабжении промышленности сырьем, пришло в упадок сельское хозяйство (в том числе по причине призыва в армию значительной части трудоспособного мужского населения), резко возросли нагрузки на транспорте. В конечном итоге это привело к нарастанию промышленного и продовольственного кризиса, росту массового недовольства населения, переросшего в революционные потрясения и, как следствие, краху империй. Подобной участи не избежала и Российская империя, единственная из стран Антанты, кто не успел воспользоваться плодами близкой победы.

На обломках империй возник целый ряд новообразованных государств, которым в тяжелейших условиях послевоенной разрухи и внутривойсковой турбулентности пришлось налаживать экономическую и политическую жизнь. В России уже к концу первого года войны военно-промышленная база перестала справляться с растущими потребностями войны⁶⁸. В первую очередь это проявилось в недопоставках на фронт вооружения: винтовок, пулеметов, артиллерийских орудий, а также боеприпасов к ним. Вскоре выявилась нехватка средств транспорта и связи, других предметов военно-технического снабжения. Принявшие позиционный характер военные действия потребовали огромного количества инженерных средств для производства оборонительных работ и сооружения фортификационных укреплений. Все большая нагрузка ложилась на различные виды транспорта, необходимого для переброски войск и подвоза в армию боеприпасов и необходимого имущества.

Россия, как и другие воюющие страны, встала перед необходимостью срочной мобилизации не только военной, но и гражданской промышленности для обеспечения неотложных нужд фронта. Однако вследствие технико-экономической отсталости осуществить эту мобилизацию эффективно и в короткие сроки не удалось. В немалой степени, этому способствовали допущенные властями просчеты и слабая организационно-управленческая дисциплина. Вплоть до весны 1915 г. российское правительство, все еще надеясь избежать затяжного характера войны, рассчитывало удовлетворить потребности действующей армии за счет продукции исключительно военной промышленности, а также помощи, получаемой от союзников. В результате, мобилизация промышленности началась здесь позже, чем в Германии и Франции, и проводить ее пришлось в значительно более неблагоприятных условиях спешки и организационной неразберихи. Препятствовали быстрой мобилизации и объективные причины. Несмотря на высокую степень концентрации производства, в российской промышленности преобладал удельный вес устаревших, с точки зрения производственных технологий, фабрик и заводов, где еще широко применялся ручной труд. Не способствовало эффективной мобилизации промышленности и ее неблагоприятное районирование. Промышленные центры царской России в основном были сосредоточены в центральных губерниях и на юге Украины, где было сосредоточено около трех четвертей промышленного потенциала страны, в то время как источники сырья располагались за тысячи километров. Доставка необходимого сырья ложилась дополни-

⁶⁸ Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 11.

тельной огромной нагрузкой на транспорт⁶⁹. Неслучайно уже с первых же месяцев войны Россия стала ощущать сырьевой голод, что вело к недопроизводству, в частности, качественной стали, столь важной для выпуска вооружения⁷⁰. Промышленность, размещенная в Петербурге и Прибалтике, была вынуждена работать на привозном английском угле, проблемы с доставкой которого приводили к частым простоям⁷¹. По ходу войны топливный кризис лишь усиливался. Что касается производства станков и токарных инструментов, то их Россия и до войны была вынуждена закупать за рубежом (в частности, в Англии, Франции и Бельгии).

Положение осложняло то, что в ходе войны, в результате вынужденных отступлений, Россия утратила значительную часть прифронтовых промышленных районов, игравших до войны важную роль в экономической жизни страны. Наиболее чувствительной оказалась потеря Домбровского каменноугольного бассейна, поставлявшего топливо не только для Польши, но и Северо-Западного промышленного района. С серьезными проблемами, по причине оставления на занятой немцами территории части предприятий, помимо металлургической столкнулась шерстяная и хлопчатобумажная промышленность⁷². Неблагоприятно на экономическую жизнь страны сказался призыв в армию огромного числа рабочих. Массовое использование в производстве, из-за безвыходного положения, женского труда и подростков вело к значительному падению производительности труда⁷³.

Непосильным бременем война легла на русскую деревню, вынужденную кормить огромную армию. Уже в 1916 г. в армию поступало до 45–50 % товарного хлеба, что не могло не сказаться на потреблении хлеба гражданским населением. Сельское хозяйство одновременно лишилось огромного количества реквизированных в армию лошадей, а также крупного рогатого скота, при этом всю тяжесть реквизиций испытали на себе прежде всего середняцкие и бедняцкие хозяйства, что способствовало распространению в деревне антивоенных и антиправительственных настроений. Со второго года войны русская деревня была вынуждена в буквальном смысле выживать, задавленная военными поборами, недополучая сельскохозяйственные машины и орудия, а также минеральные удобрения, поступавшие до войны главным образом из-за рубежа.

Проблема заключалась также в неблагоприятных внутренних процессах, развивавшихся в деревне, прежде всего ее классовом расслоении и пролетаризации основной части деревенского населения. За время войны резко возросло количество хозяйств, не имевших посевов (в силу возросших трудностей по обработке земли) или вынужденных продавать ее за бесценок. Хлеб постепенно сосредотачивался у помещиков и кулаков, стремившихся ради взвинчивания спекулятивных цен до последнего придержать его. Деревня, кроме того, не была заинтересована в продаже своих продуктов ввиду недостатка промтоваров. В спекулятивных операциях были заинтересованы также банки, стремившиеся таким образом компенсировать обесценивание бумажных денег, вследствие острого расстройств финансово-кредитной системы страны. Меры, принимавшиеся царским правительством для налаживания продовольственного снабжения, включая введение фиксированных цен на товары первой необходимости, оказались малоэффективными, поскольку сельхозпродукция сразу же устремлялась в районы с более высоким ценообразованием.

В создавшихся условиях властям ничего не оставалось, как уже в 1915 г. ввести карточную систему для наиболее важных продовольственных товаров (в частности, сахар, позже – хлеб и мясо) в отдельных областях, которая к середине 1916 г. была распространена на

⁶⁹ Шигалин Г. И. Указ. соч. С. 139.

⁷⁰ Там же. С. 141.

⁷¹ Там же. С. 157.

⁷² Шигалин Г. И. Указ. соч. С. 148.

⁷³ Там же. С. 151.

всю страну. Грозные признаки продовольственного кризиса достигли особой остроты осенью 1916 г.⁷⁴ Парадоксальным в этой ситуации являлось то, что Россия, единственная из воевавших стран, переживала продовольственный кризис при наличии избытков хлеба внутри страны, прежде всего в восточных районах страны. Однако кризис транспортной системы не позволял своевременно доставлять хлеб в крупные города. В этой ситуации не помогла и крайняя мера – введение продразверстки хлеба по твердой цене в декабре 1916 г. Перебои с работой железнодорожного транспорта к этому времени приняли устойчивый характер не только из-за нехватки подвижного состава, но и из-за нарастающего топливного кризиса. В этой ситуации взрыв массового недовольства оставался лишь вопросом времени, свидетелем чему стали февральские события 1917 г., завершившиеся скоротечной буржуазно-демократической революцией.

Однако положение в этой области не изменилось принципиально и после прихода к власти Временного правительства, которое было вынуждено продолжить политику продразверстки. Несмотря на заклинания о том, что на этот раз это делается ради революционных «идеалов», крестьяне упорно отказывались продавать свой хлеб по низкой цене. Репрессивное отношение теперь уже не царского, а «революционного» Временного правительства к попыткам захвата крестьянами помещичьих земель, затягивание с решением неотложных проблем русской деревни вело к быстрому революционизированию беднейшего крестьянства.

В глубоком расстройстве находилась и бюджетно-финансовая система страны. К концу 1916 г. военные расходы возросли примерно в шесть раз⁷⁵. Дефицит бюджета составил колоссальную сумму в 41,4 млрд руб.⁷⁶ Россия в этом отношении не являлась исключением, бюджеты всех воюющих государств испытывали огромную нагрузку. Для покрытия колоссальных военных расходов воюющие государства были вынуждены прибегнуть к чрезвычайным мерам по изысканию новых источников дохода, вводя дополнительные налоги, выпуская внутренние и внешние займы, включая печатный станок, т. е. пытаясь получить дополнительные доходы от эмиссии бумажных денег. Огромное значение, однако, имел вопрос о соотношении различных видов финансирования, поскольку каждый из них по-разному отражался на положении основных социальных слоев в конкретной стране. Российские власти в этом вопросе полагались прежде всего на увеличение внешних и внутренних займов, а также масштабную бумажно-денежную эмиссию. Однако ставка российских правящих кругов на внутренние займы и выпуск бумажных денег как средства избежать чрезмерного налогового бремени и возможных социальных потрясений не оправдала себя. Выводя из-под налогового пресса состоятельные слои общества, она многократно увеличила тяготы и лишения трудового населения, тем самым способствуя быстрому вызреванию революционной ситуации. Робкие попытки царского правителя призвать крупных предпринимателей к «социальной» солидарности и на этом основании ограничить их сверхприбыли с помощью ужесточения налоговой политики не дали ощутимых результатов.

В целом обострение системного кризиса, приведшего к краху Российской империи, было вызвано в основном не дефицитом продовольствия, а неспособностью правящего класса организовать соответствующее снабжение, наладить работу транспорта, преодолеть расстройство денежного обращения, рост цен и разгул спекуляции, для чего требовалось обуздать зарвавшихся промышленников и фабрикантов. Ответ общества не заставил себя ждать.

На обломках Российской империи образовался ряд новых государств: Советская Россия, Финляндия и Польша, истощенные войной.

⁷⁴ Шигалин Г. И. Указ. соч. С. 199.

⁷⁵ Боголепов М. И. Финансы довоенной России // Основы финансовой системы СССР. Сб. ст. / под ред. Г. Я. Сокольникова. М., 1930. С. 18.

⁷⁶ Шигалин Г. И. Указ. соч. С. 67.

Не удалось избежать краха и Германской империи, несмотря на то что накануне войны она являлась мощной экономической державой. Берлин, уверенный в краткосрочном и победоносном характере войны, не планировал мобилизации гражданской промышленности, предполагая привлекать ее лишь для выполнения вспомогательных заказов. Не были заблаговременно предусмотрены и меры на случай ограничения и даже разрыва, в условиях войны, внешнеторговых связей с зарубежными рынками.

В условиях неожиданно затяжного характера войны Германии пришлось, как и другим воюющим державам, с начала 1915 г. приступить к мобилизации гражданской промышленности, которая осложнялась скудностью природных ресурсов страны, что предполагало переход к жесткому распределению сырья, продуктов и топлива.

Тем не менее благодаря организационно-управленческой и производственной дисциплине Берлину удалось в относительно короткие сроки существенно расширить военное производство. Однако впечатляющее увеличение объема выпуска военной продукции, по мере расширения масштаба войны и интенсивности военных действий, уже не могло удовлетворить потребности даже германской армии. Положение усугублялось блокадой германского побережья со стороны Англии, что самым негативным образом сказалось на поставках сырья.

Еще более тревожная ситуация сложилась в аграрном секторе. Германия и до войны примерно одну треть потребности в продуктах питания удовлетворяла за счет импорта. В годы войны из-за сокращения посевных площадей и снижения сбора урожая общий объем аграрной продукции уменьшился на треть⁷⁷. Уже в январе 1915 г. власти были вынуждены ввести хлебные карточки сначала в Берлине (с июня – на территории всей страны). Однако дальнейшее ухудшение ситуации в продовольственной сфере потребовало новых жестких мер экономии. К осени 1916 г. экономические трудности в стране приобрели угрожающие размеры. Расчет на то, что ожесточенные военные действия в конечном счете обескровят противника и вынудят его закончить войну на выгодных для Германии условиях не оправдался. Напротив, на грани истощения оказалась сама Германия и ее союзники. В довершение ко всему страны Антанты стали активно применять на поле боя новые виды оружия (прежде всего танки), которыми Германия располагала в ограниченном количестве.

Зима 1916/1917 гг. вошла в историю страны под названием «брюквенной», поскольку все основные продукты питания – молоко, масло, жиры животные и растительные, хлеб и другие – были заменены брюквой. В ответ по многим городам прокатились акции протеста. Попытки военного дуумвирата в лице назначенного начальником Генерального штаба фельдмаршала П. Гинденбурга и генерала Э. Людендорфа, овладевших фактически всеми властными полномочиями, не смогли переломить ситуацию⁷⁸. Несмотря на то что «программа Гинденбурга», предполагавшая введение прямого контроля со стороны государства за деятельностью военной экономики, в целом отвечала интересам военных промышленников, предоставляя им возможности для получения дополнительных прибылей (в том числе и за счет получения сырья по сниженным ценам), межведомственные противоречия и соперничество за выгодные военные заказы во многом снизили ее эффективность. Несмотря на то что к концу войны производство вооружения и военного снаряжения достигло рекордных 75 % от общего объема выпускаемой Германией промышленной продукции, это сопровождалось перегревом экономики, перенапряжением ресурсной базы, перегрузкой и без того испытывавшей высокое напряжение транспортной системы, что привело зимой 1917 г. к острому транспортному кризису. Как следствие, снабжение многих городов и населенных пунктов продуктами питания шло с перебоями и задержками. Это, в свою очередь, привело к распространению спекуляции на товары первой

⁷⁷ Gutsch W. Zum Funktionsmechanismus zwischen Staat und Monopolkapital in Deutschland in den ersten Monaten des Ersten Weltkrieges (1914–1915) // Jbf W. 1973. Teil I. S. 63–64.

⁷⁸ Mommsen H. Die Urkatastrophe Deutschlands. Der Erste Weltkrieg 1914–1918. S. 77–78.

необходимости и росту цен, в то время как заработная плата основных слоев населения оставаясь на прежнем уровне.

К началу 1918 г. стало очевидным, что военная экономика Германии больше не в состоянии функционировать в подобном напряжении. Ответом, как и следовало ожидать, стали многочисленные стачки, частота и размах которых стали нарастать с конца 1916 г. После успешного мартовского наступления 1918 г. германская армия столкнулась с чередой поражений, следовавших одно за другим, что окончательно подорвало моральный дух армии и общества. Усталость от войны достигла предельного уровня. Подписание перемирия в Компьене, последовавшая ноябрьская (1918 г.) революция, унижительный Версальский договор означали крах Германии как колониальной империи. Преемником Второго рейха стала скроенная по лекалам формальной демократии Веймарская республика (февраль 1919 г.), которой предстояло в полной мере испытать на себе горечь поражения. В соответствии с Версальским договором, Германия лишилась одной восьмой своей территории, где до войны проживала одна десятая часть населения, часть германских земель отошли к Франции, Бельгии, Дании, вновь созданным Польше, Чехословакии, Литве. Саарский угольный бассейн и Саарская область передавались Франции и под контроль Лиги Наций. Территория на запад от Рейна оккупировалась войсками союзников на срок от 5 до 16 лет.

Таким образом, вступив в бескомпромиссную борьбу за передел мира, Германия в конечном счете лишилась всех своих колоний и сфер влияния, а также собственности за рубежом. Более того, Версальский договор, введя жесткие ограничения на количественный и качественный состав ее вооруженных сил, казался, лишил ее каких-либо перспектив для реванша в обозримом будущем. Впереди Германию ждали трудные послевоенные годы, промышленное производство к началу 1920-х годов едва достигло половины от уровня предвоенного 1913 г. Тяжелая экономическая ситуация способствовала развитию внутриполитической нестабильности, Веймарскую республику сотрясали ожесточенные классовые столкновения. Едва не катастрофой для нее закончился военный путч Каппа – Лютвица (март 1920 г.), последовавший в ответ на ратификацию парламентом статей Версальского договора, предполагавших сокращение армии.

В не менее сложном положении оказалась Австро-Венгерская империя. Вследствие морской блокады, организованной странами Антанты, Дунайская монархия, как и Германия, лишилась возможности импортировать жизненно необходимое для военной промышленности сырье. Это в еще большей степени усугубило кризис австро-венгерской экономики, с которым она вступила в Первую мировую войну. Однако в отличие от Германии трудности со снабжением имели для Дунайской монархии не только экономические последствия. В силу сложного многонационального состава страны они привели к росту межнациональной напряженности, прежде всего в отношениях двух основных частей Дунайской монархии: Австрии и Венгрии, тем самым создавая предпосылки для будущего развала страны.

Системный кризис, охвативший Австро-Венгрию, сопровождался растущими территориальными притязаниями соседей к «лоскутной» монархии, причем не только со стороны оппонентов, но и союзников. В частности, ее основной союзник Германия, озабоченная тем, чтобы привлечь на свою сторону Италию, уже в начале марта 1915 г. добилась от Вены соглашения на то, что последняя уступит итальянцам часть своей спорной территории – Трентино. В качестве территориальной компенсации ей были предложены польские земли, которые еще предстояло закрепить за собой. Несмотря на то что в конечном итоге Италию «перекупили» страны Антанты, которые в апреле 1915 г. в обмен на обязательство Италии вступить в войну на их стороне пообещали итальянцам австрийское побережье Адриатики, Рим не отказался от остальных своих территориальных претензий к Австро-Венгрии.

Дезинтеграционным процессам, нараставшим в стране, способствовал уход из жизни 21 ноября 1916 г. императора Франца Иосифа I, находившегося у власти почти 50 лет (1867–

1916 гг.), который одной своей личностью символизировал единство страны. Смерть Франца Иосифа была воспринята населением как смена исторических эпох.

После Февральской революции в России и падения русской монархии, произведшей тяжелое впечатление на правящую элиту Австрии, сепаратный мир стал рассматриваться в качестве едва ли не единственной панацеи, однако на фоне военных неудач он уже не мог стать реальной альтернативой. Существенное влияние на развал страны сыграла Октябрьская революция в России, одним из лозунгов которой был принцип самоопределения наций. 30 июля 1918 г., за несколько месяцев до официального выхода Австро-Венгрии из войны, французское правительство официально признало право чехов и словаков на самоопределение. Следом последовало признание польского государства. Вена уже не могла ничего противопоставить распаду страны. Вышедший 16 октября 1918 г. манифест нового императора Карла I о федерализации Австрии («Манифест о народах») стал запоздалой мерой. Обещанная в нем автономия для национальных меньшинств, даже смая «широкая», уже не могла удовлетворить тех, кто стремился получить всю полноту власти. 17 октября 1918 г. венгерский парламент разорвал унию с Австрией и провозгласил независимость Венгрии. В свою очередь, Народное вече хорватов в конце октября 1918 г. заявило о готовности взять власть в свои руки в югославянских провинциях, вслед за этим Хорватия, Славония, Далмация и земли словенцев объявили о выходе из состава Австро-Венгрии. Угроза голода и повсеместная анархия вынудили их в конечном счете искать поддержки у Сербии, результатом чего стало создание 1 декабря 1918 г. единого государства, получившего название Королевства сербов, хорватов и словенцев (будущая Югославия).

После заключения перемирия с Антантой 4 ноября 1918 г. немецкоязычные округа Австро-Венгрии (Цислейтании) сделали попытку присоединиться к Германии. Однако из-за противодействия Антанты и неготовности нового германского правительства, не желавшего осложнять и без того непростые отношения со странами-победителями, германо-австрийские переговоры по этому вопросу летом 1919 г. завершились безрезультатно⁷⁹. Немецкая Австрия, как таковая, была упразднена, ряд ее земель (в том числе с преимущественно немецким населением) перешли под юрисдикцию других стран, что стало, в последующем, поводом для нацистской Германии предъявить соответствующие территориальные претензии. В первую очередь речь идет о Судетской области, переданной Чехословакии. В свою очередь, Тироль был отдан Италии, часть южных территорий – новоиспеченному Королевству сербов, хорватов и словенцев. Подобные решения, безусловно, противоречили праву наций на самоопределение, провозглашенному В. Вильсоном, но страны-победительницы, занятые перекройкой границ побежденных стран, не обращали внимания на такую «мелочь».

В первые послевоенные годы Австрийская республика переживала острый социально-экономический кризис, обусловленный в том числе утратой экономически важных районов, оказавшихся в составе других государств. Сформированное правительство К. Реннера, стремясь стабилизировать внутривнутреннюю ситуацию, первоначально сделало ставку на проведение активной социальной политики. Предпринимателям было запрещено увольнять рабочих без санкции промышленных окружных комиссий, демобилизованные из армии бывшие государственные служащие получили право вернуться на прежние места работы. Была проведена реформа рабочего законодательства: отменены рабочие книжки, штрафы за разрыв договора, ночные работы для женщин и детей и др. В соответствии с законом от 30 июля 1919 г. впервые вводился ежегодный оплачиваемый отпуск, в декабре 1919 г. был введен 8-часовой рабочий день. Закон о социализации от 29 июля 1919 г. создавал правовую основу для соучастия в системе отраслевого управления предпринимателей, рабочих и потребительских сою-

⁷⁹ История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945 / под ред. Е. Ф. Язькова. М., 1989. С. 285.

зов, а также представителей государства⁸⁰. Однако реализация принятых законов из-за послевоенной дезорганизации экономики и высокой инфляции осуществлялась непоследовательно. Оторванная от экономического пространства бывшей империи, перенесшая тяжесть военного поражения Австрия столкнулась с огромными трудностями по восстановлению финансовой и производственной инфраструктур. Крестьяне, наученные горьким опытом военных лет, не торопились поставлять скудные запасы продовольствия в города, что не позволяло преодолеть проблему голода и социальной неустойчивости. Положение усугублялось тем, что подписанный 10 сентября 1919 г.

Сен-Жерменский мирный договор не только фактически оставлял Австрию один на один с ее экономическими проблемами, но и отягощал необходимостью выплаты репараций. В этих условиях правительство К. Реннера было вынуждено пойти на ряд непопулярных мер, включавших запрет деятельности советов рабочих и солдатских депутатов и существенную ревизию социальных программ государств. Довоенного экономического уровня Австрия смогла достигнуть лишь в конце 1920-х годов. Самой же Австрийской республике было суждено существовать до марта 1938 г., когда аншлюс (присоединение) Австрии к Германии был осуществлен уже по инициативе немецкого нацистского руководства.

В ноябре 1918 г. вновь сформировалась польская государственность, в состав которой была включена Галиция. Границы нового государства были определены лишь в 1919–1921 гг., в рамках Версальского мирного договора и по итогам войны с советской Россией. Созданная двунациональная Чехословацкая республики, в состав которой вошли земли как со славянским, так и немецким населением, хотя и смогла избежать явных революционных потрясений, переживала тяжелые времена в 1920-е годы. Что касается Королевства сербов, хорватов и словенцев, то ему помимо необходимости преодоления острого социально-экономического кризиса приходилось противостоять угрозе интервенции со стороны Италии, которая, воспользовавшись моментом, намеревалась захватить часть его территории на Адриатическом побережье. Таким образом, **Антанта, разрушив Австро-Венгерскую империю, создала в Центральной Европе огромный пояс нестабильности, пронизанный взаимной неприязнью и территориальными претензиями новообразованных государств. В недалеком будущем это стало одной из главных причин вызревания Второй мировой войны.**

В результате Первой мировой войны закончила свое существование также Османская империя, шесть веков просуществовавшая на огромной территории в Европе, Азии и Африке. Глубинной причиной краха Османской империи явилась неспособность и нежелание правящих кругов реализовать радикальное реформирование закостеневшей политической, экономической и военной структур. Гибель империи была вызвана также стремлением многочисленных покоренных ранее народов восстановить свою государственность.

Долго колеблясь, прежде чем вступить в войну, младотурецкое правительство рассчитывало на помощь своего мощного союзника, Германии, в решении своих экономических проблем. Кроме того, Стамбул надеялся на то, что Берлин окажет содействие в реализации амбициозных пантюркских замыслов. Ради закрепления за собой Турции Берлин на словах, поддерживал идею младотурок о создании «великого Турана» за счет оккупации Закавказья и Средней Азии. В результате младотурецкая диктатура решила привязать Османскую империю к политике кайзеровской Германии, вследствие чего резко возросла и экономическая зависимость страны от Центральных держав, которые были заинтересованы в Турции как союзнике, чтобы получить через нее контроль над проливами, воспользоваться ресурсами страны и плацдармами в Юго-Восточной Европе, Африке, Восточной Анатолии. Немаловажным явля-

⁸⁰ Манхейм К. Кризис нашего времени. М., 1994. С. 113.

лось также то, что Стамбул в случае мобилизации мог поставить под ружье значительную по численности армию.

Однако в войну Османская империя вступила в еще более ослабленном положении, чем Дунайская монархия. Основное место в экспорте Турции занимала продукция сельского хозяйства. Поскольку в годы войны внешняя торговля страны из-за блокадных действий стран Антанты, включая Россию замерла, это привело к нарастанию кризисного состояния в агросекторе и, как следствие, резкому сокращению импорта промышленных изделий за счет вырученной валюты. Необходимость содержания огромной, 800-тысячной армии после проведенной мобилизации вынуждало правительство идти на непопулярные меры, включая задержку и даже невыплату жалования государственным служащим. Общую безрадостную картину довершали неудачи на фронтах, в том числе по причине того, что турецкое командование явно переоценило свои силы. Военные действия Турция развернула сразу на четырех фронтах (Балканском, Закавказском, Месопотамском и Синайском), нигде не добившись существенных успехов.

Внутренние ресурсы страны были истощены. Турецкая армия, голодая, испытывая недостаток в боеприпасах и вооружении, к концу войны находилась в плачевном состоянии. Надежда для нее, казалось, мелькнула в январе 1918 г., когда начатое наступление на Кавказском фронте против деморализованных русских войск стало развиваться успешно. Здесь турки быстро вышли на границу, существовавшую до 1914 г. 15 сентября они захватили Баку, получив в распоряжение бакинскую нефть. В начале октября турецкие войска начали вторжение в Дагестан, захватив Дербент⁸¹. Однако общее поражение Центральных держав вынудило турецкую армию уйти с Кавказа. Турецкая империя затрещала по швам. Мудросское перемирие, заключенное 30 октября 1918 г., подвело черту под существованием Османской империи. По итогам войны Османская империя приняла на себя обязательство уступить войскам Антанты все занятые турками территории в Закавказье⁸². Однако Англия и Франция, как показали дальнейшие события, не удовлетворились этими приобретениями, а также разделом между собой арабских земель, принадлежавших Османской империи. Они намеревались захватить саму Турцию, и лишь мощное партизанское сопротивление, принявшее характер национально-освободительного движения под руководством генерала Мустафы Кемаль-паши, опрокинуло расчеты интервентов. Это вынудило держав Антанты 11 октября 1922 г. подписать с Турцией акт о перемирии, а 24 июля 1923 г. в Лозанне – окончательный мирный договор. За Турцией сохранялись Восточная Фракия, Измир и другие турецкие территории.

Таким образом, хотя распавшиеся империи и начали заблаговременную подготовку к войне, все они, не исключая экономически развитой Германии, оказались не готовы к ведению длительной войны, сопровождавшейся применением массовых армий и поглощавшей огромное количество материальных средств. Запасы вооружения и боеприпасов, накопленные в мирное время, смогли обеспечить лишь первоначальные боевые операции. Как следствие, фронт оказался в полной зависимости от тыла. В экстремальных условиях войны мобилизация промышленности проходила во многом стихийно и не смогла обеспечить в полной мере растущие потребности фронта.

Первая мировая война имела далеко идущие последствия для экономики воевавших европейских стран. Она привела к деформации хозяйственных связей между промышленностью и сельским хозяйством, между транспортом и другими отраслями хозяйственного организма, резко сократила производство предметов широкого потребления и ухудшила материальное положение основной части трудящихся, что привело к нарастанию протестного движения. Нарушив сложившиеся международные хозяйственные связи, военные действия

⁸¹ Мировые войны XX века. Сб. ст. / отв. ред. Г. Д. Шкундин. Кн. 1. Первая мировая война: исторический очерк. М., 2002. С. 220.

⁸² Петросян Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. Исторический очерк. М., 1990. С. 270.

вызвали существенные изменения во внешней торговле воюющих стран, что выразилось прежде всего в значительном сокращении экспорта и увеличении импорта, необходимого для развития военного производства. Это, в свою очередь, привело к перенапряжению бюджетов воюющих государств. Лихорадочные поиски новых источников средств за счет выпуска внутренних и внешних займов, включения печатного станка, усиления налогообложения вызвали безудержную инфляцию, еще более обострив социально-экономический кризис вовлеченных в войну государств. Огромное хозяйственное разорение, упадок и истощение производительных сил обусловили в конечном счете крах Германии, Австро-Венгрии, России и Османской империи.

Первая мировая война завершилась Версальским мирным договором, подписанным 28 июня 1919 г. державами-победительницами, с одной стороны, и капитулировавшей Германией – с другой. Версальский договор, продиктованный США, Англией и Францией, преследовал цель закрепить передел мира в их пользу, а также подготовить политические и военные условия для уничтожения Советской России, возникшей на обломках Российской империи.

В процессе послевоенного устройства мира Германия лишилась значительной части своей территории и всех колоний, превратилась в зависимую в экономическом отношении страну. На обломках многонациональной Дунайской монархии возникло семь новообразованных государств, таких же многонациональных (за исключением Австрии и Венгрии), только гораздо более слабых в экономическом отношении. Коллапс империи Габсбургов в последующем создал благоприятную ситуацию для покорения Европы нацистской Германией. Государства – преемники империи Габсбургов были слишком слабы и разрозненны, чтобы противостоять экспансионистским устремлениям Гитлера. Что касается Османской империи, просуществовавшей свыше шести веков, то ее арабские территории стали объектом добычи держав-победительниц, на месте бывшей империи возникла Турция в качестве светского государства.

Масштабная перекройка европейских границ, осуществленная далеко не всегда в соответствии с принципом национального самоопределения, создала предпосылки для многочисленных взаимных территориальных притязаний, в том числе и для сохранившей свой экономический потенциал Германии. В скором будущем это стало благодатной почвой для реализации пришедшим к власти нацистским режимом своей экспансионистской политики.

2.4. Основные экономические противоречия после Первой мировой войны

Новая конфигурация международных отношений, сложившаяся после окончания Первой мировой войны, предопределила появление новых, труднопреодолимых экономических противоречий. С определенной степенью условности эти противоречия могут быть объединены в три группы: внутрикоалиционные в лагере победителей; между странами-победительницами и побежденными; между капиталистическим миром и первым социалистическим государством – Советской Россией.

Первая группа противоречий характеризовалась стремлением стран Антанты (за исключением преждевременно вышедшей из войны России) с максимальной выгодой использовать экономические плоды победы, что в полной мере выявилось в ходе переговорного процесса по послевоенному устройству мира. Каждая из держав-победительниц (США, Англия, Франция, Япония, Италия, Бельгия), пользуясь моментом, намеревались усилиться за счет побежденных, стремясь в полной мере реализовать свои территориальные, финансово-экономические и иные притязания.

Наиболее мощной в военном и экономическом отношении страной в континентальной Европе после окончания войны стала Франция. Используя это преимущество, Париж намеревался максимально ослабить Германию с тем, чтобы на долгий период обеспечить французскую гегемонию на Европейском континенте. На бывшую Германскую империю, в рамках Версальского мирного договора, была возложена вся полнота ответственности за развязывание войны, что стало основанием для обременения Германии суровыми обязательствами, в том числе экономическими. Были арестованы и секвестированы германские заграничные активы в размере 7 млрд долл, в течение 10 лет Германия обязывалась поставить Франции до 14 млн т угля, Бельгии – 80 млн, Италии – 77 млн.

В ходе работы Парижской мирной конференции (январь 1920 г.) Франция, не настаивая, по политическим соображениям, на аннексии левого берега Рейна, населенного немцами и исторически составлявшего неотъемлемую часть Германии, предложила создать здесь «независимую» Рейнскую республику. В качестве гарантии против возможной агрессии со стороны Германии предусматривалась оккупация этой территории иностранными войсками, вплоть до выполнения Германией всех условий мирного договора. В случае реализации своих планов, Франция получала возможность контролировать Рурскую область – важнейший промышленный район Западной Европы. Однако осуществить этот проект Парижу не удалось по причине противодействия других держав-победительниц⁸³. Все, на что были готовы Вашингтон и Лондон, это вернуть Франции Эльзас и Лотарингию, а также предоставить ей права на эксплуатацию угольных шахт Саарского бассейна сроком на десять лет.

Не удовлетворенный подобным решением, Париж потребовал от Германии выплаты крупной суммы в возмещение ущерба, причиненного войной (репарации), а также настаивал на резком сокращении и качественном ограничении германских вооруженных сил⁸⁴. Рассчитывая сделать своими сателлитами в европейской политике вновь образованные Польшу, Чехословакию, Сербию, а также Румынию, Париж поддержал их территориальные притязания к соседям. Немаловажную роль в подобной политике играло намерение французских правящих кругов использовать эти страны в борьбе против Советской России. К началу Парижской мирной конференции (январь 1920 г.) стало очевидным, что иностранная военная интервенция в

⁸³ Всемирная история: В 10 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. Т. 8. С. 109.

⁸⁴ Там же. С. 100.

Россию не привела к свержению политического режима Советской России, напротив, она лишь «инфицирует» революционными настроениями войска западных держав, которые по возвращении на родину способны «экспортировать» революцию в западные страны. Страны Антанты сочли благоразумным в этой ситуации сделать ставку на поддержку внутренней контрреволюции и поощрение антисоветской политики находящихся в зависимости от них «молодых» капиталистических государств, прежде всего Польши и Румынии, имевших давние территориальные претензии к России.

Франция, по праву победительницы, претендовала также на ряд германских колоний в Африке и часть малоазиатских территорий бывшей Османской империи. Их сырьевая база могла, по расчетам Парижа, помочь преодолеть в сжатые сроки экономические проблемы военных лет, которые выражались прежде всего в огромной задолженности по военным займам перед США и Англией, а также замедлить темпы инфляции. Собственные интересы в отношении побежденных стран преследовала Англия, намереваясь окончательно покончить с довоенным морским могуществом Германии и прибрать к рукам как можно больше из ее пусть небольшой колониальной империи.

В ходе войны Англия потеряла около трети национального богатства. Только потери торгового флота составили около 40 % от довоенного тоннажа, выпуск промышленной продукции упал на 20 %. Резко ухудшилось состояние внешней торговли, что сопровождалось ростом дефицита торгового баланса. Внешний долг страны к концу войны превысил 1 млрд фунтов стерлингов, из которых большая часть приходилась на долю США. Таким образом, Англия из крупнейшего кредитора превратилась в должника американских банкиров, вслед за утратой промышленной монополии потеряв и финансовое превосходство в мире. В ходе войны ей не удалось сохранить свои экономические позиции на Востоке и в Латинской Америке, где ее потеснил американский и японский капитал. До войны английский капитал играл важную роль в важнейших отраслях добывающей промышленности России – в горнорудной, угледобывающей, добыче золота, нефтяной и ряде других. Кроме того, не менее половины добычи нефти в России находилось под контролем англо-французского капитала. Выпадение России из системы капитализма лишило Англию одного из наиболее крупных внешних рынков.

В создавшихся условиях в планы Лондона не входило ослабление Германии настолько, чтобы она не смогла стать реальным противовесом возросшему влиянию Франции. В связи с этим противоречивой была позиция Англии в отношении репараций. С одной стороны, Лондон хотел за счет репараций восстановить подорванную во время войны финансовую гегемонию в мире, с другой – перед лицом возросшего французского влияния опасался чрезмерного ослабления Германии. Острые противоречия по этому вопросу привели к тому, что державы-победительницы отказались фиксировать окончательную сумму репараций, установив лишь первый взнос, подлежавший уплате до 1 мая 1921 г., – 20 млрд марок. Английские интересы столкнулись с французскими и при обсуждении вопроса о разделе германских колоний и бывших владений Османской империи. В конечном итоге раздел этих территорий между державами-победительницами был осуществлен здесь под видом учреждения здесь мандатной системы. Мандатные территории (фактически новые колонии) были распределены между Англией, ее доминионами, Францией, Японией и Бельгией⁸⁵. Англии достались мандаты на основную часть германской Восточной Африки, за исключением Руанды и Урунди, отошедших к Бельгии, и Кионги, переданной Португалии. Камерун стала «опекать» Франция. Германская Юго-Западная Африка перешла к Южно-Африканскому союзу. Германскую часть Новой Гвинеи отдали Австралии, а острова Самоа – Новой Зеландии. За Японией были оставлены захваченные ею германские владения в центральной части Тихого океана: Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. Сложнее решался вопрос о китайской провинции Шаньдун,

⁸⁵ Всемирная история. Т. 8. С. 108.

которой до войны Германия распоряжалась фактически как своей колонией. Китай настаивал на возвращении ему этой провинции, Япония, в свою очередь, требовала передачу ей всех германских «прав» в Шаньдуне. В конечном итоге львиная доля колониальных территорий, по итогам Парижской конференции, досталась Лондону. Его главный конкурент в предвоенный период, Германия, была на долгие годы устранена с мирового рынка.

Помимо раздела германской колониальной империи в свою пользу, Лондон был озабочен поиском путей противодействия экономическому проникновению на рынки сбыта своей колониальной империи новых конкурентов, США и Японии. Проблема заключалась в том, что в годы войны Лондон, вынужденный переориентировать значительную часть своей гражданской промышленности на военные нужды, допустил значительное технико-экономическое отставание от американской промышленности. В итоге английские товары, в силу дороговизны, стали утрачивать свою конкурентоспособность по сравнению с американскими и японскими. Лондон тяготила также огромная задолженность по военным займам США.

Нажившись на войне, американцы оказались в наиболее благоприятной экономической позиции после ее окончания. Масштабные поставки странам Антанты вооружения, различного рода оборудования, сырья и продовольствия привели к резкому оживлению американской экономики, одновременно возросли финансовые возможности США. Задолженность европейских государств США за годы войны достигла астрономической суммы в 10 млрд долл.⁸⁶

В подобной ситуации, несмотря на то что у политики «изоляционизма» оставалось еще немало влиятельных сторонников в США, стремление Вашингтона утвердиться в новой роли глобального игрока усилило противоречия США с другими державами-победительницами, в том числе с Англией.

Япония, оставаясь в стороне от эпицентра европейского конфликта, в годы войны устремила свои усилия на захват Азиатского материка, сумев овладеть германскими колониями в Китае и северной части Тихого океана. Ей удалось навязать Китаю кабальный мирный договор, занять монопольное положение на рынках Восточной Азии и существенно расширить торговые отношения с рядом стран Центральной и Южной Америки, что вызвало раздражение Вашингтона, руководствовавшегося относительно Латинской Америки «доктриной Монро»⁸⁷. Вашингтон также не устраивало намерение Японии расширить сферу своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Значение дальневосточных рынков для американцев существенно возросло после открытия в 1920 г. Панамского канала, сократившего морской путь между важнейшими американскими портами и Дальним Востоком. Как следствие, борьба за влияние на Дальнем Востоке, особенно в Китае, выдвинулась на первый план в американо-японских отношениях.

Попытки разрешить их на Вашингтонской мирной конференции, открытой 12 ноября 1921 г., успеха не имели. Вашингтонская конференция зафиксировала установившееся к этому времени соотношение сил на Тихом океане, дополнив и частично изменив Парижские договоры 1919–1920 гг. Решения конференции, создав так называемую Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений, отвечавшую интересам прежде всего американской политики, стали причиной того, что противоречия между США и Англией, с одной стороны, и Японией – с другой, не только сохранились, но и продолжали обостряться.

Несмотря на незначительный вклад в победу, свои территориальные и экономические претензии в послевоенном переустройстве мира выдвинула Италия. Рим настаивал на присо-

⁸⁶ Всемирная история. Т. 8. 1961. С. 101.

⁸⁷ «Доктрина Монро» (англ. – Monroe Doctrine) – декларация принципов внешней политики США («Америка для американцев»), провозглашенная 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании президента США Дж. Монро к конгрессу США. В президентском послании был выдвинут принцип разделения мира на европейскую и американскую системы государственного устройства, провозглашена концепция невмешательства США во внутренние дела европейских стран и, соответственно, невмешательства европейских держав во внутренние дела Западного полушария.

единение к Италии обширных территорий, до этого входивших в состав Австро-Венгерской империи, в том числе Трен-тино (Южный Тироль), ряда южнославянских земель, а также обещанной в качестве условия ее вступления в войну отдельных территорий Османской империи.

Ожесточенная борьба за передел мира продолжилась и после подписания мирных договоров. В межвоенный период острое экономическое соперничество развернулось у Англии не только с США, но и с Францией, экономика которой в 1920-е годы не только восстановилась, но и стала быстро развиваться. В немалой степени успехам Франции способствовало возвращение железорудной Лотарингии. Уже в 1925 г. тяжелая промышленность Франции превзошла довоенный уровень. Кроме того, огромную сумму (8 млрд марок) Франция получила по репарациям у Германии. В результате, по темпам промышленного роста (около 5 % в год) Франция уступала только США.

В Англии, в отличие от Франции и Германии, объем промышленного производства за время войны почти не изменился, однако ее ведущие отрасли промышленности – текстильная, угольная, судостроительная – постепенно теряли рынки из-за растущей конкуренции со стороны США. На экономике Великобритании не лучшим образом сказалось также возвращение к золотому стандарту (1925 г.). Оно повысило (до уровня довоенного паритета) курс фунта стерлингов по отношению к доллару и другим национальным валютам и тем самым вызвало относительное удорожание английских товаров, снизив их конкурентоспособность на мировых рынках. Лондон, не располагая необходимыми золотыми резервами для поддержания масштабов валютно-финансовых сделок, уже не смог вернуть себе позицию мирового финансового центра, занятую после войны Нью-Йорком.

Что касается Германии, то навязанные ей жесткие договоренности привели к резкому ослаблению ее экономической мощи. В соответствии с Версальским мирным договором (подписан 28 июня 1919 г.), Германия лишалась одной восьмой территории, возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, передавала ей Саарский угольный бассейн (сроком на 15 лет), к Бельгии отходили округа Мальмеди и Эйпен, к Польше – Познань, части Поморья и Пруссии. Этими потерями экономический ущерб Германии, как побежденной стороны, не ограничился. Берлину предстояло возместить убытки, нанесенные странам-победительницам в виде репараций, предполагавших платежи в золоте и товарах, поставки различного рода оборудования, угля, скота, строительных материалов. На него возлагалось также содержание оккупационных войск и установление наиболее благоприятного режима для судоходства и торговли со странами Антанты.

Подобные условия мирного договора легли непосильным бременем на и без того истощенную страну. Германии, оказавшейся в международной изоляции, лишенной большинства своих экспортных возможностей, предстояло столкнуться с невиданными трудностями в экономической сфере. Борьба за отсрочку сроков и облегчение финансовых обязательств стала в годы Веймарской республики главной темой всех внешнеполитических переговоров. В 1918 г. объем германского промышленного производства составлял лишь 57 % от уровня 1913 г. Одной из причин этого являлось то, что за годы войны здесь не обновлялись основные производственные фонды, что привело к падению производительности труда и сокращению объемов производства. Вдвое снизились объемы сельскохозяйственного производства. Неизбежным следствием войны стало разрушение финансовой системы. Правительство, как и в годы войны, было вынуждено прибегать к массовой бумажной эмиссии, что раскручивало маховик инфляции и сопутствующий рост цен.

В обеспечении репарационных выплат победители вывозили из Германии все, что представляло хоть какую-то материальную ценность (сырьевые ресурсы, оборудование, скот и др.). Из страны ушел практически весь золотой запас, что также стало одной из основных причин безудержной инфляции. С целью ее обуздания в 1923 г. была проведена реформа по стабилизации денежной единицы с деноминацией денежной массы, что позволило в некоторой сте-

пени стабилизировать финансово-экономическую систему. Однако психологические травмы от тягот послевоенной жизни так и не были залечены, что стало предпосылкой для роста реваншистских настроений в Германии. Версальский договор воспринимался подавляющим большинством населения как диктат и унижение со стороны победителей.

Послевоенная Германия нуждалась не только в реформировании экономики (конверсии военного производства для выпуска гражданской продукции), но и стабилизации внутривнутриполитической обстановки. Помимо последствий ноябрьской революции 1918 г. правительству приходилось бороться с попытками сепаратистов отторгнуть от Германии Рейнскую область, а также купировать конфликт с властями Баварии.

Столкнувшись с конфронтационным подходом на западе, Берлин обратил свой взор в сторону Советской России, которая после войны оказалась в схожей ситуации международной изоляции и необходимости преодоления послевоенной хозяйственной разрухи. Неприятие Версальского договора, создание пояса малых враждебных государств, планы по расчленению как Германии, так и России, а также необходимость преодоления экономического кризиса оказались сильнее политико-идеологической несовместимости, следствием чего стал Рапалльский договор между РСФСР и Германией, заключенный в апреле 1922 г. во время работы Генуэзской конференции. Содержание договора не содержало ничего необычного: Россия обязалась не настаивать на репарациях, право на которые было закреплено за ней Версалем, а Германия признала правомерность национализации германской собственности в России; были также восстановлены дипломатические отношения и подтвержден принцип наибольшего благоприятствования в торговле.

Значение Рапалльского договора заключалось в том, что для Советской России он стал первым полномасштабным договором, признавшим ее де-юре в качестве государства, а для Германии – первым полноправным договором после Версаля. Несмотря на то что для обеих сторон это был вынужденный и временный союз, вызванный крайней, прежде всего экономической необходимостью, он сыграл важную роль в прорыве международной изоляции обеих стран⁸⁸. Для Германии фактор экономических и военных связей с Советской Россией стал рычагом давления на страны Антанты с целью ослабления пут Версальского договора и последующего возвращения в «клуб великих держав». Для Москвы же договор давал возможность не только прорвать изоляцию, но и получить из Германии ряд промышленных технологий, в которых так нуждалась разоренная страна.

Немаловажную роль в установлении деловых контактов между двумя странами играли соображения обороноспособности. Между сторонами был заключен ряд военных и военнотехнических соглашений. Об их значении говорит тот факт, что в отдельные годы советский импорт из Германии был почти полностью представлен предметами вооружения⁸⁹. С предоставления концессии фирме «Юнкере» началось становление советской авиационной промышленности.

Заключение Рапалльского договора, перспектива дальнейшего развития отношений между Германией и Советской Россией вызвали тревогу в стане стран-победительниц, которые первоначально решили воздействовать на Берлин демонстрацией силы. 24 апреля, спустя неделю после Рапалло, французский премьер-министр Р. Пуанкаре в одном из своих публичных выступлений прямо указал на возможность военной интервенции Франции. Дальнейшие действия Парижа не заставили себя ждать. В конце 1922 г. комиссия по репарациям констатировала сокращение поставок из Германии древесины и угля. В начале 1923 г., в ответ на невыплату всей суммы репараций, части французской и бельгийской армий вошли в Рур, заняв территорию, где добывалось свыше 70 % угля и производилось более 50 % чугуна и стали Вей-

⁸⁸ Горлов С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва-Берлин, 1920–1933. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 314.

⁸⁹ Горлов С. А. Указ. соч. С. 315.

марской республики. Немцы, в ответ на вторжение, ответили «пассивным сопротивлением»⁹⁰. Помимо этого, попытка Франции подавить сопротивление натолкнулись на обструкцию со стороны США и Англии, которые не были заинтересованы в экономическом удушении Германии, опасаясь не только возможных социальных потрясений, но и еще более тесного сближения Германии с СССР. Как следствие, наступил период послаблений для выплаты Германией репарационных выплат.

Летом 1924 г. на Лондонской конференции был принят так называемый «план Дауэса», который предусматривал не только уменьшение ежегодных репарационных платежей Германией, но и предоставление ей кредитов на восстановление промышленности. По «плану Дауэса», Германия получила около 30 млрд золотых марок, а выплатила в счет репараций лишь 8 млрд марок. Полученные кредиты способствовали быстрому оживлению германской экономики.

«План Дауэса» ориентировал германскую промышленность на реализацию ее продукции в первую очередь, на рынках стран Восточной Европы и СССР, которые, по замыслу, должны были превратиться в аграрно-сырьевые придатки Германии. Превращение Восточной Европы и СССР в рынки сбыта германской промышленной продукции, помимо прибылей американским банкам, являвшимся фактическими владельцами или совладельцами многих германских промышленных концернов, должно было решить еще две задачи: ликвидировать французское влияние в Восточной Европе и не допустить индустриализацию СССР, способную превратить его в мощную державу⁹¹.

В последующем Запад, заинтересованный в Германии в качестве антисоветской силы, продолжил политику послаблений относительно последней. Последовавшие Локарнские договоры (октябрь 1925 г.), в еще большей степени, смягчили условия Версальского договора, отменив, в частности, контроль стран Антанты над германской военной промышленностью и признав необходимость эвакуации французских войск из Саара. В том же 1925 г. франко-бельгийские войска были выведены из области. Германии было возвращено право на ведение самостоятельной внешнеторговой политики, что стимулировало ее экономическую деятельность. Вслед за Локарно Германия в 1926 г. получила членство в Лиге Наций, в 1930 г. была демилитаризована Рейнская область.

Наметившиеся перспективы быстрого восстановления экономики подстегнули Берлин к тому, чтобы с еще большей настойчивостью бороться за отмену ограничений, наложенных Версальским договором. Намерения Германии получили поддержку США, заинтересованных в том, чтобы вложенные в Германию американские инвестиции приносили все большую прибыль. Как следствие, в июне 1929 г. был представлен новый, второй по счету репарационный план для Германии, получивший известность в качестве «плана О. Юнга» (по имени американского банкира). Утвержденный на второй Гаагской конференции в январе 1930 г. «план Юнга» устанавливал, что Германия должна будет выплачивать репарации вплоть до 1988 г., ежегодные репарационные платежи Германии снижались еще на 20 %. Отныне перечень основных источников репараций для Германии был ограничен доходами госбюджета и прибылью, получаемой от эксплуатации железных дорог. Долговые обязательства, возложенные на германскую промышленность, аннулировались, что создавало перспективы для ее дальнейшего роста. Были также сняты все виды союзнического контроля за финансовой системой и экономикой Германии. Фактически последние репарационные выплаты Германия осуществила в 1932 г., после установления в стране нацистского режима в 1933 г. они сошли на нет. Всего Германия успела выплатить в рамках репараций около 20 млрд марок.

⁹⁰ С оккупацией Рурской области Германия лишилась 88 % угля, 48 % железа, 70 % чугуна.

⁹¹ История Второй мировой войны: В 12 т. М., 1979. Т. 1. С. 20.

Благодаря сохраненному экономическому потенциалу, мало затронутому войной, а также послаблениям со стороны стран-победительниц Германия уже к концу 1920-х годов смогла достичь довоенного уровня промышленного развития. Вдвое вырос объем промышленного производства, причем на новой технологической базе. Бурное развитие получили молодые отрасли промышленности – химической и электротехнической, было освоено производство искусственного бензина и синтетического шелка. К концу 1920-х годов Германия по объему производимой продукции вышла на 1-е место в Европе (12 % общемирового), уступив лишь США (44 %) ⁹². Германский финансовый капитал вновь занял свое место в международных монополистических объединениях. По инициативе германских магнатов в 1926 г. был создан Европейский стальной картель, на долю которого пришлось около двух третей европейского производства стали.

Вместе с тем экономический рост здесь сопровождался усилением зависимости германской экономики от зарубежных, прежде всего американских, инвесторов. В 1929 г. американские инвестиции в Германии составили 70 % всех иностранных капиталовложений, и большая часть из них принадлежала американской финансовой группе Дж. Моргана. Банковскому дому Моргана принадлежала вся химическая промышленность в лице концерна «И. Г. Фарбенидустри». Через «Дженерал электрик» Морган контролировал германскую радио- и электротехническую промышленность в лице германских концернов «АЭГ» и «Сименс». Через «Дженерал моторе» под его контролем находился германский автомобилестроительный концерн «Оппель». Позиции иностранного капитала в германской экономике укрепляла деятельность Банка международных расчетов, созданного для распределения германских репараций между союзниками ⁹³.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. сопровождался падением производства во всех ведущих державах, но Германия стала одной из наиболее пострадавших стран, поскольку состояние ее экономики зависело от иностранных инвестиций. Кроме того, дальнейший рост производства здесь сдерживался узостью внутреннего рынка, поскольку уровень жизни основной части германского населения был все еще низким. Это вынудило страны-победительницы в еще большей степени смягчить финансово-экономические обязательства Германии. В 1931 г. американский президент США Г. Гувер выступил с предложением о моратории, предполагавшем отсрочку репарационных платежей Германией на год. Но попытки паллиативных решений уже не могли сбить остроту напряженности в обществе, итогом чего стал легальный приход нацистов к власти в 1933 г.

Помимо Германии в тяжелом экономическом отношении оказались государства, образовавшиеся на обломках Австро-Венгерской империи, распад которой был оформлен 10 сентября 1919 г. Сен-Жерменским договором. С целью пресечь любую попытку реставрации империи Габсбургов Франция добилась раздела территории Австро-Венгрии между семью государствами, из которых Австрия и Венгрия в территориальном отношении оказались наименьшими. Австрия была вынуждена признать независимость Венгрии, Польши, Чехословакии и Королевства словенцев, хорватов и сербов. Часть южнославянских земель, прежде принадлежавших Австрии, отошла к Италии, которая присоединила к себе также Южный Тироль.

У Австрии был отнят военный и торговый флот на Адриатике и Дунае, ее обязали уплачивать репарации, размеры и сроки выплаты которых должна была определить репарационная

⁹² История Второй мировой войны. Т. 1. С. 112.

⁹³ Банк международных расчетов был создан в 1930 г. на основе Гаагского соглашения центральных банков пяти государств (Бельгии, Великобритании, Германии, Италии и Франции) и конвенции этих стран со Швейцарией, которая стала резиденцией для Банка международных расчетов (Базель). Банк был создан в связи с «планом Юнга» о репарациях, выплачиваемых Германией странам – победителями в Первой мировой войне. Официально США не участвовали в создании Банка международных расчетов, так как не могли получать репарационные платежи с Германии. Поэтому на акции Банка международных расчетов подписались частные американские банки во главе с банкирским домом Дж. Моргана.

комиссия. С Румынией и двумя новыми государствами – **Чехословакией и Югославией** – Франция образовала так называемую «малую Антанту», а восстановленной Польше оказала помощь в войне с РСФСР в 1920 г. Раздел Австро-Венгрии еще более усугубил положение региона, поскольку привел к нарушению привычных хозяйственных связей между различными частями бывшей империи – в частности, промышленной Чехии (Богемии) и хлебопроизводящей Венгрии. Он также препятствовал послевоенному восстановлению торговли, в связи с чем новые государства с первых шагов своей независимости ввели таможенные барьеры.

27 ноября 1919 г. в парижском предместье Нейи был подписан мирный договор с Болгарией. Договор значительно урезал территорию Болгарии, лишившейся Южной Добруджи в пользу Румынии. Часть Македонии, входившая ранее в состав Болгарии, перешла к Королевству словенцев, хорватов и сербов. В пользу Греции от Болгарии отторгли Западную Фракию из-за чего она утратила выход к Эгейскому морю. Как и другие побежденные государства, на Болгарию были возложены репарационные обязательства и реституции. Болгария вступила в длительный период экономического кризиса.

В целом система международных отношений, созданная после Первой мировой войны и получившая название Вашингтоно-Версальской, должна была обеспечить господствующее положение нескольких крупнейших государств-победителей. Однако расчеты на ее долговременный характер не оправдались. В первую очередь, скрытую оппозицию, а затем и открытый вызов этой системе бросила Германия, в которой на волне реваншистских настроений к власти в 1933 г. пришел нацистский режим, опиравшийся на достигшую значительного уровня развития экономику. В немалой степени экономическому восстановлению Германии, в том числе ее военно-промышленного потенциала, способствовали американские монополии, расширившие картельные связи с германскими концернами

Острый узел противоречий в послевоенный период сформировался между капиталистическими державами-победительницами и Советской Россией, который был основан не только на стремлении, воспользовавшись ослабленным положением страны, захватить ряд ее богатых ресурсами территорий, но на непримиримом антагонизме общественно-политических систем. Продолжавшийся, несмотря на Гражданскую войну и иностранную интервенцию, социалистический эксперимент в Советской России являлся опасным для Запада ферментом, который усиливал революционное брожение в странах-победительницах.

Страны Антанты не устраивала независимая, несмотря на тяжелое экономическое положение, внешняя политика Советской России. Неудивительно, что она была лишена возможности участвовать в переговорном процессе относительно послевоенного устройства мира⁹⁴. В конце октября 1918 г. утвержденный Вильсоном секретный «Комментарий» к «14 пунктам» прямо предусматривал уничтожение советской власти и расчленение России. В «Комментарии» указывалось, что так как независимость Польши уже признана, то не приходится говорить о единой России; на ее территории должны образоваться отдельные государства – Латвия, Литва, Украины и др.; Кавказ рассматривался «как часть проблемы Турецкой империи»; предлагалось также предоставить одной из стран-победительниц мандат для управления Средней Азией на основе протектората⁹⁵.

После того как державы-победительницы убедились, что военным путем уничтожить Советскую Россию не удастся, их политика по отношению к побежденной Германии претерпела существенные изменения, смысл которых состоял в том, чтобы, содействуя ее экономическому возрождению (под контролем стран-победительниц), в последующем канализировать

⁹⁴ Всемирная история. Т. 8. С. 104.

⁹⁵ Всемирная история: Итоги Первой мировой войны / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек [и др.]. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2001. С. 82.

внешнеполитические устремления Германии против Советского государства⁹⁶. Этому, казалось, способствовало то, что экономика молодой советской державы была фактически уничтожена в ходе Гражданской войны и иностранной интервенции. В стране царил товарный и продовольственный голод. Валовая продукция промышленности страны в 1920 г. составила лишь 20 % от уровня 1913 г.⁹⁷ Ликвидация международных торговых связей привела к тому, что Россия оказалась оторванной от международного рынка. **Страны Антанты, объявив блокаду Советской России, фактически развязали против нее беспощадную экономическую войну⁹⁸. В довершение ко всему на страну обрушился голод зимы 1921/1922 гг.,** причинами которого явились засуха в Поволжье, отсутствие продовольственных резервов, а также вынужденная продразверстка, в результате которой у многих крестьянских семей был конфискован даже семенной фонд⁹⁹.

Для преодоления социально-экономического кризиса необходимо было не только пересмотреть политику «военного коммунизма», но и прорвать международную изоляцию. Поскольку экономические интересы Советской России при всем желании невозможно было игнорировать в мировой торговле, это стало еще одним из факторов, обусловивших непрочность Версальской системы договоров. Уже 16 марта 1921 г. между Англией и РСФСР было подписано торговое соглашение, предусматривавшее установление торговых отношений, в мае 1921 г. Советское государство заключило временное соглашение с Германией и затем в течение года – соответствующие соглашения с Италией, Норвегией и Австрией. Единственной из стран-победительниц, кто продолжал отказываться от заключения соглашения с Советской Россией, являлась Франция, не торопясь с признанием советской власти и США.

В создавшихся условиях, важное значение имело установление тесных отношений России со светской Турцией, чему препятствовали державы-победительницы. Тем не менее 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор между РСФСР и Турцией о дружбе и братстве. Еще до подписания Московского договора советское правительство стало оказывать экономическую помощь Турции.

Под воздействием примера Советской России нарастало антиколониальное и рабочее движение и в других странах: в Японии, Индии, Ирландии и др. Таким образом, Версальско-Вашингтонская система не только не способствовала сглаживанию экономических противоречий послевоенного мира, а, напротив, способствовала их значительному обострению, в том числе в связи с тем, что побежденные страны не были представлены на Парижской мирной конференции.

Фундаментальной слабостью Версаля являлась также установленная им модель экономического взаимодействия европейских стран. Новое государственное размежевание полностью разрушило экономические связи в Центральной и Восточной Европе. Подобная политика была обусловлена, прежде всего геополитическими соображениями. В официальном меморандуме американской делегации на Парижской мирной конференции 1919 г. новообразованные, пограничные с Советской Россией страны были названы «последним рубежом обороны между Германией, где продолжает расти влияние большевизма, и силами Ленина в России...»¹⁰⁰. Французский премьер Клемансо заявил в палате депутатов: «Мы желаем поставить вокруг большевизма железный занавес, который помешает ему разрушить цивилизованную Европу»¹⁰¹.

⁹⁶ Черчилль У. Мировой кризис / пер. с англ. М.-7L, 1932. С. 6.

⁹⁷ Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921–1928 гг. М.: Наука, 1972. С. 48.

⁹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1958. С. 304.

⁹⁹ Струмилин С. Г. На плановом фронте. М.: Наука, 1980. С. 86.

¹⁰⁰ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Conference. Vol. II. Wash., 1942. P. 481–482.

¹⁰¹ Sloves H. La France et l'Union Sovietique. P., 1935. P. 118.

Вместо емкого и достаточно открытого рынка Европы, представленного Францией, Австро-Венгрией, Германией и Россией, Европа после Версаля оказалась территорией, разбитой на несколько десятков маленьких государств, отгородившихся друг от друга таможенными барьерами. Новые малые государства остро соперничали в экономической области друг с другом, что мешало создавать механизм преодоления экономических трудностей совместными усилиями.

Как следствие, мир, возникший после мировой войны, содержал в себе семена новых конфликтов. Попытка подорвать германскую экономику путем репараций, лишение Германии массовой армии лишь подстегнули реваншистские настроения в стране. В Берлине стали раздумывать о реванше фактически сразу же после подписания перемирия. **Не собиралась отказываться от экспансионистской политики в южном направлении, но прежде всего по отношению к Китаю, также Япония, что неизбежно вело к обострению ее противоречий с Соединенными Штатами.**

2.5. Усиление экономической мощи США

США, официально вступив в войну в апреле 1917 г., своим непосредственным участием в военных действиях (с лета 1918 г.) внесли незначительный вклад в исход вооруженной борьбы. Значение их вступления в войну определялось иным фактором, а именно огромным финансово-экономическим и военным потенциалом, который США удалось обрести в годы войны.

Война для США стала редкой возможностью обогатиться за счет обеих противостоящих коалиций, которые в условиях морской блокады остро нуждались в военных материалах, продовольствии и сырье. Однако приоритет в торгово-экономических отношениях Вашингтон все-таки отдавал Антанте, выжидая момент для того, чтобы вступить в войну на ее стороне на наиболее выгодных для себя условиях. В лице Германии Вашингтон видел наиболее опасного соперника, претендовавшего на мировое господство, с которым трудно было достигнуть соглашения.

Причина, по которой США не вступили в войну вплоть до 1917 г., объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, американская финансовая олигархия рассчитывала как следует нажиться на войне и укрепить свои политические и финансово-экономические позиции настолько, чтобы быть в состоянии, в нужный момент, прибрать к рукам важнейшие рынки сбыта и источники сырья в послевоенном мире, вытеснив оттуда своих главных конкурентов, причем не только Германию, но также и страны Антанты. Исходя из этой стратегической установки, Вашингтону была невыгодна быстрая победа любой из коалиций. Они были заинтересованы в истощении обеих воюющих группировок до такой степени, чтобы, вступив в войну в решающий момент, затем продиктовать им свои условия послевоенного мира. Вашингтон опасался усиления в ходе войны не только Германии, но и Англии. В случае победы Англия, располагая огромной военно-морской мощью, опираясь на поддержку своих многочисленных колоний, могла бы занять доминирующие позиции в Европе и воспрепятствовать экспансии США на основе принципа «свободы морей» и политики «открытых дверей». Посол США в

Лондоне У. Пейдж 9 августа 1914 г. писал Вильсону, что в результате войны «вся Европа обанкротится и США, соответственно, станут сильнее в финансовом и политическом отношении»¹⁰². Президента В. Вильсона, заявившего, что «мы должны финансировать мир, а тот, кто финансирует мир, должен... управлять им», не нужно было в этом особенно убеждать¹⁰³.

Мировая война вызвала огромный спрос воюющих держав на американскую продукцию – оружие, боеприпасы, обмундирование, снаряжение, промышленные товары, продовольствие и др. Во время войны сильно выросла торговля США цветными и черными металлами. Вывоз железных изделий увеличился в три раза. Как следствие, уже в 1915 г. из США было вывезено товаров и сырья почти на 400 млн долл, больше, чем в 1914 г, в 1916 г. экспорт США по сравнению с 1914 г. вырос почти на 2 млрд долл. Если в 1914 г. экспорт США в союзные страны составлял 35 % от общего объема, то в последующие годы удельный вес держав Антанты в общем объеме экспорта США увеличился в 1915 г. до 73 % и в 1916 г. – до 75 %¹⁰⁴. Доллар 1918 г. по своей реальной стоимости был равен 100 долларам 1999 г. Лидирующее место среди товаров, отправленных из США в страны Антанты, заняли оружие и военные материалы, следом шли продовольственные товары, что придало огромный импульс для развития прежде всего военной промышленности и агросектора. По данным Министерства торговли США, только огнестрельного оружия и взрывчатых веществ в страны Антанты в 1915–

¹⁰² Айрапетян М. Э., Кабанов П. Ф. Первая империалистическая война 1914–1918 гг. М.: Просвещение, 1964. С. 151.

¹⁰³ Там же. С. 152.

¹⁰⁴ Там же. С. 151.

1916 бюджетном году было вывезено на сумму около 470 млн долл., или более чем в 10 раз по сравнению с предыдущим годом¹⁰⁵. Соединенные Штаты Америки постепенно превращались в огромный военный арсенал для союзных держав.

Снабжая Антанту, Вашингтон до поры до времени не отказывался и от продажи своей смертоносной продукции и центральным державам – Германии, Австро-Венгрии и Турции, причем не только в первые годы войны. США вплоть до февраля 1917 г. продолжали снабжать Германию продовольствием и дефицитным сырьем, используя возможности европейских нейтральных стран.

Однако со временем быстрый рост торговли с Англией (по сравнению с Германией, рынок которой был «запечатан» блокадой) становился все более значимым фактором, оказывавшим влияние на принятие внешнеполитических решений. Начиная с 1916 г. Вашингтон сделал окончательную ставку на торговлю исключительно со странами Антанты. В немалой степени к подобному выбору подталкивала позиция американских банкиров и промышленников (в частности, банкирского дома Моргана), которые связали будущее своих капиталов и прибылей с судьбой Англии и Франции. Вложенные капиталы и предоставленные займы привели к тому, что к началу 1917 г. страны Антанты оказались в жесткой экономической зависимости от США. Одновременно в результате военных поставок в Европу это привело к бурному экономическому росту США.

Военные поставки, осуществляемые на возмездной, коммерческой основе, сопровождались резким ростом финансовых возможностей США. Накануне войны США должны были другим странам 6 млрд долл. Во время войны США не только полностью ликвидировали свой долг, но и получили долговых обязательств Антанты на сумму около 10 млрд долл. Часть этой суммы покрывалась товарами, ввезенными США из стран Антанты (около 1600 млн долл), но большая часть – ценными бумагами и золотом.

В целом вступление США в войну на стороне Антанты явилось прямым следствием расширившихся и усилившихся англо-американских экономических связей¹⁰⁶. Подталкивали США к вступлению в войну и революционные события в России, из которых Вашингтон намеревался извлечь максимальную выгоду. Под флагом союзнических отношений американцы могли приобрести еще большую возможность для вмешательства во внутренние дела России и установления своего контроля над значительным сегментом ее экономики.

3 февраля 1917 г. В. Вильсон информировал конгресс о разрыве дипломатических отношений с Германией, 6 апреля американцы официально вступили в войну против Центральных держав. Важным сопутствующим эффектом участия США в войне стало быстрое развитие судостроительной программы (в том числе и в строительстве торгового флота), что позволяло Вашингтону значительно расширить свои торгово-экономические возможности после войны. В частности, если тоннаж торгового флота Соединенных Штатов составлял до войны 4,3 млн т, то к 1920 г. – 14,6 млн т.

В целом к концу войны США обладали внушительным экономическим могуществом. Промышленные компании Соединенных Штатов сосредоточили в своих руках 50 % мировой добычи каменного угля, около 70 % нефти, 60 % меди, выпускали 85 % автомобилей. Пользуясь фактически монопольным положением в мировой экономике, разрухой послевоенной Европы, страна после окончания войны сохранила на прежнем уровне объемы экспорта в Европу, продолжала выдавать кредиты на выгодных для себя условиях.

Война имела еще один весомый эффект для Вашингтона, позволив окончательно укрепить свои позиции в латиноамериканском регионе. В годы войны, апеллируя к «доктрине

¹⁰⁵ Айрапетян М. Э., Кабанов П. Ф. Указ. соч. С. 152.

¹⁰⁶ Beard Ch. The Idea of National Interests. N.Y., 1934. P. 490–491, 526–529; Усатиук Д. В. Политика США в отношении Великобритании в 1914–1918 гг.: Морская блокада Германии и «свобода морей». Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 2002. С. 38.

Монро», обосновывающей якобы законность притязаний США на установление контроля над всей Америкой, Вашингтон прибрал к рукам богатые ресурсы страны Западного полушария, подорвав там позиции ведущих европейских стран – Англии, Франции и Германии. Пользуясь моментом, что европейские державы вовлечены в большую европейскую войну, американские войска в 1914 г. заняли мексиканский город Веракрус, а спустя два года осуществили против Мексики масштабную интервенцию. В 1916 г. США направили военный флот в Сан-Доминго и с помощью десанта установили там военную диктатуру. Такая же судьба постигла Гаити, правительство которого Вашингтон заставил подписать договор, фактически превративший эту республику в протекторат США. Интервенции США подверглась и Куба, куда были посланы американские войска для подавления революционного движения. Параллельно США установили контроль над Никарагуа и Коста-Рикой¹⁰⁷. В других латиноамериканских странах, входивших до войны в сферу влияния европейских держав, Вашингтон, воспользовавшись блокадой и разрывом мировых торговых связей, прочно утвердился в их экономической сфере. В конечном итоге большая часть стран Южной Америки подпала под власть США. Об этом, в частности, свидетельствовало то, что, после того как США объявили войну Германии ряд государств Центральной и Южной Америки (Куба, Панама, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Перу, Бразилия, Уругвай и ряд других), как по команде, также объявили войну Германии. С 1913 по 1920 г. торговля США со странами Латинской Америки увеличилась почти на 400 %¹⁰⁸.

В целом участие в войне обошлось США «малой» кровью (потери составили около 120 тыс. человек), принеся при этом стране огромные дивиденды. Благодаря многочисленным военным заказам американская экономика быстро вышла из довоенного застоя. Сумма капитала, инвестированного в промышленность, выросла вдвое. Существенно расширились отрасли промышленности, связанные с ведением войны. К началу 1920-х годов США давали почти половину мировой добычи угля, около трех пятых мирового производства чугуна и стали, две трети добытой во всем мире нефти, 85 % мирового выпуска автомобилей¹⁰⁹. Переживало расцвет и сельское хозяйство США. В частности, сбор пшеницы увеличился с 1913 по 1919 г. в полтора раза¹¹⁰.

Укрепив позиции внутри страны, американские монополии в послевоенный период вернули борьбу за захват мировых рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капиталов. В частности, если в 1914 г. «Нэйшнл сити банк», принадлежавший Д. Рокфеллеру, имел только одно заграничное отделение, то к началу 1919 г. их насчитывалось 15, а к концу того же года уже 74. «Гаранта траст компани», принадлежавшая Дж. Моргану, к 1919 г. основала отделения во многих странах Европы и Латинской Америки, вела банковские и торговые операции в Индии, Малайе, Бирме, Австралии и Новой Зеландии¹¹¹. Центр мировой торговли постепенно перемещался в США. Однако благополучие за чужой счет имело и свои издержки. Экспортноориентированность американской экономики привела к тому, что в США значительно уменьшилась емкость внутреннего рынка, что стало одной из причин кризиса 1920–1921 гг. К этому времени в воевавших странах происходило восстановление национальных экономик, что привело к сокращению спроса европейских потребителей на сельскохозяйственные продукты и сырье, импортируемых из США. Это привело к аграрному кризису в стране, который длился не один год. Не обошел стороной кризис и промышленность, где сократились заказы на военную продукцию, проявилась недогрузка производственных площадей. Тем не менее после наступления экономической стабилизации во второй половине 1920-

¹⁰⁷ Айрапетян М. Э., Кабанов П. Ф. Указ. соч. С. 155.

¹⁰⁸ Экономическая история зарубежных стран / под ред. В. И. Голубовича. Изд. 3-е, доп. и пер. Минск: Экоперспектива, 2002. С. 278.

¹⁰⁹ Там же. С. 278.

¹¹⁰ Лан В. США от Первой до Второй мировой войны. М., 1947. С. 333.

¹¹¹ Там же. С. 334.

х годов американская промышленность составляла примерно 48 % мирового промышленного производства капиталистического мира, производя продукции на 10 % больше, чем Великобритания, Франция, Германия, Италия и Япония, вместе взятые¹¹². Это стало возможным благодаря тому, что в американской экономике произошло массовое обновление основного капитала, был внедрен конвейерный способ производства, развивалась научная организация труда.

Для Вашингтона поражение Германии явилось лишь значимым шагом на пути установления нового мирового порядка на основе проецирования американской экономической и военной мощи. Для этого Вашингтон намеревался и впредь развивать не только мощный торговый, но и военно-морской флот, способный обеспечить защиту морских сообщений. Отныне американская экономическая и военная сила лежала в основе планирования и реализации не только региональной (латиноамериканской), но и мировой политики. По контрасту страны Антанты, вынесшие на себе основную тяжесть борьбы, оказались в послевоенные годы в тяжелом, если не бедственном положении. По своей внешней задолженности США они были вынуждены рассчитывать в том числе инвестициями, вложенными в экономику, что ввергло экономику этих стран в затяжное кризисное состояние.

Тем не менее, несмотря на подавляющую экономическую и военную мощь США, Англия и Франция не собирались уступать США решающую роль в устройстве послевоенного режима международных отношений.

¹¹² Экономическая история зарубежных стран. С. 282.

2.6 Экономические коллизии межвоенного периода

Экономические коллизии межвоенного периода были вызваны прежде всего несправедливым, как это расценивалось в стане побежденных стран, переформатированием международных, в том числе экономических, отношений, а также попыткой Запада как минимум экономически изолировать Советскую Россию. В первую очередь, это привело к бурному росту реваншистских настроений в Германии, во многом, предопределивших приход к власти нацистов во главе с Гитлером. Экономические противоречия между Англией, Францией и США, с одной стороны, и побежденной Германией – с другой, приобретал все более антагонистический характер. Этому способствовал ряд обстоятельств. Несмотря на поражение, Германия, благодаря своему развитию и ресурсам, оставалась потенциально самой сильной страной в Европе и не собиралась долгое время мириться с тем, что ее зависимое политическое положение не соответствовало реальной экономической силе, которой она обладала.

В числе обиженных, несмотря на то что формально она находилась в стане победителей, оказалась и Япония, которая по итогам Вашингтонской конференции (1920 г.) лишилась, в пользу США и Англии, многих важных экономических позиций, прежде всего возможности осваивать ресурсы Китая. Неудовлетворенность Японии неизбежно вела к обострению межимпериалистических противоречий с названными странами. В этих условиях Версальско-Вашингтонская система послевоенного устройства могла быть лишь временным закреплением передела мира в пользу держав-победительниц. Более того, не устранив старые противоречия, она породила новые.

Вместе с тем главное отличие обстановки после Первой мировой войны от той, что предшествовала ей, заключалась в том, что принципиально новому, советскому общественно-политическому устройству удалось закрепиться на одной шестой части земного шара. Западные державы если и могли примириться с этим фактом, то лишь по тактическим соображениям, не оставляя планов разгрома Советского Союза. Именно эта стратегическая цель объединила правящие круги капиталистических держав, не ослабляя при этом их взаимного соперничества в борьбе за ведущие позиции в мире.

В частности, Гитлер не собирался ограничиваться лишь пересмотром унижительных положений Версальского договора, его далеко идущим планом изначально был захват богатого ресурсами Советского Союза. В сознание немцам настойчиво внедрялась идея о том, что, в то время как им, представителям высшей расы, катастрофически не хватало земель для развития, на Востоке огромное, насыщенное ресурсами пространство незаслуженно занимали «недочеловеки», в основном славяне – поляки, русские, украинцы, белорусы¹¹³, уделом которых должно быть лишь одно – служение высшей германской расе. Готовящаяся агрессия против Советского Союза должна была восстановить «историческую» справедливость. В книге «Моя борьба» Гитлер констатировал: «Мы, наконец, завершаем колониальную политику... и переходим к территориальной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах»¹¹⁴. Во «Второй книге», написанной им в 1928 г., отдельная глава также была посвящена «восточной политике», сущность которой в концентрированном виде была изложена Гитлером в разговоре со своими сподвижниками, незадолго до прихода последнего к власти: «Не только

¹¹³ Великая Победа: В 11 т. Т. 2. Вставай, страна огромная / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 41.

¹¹⁴ *Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1–2. Munch., 1940. Bd. 2. S. 296–297.*

русские пограничные территории, но вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»¹¹⁵.

Часть военной и хозяйственной элиты Германии вначале настороженно относилась к экспансионистской политике Гитлера, опасаясь, что рано или поздно она должна была привести к конфликту с западными державами и, соответственно, к войне на два фронта, в которой Германия была обречена на поражение. Намного целесообразнее представлялось политико-дипломатическое давление на западные державы с тем, чтобы принудить их к территориальным и экономическим уступкам Германии в обмен на борьбу последней против «большевизма». Однако безболезненная аннексия Австрии, последовавший затем Мюнхенский договор, очевидная готовность Лондона и Парижа идти на уступки, лишь бы «канализировать» агрессию Германии против Советского Союза, привели к сплочению нацистской элиты вокруг личности вождя¹¹⁶.

В целом внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия, разработанная Гитлером, предполагала решение ряда последовательных задач. Во-первых, избавление Германии от военных ограничений Версальского договора, воссоздание ее военной мощи и возвращение территорий, утраченных по Версальскому мирному договору в 1919 г. Во-вторых, «собира-ние немецких земель» с образованием единого блока из ста миллионов немцев для проведения «истинно арийской политики в Европе», что означало превращение Германии в доминирующую державу Центральной Европы, в том числе за счет аннексии и нейтрализации таких государств, как Чехословакия и Польша. В-третьих, разгром и уничтожение Франции. В этом отношении, по удачному выражению, «планы Гитлера начинались там, где кончался Брест-Литовский мир»¹¹⁷. В-четвертых, завоевание «жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация», покорение европейской части СССР, затем – сокрушение Англии и захват ее колоний, что создавало надежные предпосылки для мирового господства «германо-арийской расы». Восточная Польша, Прибалтийские и балканские государства, а также Украина, Поволжье и Грузия должны были объединиться в зависимый от Германии «Восточный союз» «союз вспомогательных народов, не имеющих ни армии, ни собственной политики, ни собственной экономики»¹¹⁸. Примерно по такому же образцу планировалось создать «Западный союз», объединяющий Голландию, Фландрию и Северную Францию, и «Северный союз» – из Дании, Швеции и Норвегии», а в последующем и других европейских государств. «Время малых государств миновало, – заявлял Гитлер. – Больше не будет никакого нейтралитета. Нейтралы окажутся захваченными силовыми полями великих (держав. – *Авт.*) Их поглотят. Все это не произойдет сразу. Я буду шаг за шагом, но с железной последовательностью продвигаться вперед. <...> Без господства над Европой, – заключал Гитлер, – мы пропадем. Германия есть Европа»¹¹⁹.

Свое видение европейского экономического блока под гегемонией Германии Гитлер изложил следующим образом: «Народы, которые мы включим в нашу экономическую систему, должны соучаствовать в использовании естественных богатств осваиваемых восточных земель и там же найти рынок сбыта для своей промышленной продукции. Нам стоит только открыть перед ними такую перспективу, и они включатся в нашу систему. Эта территория, организо-

¹¹⁵ *Rauschning H.* Hitler's Aim in War and Peace. L., 1940. P. 27.

¹¹⁶ *Шубин А.* Идеология фашизма: сравнительные аспекты // Война на уничтожение. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 25.

¹¹⁷ *Пленков О. Ю.* Тайны Третьего рейха. М., 2011. С. 197.

¹¹⁸ *Наумов А.* Планы фашистской Италии и нацистской Германии в отношении «нового порядка» в Европе // Война на уничтожение. М.: Фонд «Историческая память», 2014. С. 60.

¹¹⁹ *Дашинцев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1939–1941. М., Наука, 1973. С. 51.

ванная для Европы, означает преодоление безработицы»¹²⁰. Но главное – захват ресурсной базы Советского Союза позволял Германии на равных вступить в противоборство с США за овладение мировой гегемонией. Под воздействием первых успехов в войне с Россией Гитлер с воодушевлением заявлял: «Представляю себе прекрасное дело – создать общегерманскую и европейскую экономическую систему... Если объединить творческие силы, которые дремлют на европейской территории, – Германия, Англия, северные страны, Франция, Италия, – что тогда американские возможности по сравнению с ними!»¹²¹ В октябре 1941 г. Гитлер говорил, что захваченное в России «жизненное пространство», по-видимому, обеспечит автаркию для Европы: «Где еще мы найдем область, имеющую железо столь высокого качества, как украинское? Где еще столько никеля, угля, марганца, молибдена? Это же те самые марганцевые рудники, из которых получает руду Америка. К тому же есть возможность разведения каучуконосных растений? Если их посевную площадь довести до 40 тыс. га, то мы покроем все наши потребности в резине»¹²². Только захват сырьевой базы Советского Союза позволял, по оценке нацистского руководства, преодолеть бремя экономической блокады со стороны западных союзников. «Нам нечего бояться блокады, – заявлял Гитлер. – Восток будет снабжать нас зерном, скотом, углем, свинцом и цинком»¹²³.

Захват Советского Союза, в отличие от военных планов на Западе, предполагал не просто овладение ресурсами страны, но подрыв (в первую очередь по расово-идеологическим соображениям) «жизненной силы» славянских народов, населявших территорию Советского Союза. Это планировалось осуществлять комплексом мер: физическим истреблением значительной части населения; сокращением его численности путем преднамеренной организации голода; организованным снижением рождаемости; истреблением интеллигенции; разобщением и дроблением отдельных народов на мелкие этнические группы; переселением масс населения в Сибирь, Африку, Южную Америку и другие районы земли; аграризацией захваченных славянских территорий и лишением славянских народов собственной промышленности¹²⁴.

В связи с этим экономическое планирование войны против Советского Союза согласовывалось с военно-стратегическим планированием¹²⁵.

«Целью должно быть не только уничтожение вооруженных сил противника, – заявлял Г. Томас, ближайший помощник Г. Геринга по экономической и военно-хозяйственной деятельности, – но и захват его военного потенциала, в особенности его экономики. И только если будут обеспечены военные и экономические цели, в будущем может быть достигнута и политическая цель войны»¹²⁶. Избранный курс предполагал вооружение вермахта за счет собственных ограниченных ресурсов, чтобы затем в ходе последовательных военных кампаний расширить экономический базис Рейха, что в конечном счете должно было привести к созданию самодостаточного в экономическом отношении, автаркичного «жизненного пространства» Германии¹²⁷. Впервые в концентрированном виде данная программа была изложена Гитлером на совещании 5 ноября 1937 г. с участием военного и внешнеполитического руководства Третьего

¹²⁰ Hitler A. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims / Hrsg. v. Werner Jochmann. Hamb., 1980. Sonderausgabe Bindlach, 1988. S. 78.

¹²¹ Hitler A. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. S. 57.

¹²² Пленков О. Ю. Указ. соч. С. 204.

¹²³ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 7 т. М.: Госюриздат, 1955. Т. 1. С. 348.

¹²⁴ Дашинцев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: В 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945. М., 1973. С. 15.

¹²⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013. Т. 2. С. 435.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. С. 410.

рейха, где Гитлер объявил о намерении провести ряд малых войн для укрепления экономики Германии.

Обосновывая необходимость предстоящей войны против Польши, Гитлер на совещании 23 мая 1939 г. вновь заявил, что «основной смысл для нас – расширение жизненного пространства на Востоке и обеспечение продовольствием»¹²⁸. Немаловажное значение придавалось овладению в этой стране каменноугольными месторождениями. Если это удастся, то, по мнению Гитлера, «Германия станет непобедимой и сможет раз и навсегда рассчитаться с бедной рудой Францией»¹²⁹.

Приоритетное значение, уделяемое развитию военной экономики, позволило Германии добиться впечатляющих успехов в этой области. В 1939 г. Германия производила вдвое больше важнейших стратегических материалов, чем Англия и Франция, вместе взятые, а по выплавке алюминия значительно опередила США и Канаду, заняв 1-е место в мире¹³⁰. В целом по общему объему промышленной продукции Германия к началу Второй мировой войны занимала 3-е место в мире, ее доля в мировом промышленном производстве достигла 13,3 %, уступая лишь США (28,7 %) и СССР (17,6 %), превзойдя Англию (9,2 %) и Францию (4,5 %)¹³¹.

Летом 1939 г. в области экономики были предприняты новые меры: использование сырья разрешалось только в соответствии с мобилизационным планом, строго регламентировалось потребление электроэнергии, нефти, железа, легирующих металлов, каучука, цемента текстиля, целлюлозы. Завершилось составление мобилизационных планов для всех предприятий. Был издан закон «О государственных повинностях», в соответствии с которым военные органы получили право реквизировать у населения для нужд армии лошадей, повозки и другое имущество¹³². Одним из важнейших документов по дальнейшей мобилизации промышленности явился Декрет о военной экономике от 4 сентября 1939 г. На его основании Имперское министерство экономики получило право, в случае нехватки сырья и рабочей силы, объединять предприятия в интересах создания лучших производственных условий. Разрешались консервация или сокращение производства на мелких и технически устаревших предприятиях¹³³. Все эти и другие мероприятия по мобилизации экономики позволили обеспечить материальную подготовку вермахта к осуществлению молниеносных кампаний на Западе. Тем не менее уязвимым местом германской военной экономики по-прежнему оставался недостаток стратегического сырья и материалов. Исправить положение нацистское руководство намеревалось за счет ограбления ресурсов захваченных стран. В одном из решений Имперского совета обороны от 1939 г. требовалось, чтобы все необходимые потребности вермахта удовлетворялись «за счет стран, которые будут оккупированы»¹³⁴. Немецкий историк Р.-Д. Мюллер констатировал, что «Гитлер вкладывал в понятие блицкрига такую целеустремленную военную стратегию, которая имела своей целью получение необходимых средств для ведения длительной войны», руководствуясь принципом «война кормит войну»¹³⁵. Накануне планирования войны против СССР Гитлер пришел к окончательному выводу, что создание замкнутой, самодостаточной континентальной экономической системы под гегемонией Германией возможно только после скорейшего овладения ресурсами Советского Союза.

Овладение экономическим и ресурсным потенциалом Советского Союза должно было не только нейтрализовать негативные (по опыту Первой мировой войны) последствия эконо-

¹²⁸ Domarus M. Hitler Reden und Proklamationen. Bd. 1. S. 1197.

¹²⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 419.

¹³⁰ Там же. С. 413.

¹³¹ Там же. С. 413.

¹³² Там же. С. 433.

¹³³ Там же. С. 433.

¹³⁴ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. С. 307.

¹³⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 435.

мической блокады со стороны англо-американцев, но и создать экономический плацдарм для дальнейшей борьбы за мировое господство. Гитлер заявил по этому поводу: «Исход борьбы за мировую гегемонию для Европы определяется обладанием русским пространством; оно делает Европу самым устойчивым против блокады регионом. Вот экономические перспективы, которые склонят самые либеральные западные демократии согласиться с новой системой»¹³⁶.

Под влиянием военных успехов на Западе Гитлер не торопился с переводом всей экономики на военный лад, как это предусматривалось мобилизационными планами¹³⁷. Уверенный в успехе новой скоротечной войны, он рассчитывал обеспечить материальные потребности вермахта и при этом сохранить на необходимом уровне гражданские отрасли промышленности с тем, чтобы обеспечить внутривойсковую стабильность. Тем не менее непосредственно перед нападением на Советский Союз в германской экономике был разработан и осуществлен ряд новых организационных мер для пополнения запасов стратегического сырья и форсирования производства вооружения.

В отличие от предшествующих войн, которые вела нацистская Германия, ограбление Советского Союза планировалось заблаговременно, одновременно с военно-стратегическим планированием. Особое место в нацистских планах ограбления советской территории отводилось Украине. В письме к Муссолини от 21 июня 1941 г. Гитлер писал: «Прежде всего я надеюсь, что нам... удастся обеспечить на длительное время на Украине общую продовольственную базу. Она послужит для нас поставщиком тех ресурсов, которые, возможно, потребуются нам в будущем»¹³⁸. Многомиллионному населению граждан Украины была уготована перспектива голодной смерти. Гауляйтер Э. Кох по этому поводу заявлял: «Украина должна поставлять то, чего не хватает Германии. Эта задача должна быть выполнена, невзирая на потери... Недостающие количества зерна должны быть доставлены с Украины... Питание гражданского населения перед лицом этих задач безразлично»¹³⁹.

Что касается промышленного потенциала, то после победы над Советским Союзом нацисты рассчитывали оставить на его территории в основном добывающую промышленность, а также предприятия по производству мелкого сельскохозяйственного инвентаря и первичной переработке сельскохозяйственного сырья. Деиндустриализацию крупных советских промышленных центров предполагалось провести путем демонтажа оборудования, вывоза его в Германию или уничтожения на месте.

Особое значение придавалось овладению нефтяными ресурсами Советского Союза. Монопольное право на разведку, добычу, переработку и сбыт нефти, подземных газов (и их производных), а также на сооружение и эксплуатацию всех необходимых для этой цели подсобных и вспомогательных предприятий в захваченных областях СССР получило «Континентальное нефтяное общество» сроком на 99 лет. Кроме того, в его распоряжение должны были поступать все существующие надземные и подземные сооружения, устройства, а также имущество, включая трубопроводы и другие средства транспортировки нефти в оккупированных районах Советского Союза¹⁴⁰. Для заготовки и переработки сельскохозяйственной продукции на оккупированной советской территории было создано Центральное торговое общество «Восток» (ЦТО).

Планируя освоение советской территории, нацистское руководство не собиралось сохранять прежние «большевистские» формы хозяйствования. Ликвидацию общественной собственности предполагалось осуществить путем восстановления частной собственности с помо-

¹³⁶ Hitler A. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. S. 62.

¹³⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 433.

¹³⁸ «Совершенно секретно! Только для командования!». Сб. док. М., 1967. С. 189.

¹³⁹ Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 35.

¹⁴⁰ Германский империализм и Вторая мировая война. М., 1961. С. 28.

щью так называемого «технического руководства производством» и «управления имуществом по доверенности». Затем право владения соответствующими объектами планировалось передать капиталистическим и госкапиталистическим предприятиям, подчиненным монополиям. При этом крупные предприятия прежним владельцам возвращать не предполагалось¹⁴¹. Лишь в Литве, Латвии, Эстонии, западных районах Украины и правобережной части Молдавии прежним владельцам предполагалось вернуть мелкие предприятия. Все природные богатства оккупированных районов Советского Союза объявлялись монопольной собственностью нацистской Германии.

Таким образом, главная экономическая цель нападения Германии заключалась в превращении Советского Союза в аграрно-сырьевой придаток, в источник дешевой рабочей силы, во внутреннюю колонию Германской империи. Нападая на Советский Союз, Германия рассчитывала провести молниеносную войну, закончив ее через несколько месяцев. Поэтому на случай длительной войны гитлеровцы не имели детально разработанных планов экономической эксплуатации оккупированной советской территории.

Предполагалось захватить готовую продукцию и сырье на складах, взять на учет предприятия и обеспечить их охрану от разрушения и разграбления до установления «нормальной жизни», т. е. до создания немецкого гражданского управления. Благодаря этому, руководство Третьего рейха считало возможным в короткие сроки увеличить свой военно-экономический потенциал и предпринять дальнейшие шаги к достижению мирового господства¹⁴².

Оккупация западных районов страны, огромный перевес военно-экономического потенциала фашистской Германии, ее сателлитов и поработанных ею стран Европы поставили Советский Союз в начальный период войны в крайне тяжелое экономическое положение. Любое другое государство не выдержало бы такого удара и вынуждено было бы капитулировать.

Однако нацистское руководство не учло главного – устойчивости советской системы и стойкости советского народа. Из-за стойкого сопротивления советского народа гитлеровцы не смогли реализовать планы экономического использования производительных сил оккупированных территорий СССР. Срыв этих планов оказался роковым для нацистской Германии, определив весь ход Второй мировой войны. Именно в этой области координации военно-стратегического и экономического планирования наиболее очевидно проявился волюнтаризм гитлеровского командования, его неспособность трезво оценивать соотношение сил сторон, игнорирование факторов длительного действия¹⁴³. Политика нацистского режима по подготовке к войне потребовала перенапряжения экономического потенциала страны, что поставило правящий режим перед выбором: либо кризис, либо скорейшее развязывание войны¹⁴⁴. Выбор, как известно, был сделан в пользу последнего.

Литература

1. Айрапетян М. З., Кабанов П. Ф. Первая империалистическая война 1914–1918 гг. М.: Просвещение, 1964.
2. Боголепов М. И. Финансы довоенной России // Основы финансовой системы СССР. Сб. ст. / под ред. Г. Я. Сокольникова. М., 1930.

¹⁴¹ Загоруйко М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург» (О срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). М., 1980. С. 49.

¹⁴² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 436.

¹⁴³ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. С. 305.

¹⁴⁴ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. С. 310.

3. *Вайнштейн А. Л.* Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921–1928 гг. М.: Наука, 1972.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 2. М., 2013.
5. Великая Победа: В 11 т. Т. 2. Вставай, страна огромная / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2013.
6. Всемирная история: В 10 т. Т. 8. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961.
7. Всемирная история: Итоги Первой мировой войны / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек [и др.]. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2001.
8. Германский империализм и Вторая мировая война. М., 1961.
9. Германский империализм и милитаризм. М.: Наука, 1965.
10. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М., 1924.
11. *Гобсон Д.* Империализм. Л., 1927.
12. *Горлов С. А.* Совершенно секретно: Альянс Москва-Берлин, 1920–1933. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
13. *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1939–1941. М., Наука, 1973.
14. *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: В 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945. М., 1973.
15. Документы внешней политики СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1958.
16. *Долгих М., Руденко Г.* Монополистический капитализм. М., 1961.
17. *Загоруйко М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург» (О срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). М., 1980.
18. *Игнатьев В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962.
19. История Второй мировой войны: В 12 т. Т. 1. М., 1979.
20. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966.
21. История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945 / под ред. Е. Ф. Язькова. М., 1989.
22. История Первой мировой войны: В 2 т. Т. I. М., 1975.
23. История Франции: В 3 т. Т. II. М., 1973.
24. *Каутский К.* Империализм // Каутский К. Демократия и социализм. Фрагменты работ разных лет. М., 1991.
25. *Лан В.* США от Первой до Второй мировой войны. М., 1947.
26. *Ленин В. И.* ПСС. Т. 27. Империализм как высшая стадия капитализма.
27. *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31.
28. *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32.
29. *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34.
30. *Либкнехт К.* Милитаризм и антимилитаризм. М., 1960.
31. *Манхейм К.* Кризис нашего времени. М., 1994.
32. Мировые войны XX века. Сб. ст. / отв. ред. Г. Д. Шкундин. Кн. 1. Первая мировая война: исторический очерк. М., 2002.
33. *Наумов А.* Планы фашистской Италии и нацистской Германии в отношении «нового порядка» в Европе // Война на уничтожение. М.: Фонд «Историческая память», 2014.
34. Новая история 1850–1914. Учебное пособие. М.; Самара, 1998.
35. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 7 т. Т. 1. М.: Госюриздат, 1955.
36. Об особенностях империализма в России. Сб. статей. М., 1963.

37. *Петросян Ю. А.* Османская империя: могущество и гибель. Исторический очерк. М., 1990.
38. *Пленков О. Ю.* Тайны Третьего рейха. М., 2011.
39. *Пришкер Д. П.* Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983.
40. *Сидоров Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960.
41. «Совершенно секретно! Только для командования!». Сб. док. М., 1967.
42. *Струмилин С. Г.* На плановом фронте. М.: Наука, 1980.
43. *Туполев Б. М.* Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4.
44. *Тэйлор А.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958.
45. *Усатюк Д. В.* Политика США в отношении Великобритании в 1914–1918 гг.: Морская блокада Германии и «свобода морей». Автореферат дисс.... канд. ист. наук. М., 2002.
46. *Фурсенко А. А.* Нефтяные тресты и мировая политика (1880-е годы – 1918 г.) М., 1965.
47. *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961.
48. *Черкасов П., Чернышевский Д.* История имперской России. От Петра Великого до Николая II. М., 1994.
49. *Черчилль У.* Мировой кризис / пер. с англ. М.-Л., 1932.
50. *Шигалин Г. И.* Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956.
51. *Шубин А.* Идеология фашизма: сравнительные аспекты // Война на уничтожение. М.: Фонд «Историческая память», 2010.
52. Экономическая история зарубежных стран / под ред. В.И. Голубовича. Изд. 3-е, доп. и пер. Минск: Экоперспетива, 2002.
53. *Эренбург И.* Хроника наших дней // Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1966.
54. *Beard Ch.* The Idea of National Interests. N.Y., 1934. P. 490–491, 526–529.
55. *Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg.* Bd. 4.
56. *Domarus M.* Hitler Reden und Proklamationen. Bd. 1.
57. *Gutsche W.* Zum Funktionsmechanismus zwieschen Staat und Monopolkapital in Deutschland in den ersten Monaten des Ersten Weltkrieges (1914–1915) // Jbf W. 1973. Teil I.
58. *Hallgarten G. W. F.* Der Imperialismus in der historischen Diskussion des Westens nach dem Zweiten Weltkrieg.– Deutschland in der Weltpolitikdes 19. und 20. Jahrhunderts. Diisseldorf, 1974.
59. *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1–2. Munch., 1940. Bd. 2.
60. *Hitler A.* MonologeimFuehrerhauptquartier 1941–1944.
61. *Hitler A.* MonologeimFuehrerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims / Hrsg. v. Werner Jochmann. Hamb., 1980. SonderausgabeBindlach, 1988.
62. *Mommsen H.* Die Urkatastrophe Deutschlands. Der Erste Weltkrieg 1914–1918.
63. *Nevins A.* Ford: the Times, the Man, the Company. N.Y., 1954.
64. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Conference. Vol. II. Wash., 1942.
65. *Rauschning H.* Hitlers Aim in War and Peace. L., 1940.
66. *Sloves H.* La France et l'Union Sovietique. P., 1935.

3. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. Восстановление и развитие хозяйства в 1946–1959 гг

3.1. Мобилизация и эвакуация промышленности

Была ли экономика СССР готова к войне? С одной стороны, СССР имел **высокий военно-промышленный потенциал, значительно возросший в результате индустриализации, огромные природные и людские ресурсы**. В отличие от царской России оборудование, необходимое для военного производства, производилось в стране. В отличие от Германии, где не было своей нефти, в СССР имелись все виды стратегического сырья. С другой стороны, Советский Союз был недостаточно подготовлен к войне. Это заключалось не только в политических просчетах, следствием которых стала оккупация Германией огромной территории, и не только в недостатке самолетов и танков в начале войны. **Германская экономика была уже переведена на военные рельсы до нападения на СССР. Наша страна начала такой переход лишь в ходе войны. А для такого перевода в условиях огромной страны требовалось много времени, около года.** Иными словами, экономически страна стала готова к войне лишь через год после ее начала.

Следствием неподготовленности стали отступление и оккупация. В связи с этим **одной из главных хозяйственных задач первого года войны стала эвакуация на восток предприятий из западных районов**. На оккупированной территории находилась 1/3 нашей промышленности, в том числе здесь добывалось 60 % угля, выплавлялось 60 % стали и алюминия. И дело было не только в количестве продукции. Например, высококачественные марки стали, необходимой для военного производства, выплавлялись в основном на западе страны, а на востоке металлургия давала «рядовой» металл. Поэтому оказалось, что в 1942 г. страна получила только 8 млн т стали, а Германия – 32 млн т, т. е. в 4 раза больше.

Но эвакуировать можно было не все: нельзя эвакуировать угольные шахты, железные рудники, доменные и мартеновские печи, электростанции и т. д. Перебазировавшись на новое место, предприятия теряли прежние хозяйственные связи, источники сырья, топлива, энергии. А на новых местах металлургические заводы, шахты и электростанции были рассчитаны только на обслуживание местных потребностей. Это вызывало дополнительные трудности и вело к сокращению выпуска продукции. Эвакуация загрузила железные дороги, а это на время прервало экономические связи между разными районами страны.

Но что значит – эвакуировать предприятие? Можно перевезти станки и рабочих, но для станков на новом месте нужно помещение, для рабочих – жилье. Для размещения эвакуированных предприятий уплотнялись цеха местных заводов, использовались помещения складов, школ, театров. Но все это были полумеры, приходилось строить новые цеха. Иногда станки ставились под открытым небом, и рабочие начинали выпускать продукцию, а вокруг уже работающих станков возводились стены.

Для размещения рабочих «уплотнялись» квартиры местных жителей, использовались клубы, кинотеатры и прочие помещения. Строились бараки. Приехавшие в Сибирь и на Урал южане в родных местах не носили валенок, их одежда не приспособлена к морозам. Нужно было этих людей одеть, накормить, обогреть.

Следует отметить и положительные стороны эвакуации. Предприятия перебазировались в основном на Урал и в Западную Сибирь. Урал стал центром военной промышленности. Существенно было то, что эти районы были недостижимы для противника. Кроме того, здесь

были металлургические заводы, сырье, топливо. Здесь были незаконченные стройки, которые теперь спешно завершались, но уже по другому профилю.

Восстановление предприятий на новых местах иногда происходило с необыкновенной быстротой – за два-три месяца. Бывало так, что последние эшелоны предприятия еще были в пути, а доставленные ранее цеха уже начинали работу.

Второй хозяйственной задачей первого года войны стала **мобилизация промышленности, перевод ее на военные рельсы.**

Это выражалось в сокращении мирного и расширении военного производства. Тракторные заводы стали выпускать танки (впрочем, их мощности были частично переведены на выпуск танков еще до войны), металлургия перешла на производство тех марок металла, которые требовались для производства вооружения; текстильные и обувные предприятия стали готовить обмундирование для солдат, пищевые наладили выпуск концентратов.

Был использован опыт Первой мировой войны по кооперированию предприятий для выполнения военных заказов.

К каждому военному заводу прикреплялись невоенные заводы-поставщики для выполнения доступных им работ. Например, для одного из авиационных заводов 60 % всех работ выполняли такие заводы-поставщики. Он получал от них моторы, винты, шасси, радио- и электроаппаратуру, бензобаки и т. д.

Эвакуация и мобилизация промышленности – эти два главных процесса с начала войны до середины 1942 г. – означали общее сокращение производства. При перестройке на военное производство предприятие сначала прекращает выпуск прежней продукции, перестраивается и лишь потом начинает осваивать новую. Поэтому с начала войны до 1942 г. промышленное производство резко сократилось. В 1942 г. германская тяжелая промышленность была в 3–4 раза сильнее советской.

В 1942 г. чугуна в СССР было выплавлено в 3 раза меньше, чем в 1940 г., стали – в 2,2 раза меньше. В СССР выпускалось в 5 раз меньше металлорежущих станков, чем в Германии, добывалось в 4 раза меньше угля, производилось в 2,5 раза меньше электроэнергии. Но уже в том же 1942 г. в СССР было выпущено 25 тыс. танков, тогда как в Германии – только 9 тыс., самолетов советские заводы выпустили 25 тыс., а германские – 15 тыс., в Германии было изготовлено 19 тыс. артиллерийских орудий, в СССР – 29 тыс.

Крайне тяжелое положение с начала войны сложилось на транспорте. Железные дороги были забиты военными эшелонами. Достаточно сказать, что для проведения Сталинградской операции ежедневно разгружались 40 поездов, а во время летнего наступления 1944 г. для войск одного только 3-го Белорусского фронта – 25 поездов в сутки. На это накладывалась эвакуация промышленности, когда на восток двигались одновременно десятки и сотни предприятий, каждое из которых занимало много эшелонов. Кроме того, в связи с перебазированием предприятий на восток намного увеличилась длина перевозок. Продукцию приходилось везти к фронту через всю страну. В 1942 г. перевозка грузов железной дорогой сократилась вдвое по сравнению с довоенной. Это включая военные и эвакуационные перевозки. Во столько же раз сократилась перевозка невоенных грузов. Лишь после 1942 г. железнодорожные перевозки стали увеличиваться, и к концу войны железные дороги перевозили грузов уже на 40 % больше, чем в 1942 г. По сравнению с довоенным периодом все же пропускная способность железных дорог к концу войны составляла лишь 76 %.

3.2. Развитие военного производства

Со второй половины 1942 г. промышленное производство стало увеличиваться. К 1945 г. ведущие отрасли тяжелой промышленности увеличили производство по сравнению с 1942 г. (но не с 1940 г.!) в 1,5–2 раза.

Конечно, в основном росла военная промышленность. Уже отмечено, что даже в 1942 г. по производству танков, самолетов, артиллерийских орудий СССР обогнал Германию. За годы войны выпуск военной продукции увеличился в 2,5 раза, в том числе танков и самолетов – в 3 раза. Если в начале войны СССР имел втрое меньше танков и самолетов, чем Германия, то в начале 1945 г. танков у нас было в 2,8 раза больше, чем у Германии, артиллерийских орудий – в 3,2 раза, а самолетов – в 7,5 раза. Такие цифры и соотношения приведены в пятом томе «Истории социалистической экономики СССР». А германский генерал Типпельскирх в своей «Истории мировой войны» писал, что к концу войны на каждый немецкий танк приходилось 7 советских и на каждое немецкое орудие – 20 советских. *По производству оружия к концу войны СССР обогнал не только Германию, но и своих союзников – Англию и США.*

Качество советского вооружения также сильно выросло. В необычайно короткие сроки были сконструированы и запущены в производство новые марки вооружения, превосходившие немецкую технику. Истребители Лавочкина и Яковлева, реактивные артиллерийские установки, танки Т-34 и другие военно-технические новинки появились на фронте в большом количестве и определили не только количественное, но и качественное превосходство советской техники.

Итак, нарастание количества и качества вооружения началось с 1942 г. и определило перелом в ходе войны. Но, естественно, поскольку все средства были брошены на военное производство, поскольку теперь вооружение готовили и мирные предприятия, невоенные отрасли сократили производство. В 1942 г. военная продукция составляла до 80 % всей промышленной продукции, а товаров народного потребления даже к концу войны, когда уже восстанавливались мирные отрасли, производилось вдвое меньше, чем перед войной. *Острый дефицит потребительских товаров вызвал оживление кустарно-ремесленного производства, и значительная часть потребностей населения в военные годы удовлетворялась кустарями и ремесленниками.* Таким образом, военное производство росло в значительной степени за счет невоенного, и общий объем промышленного производства в 1945 г. составил 91 % от довоенного уровня.

Военная экономика – это не только станки и заводы. Это прежде всего люди, промышленные кадры. *В период Второй мировой войны на одного солдата на фронте работали 6–7 человек в тылу.* Они-то и составляли военно-промышленный потенциал. Война требовала увеличения количества рабочих в промышленности, причем рабочих квалифицированных. К 1943 г. численность рабочих и служащих сократилась на 40 % по сравнению с довоенной.

В СССР это противоречие преодолевалось в основном «мерами военной дисциплины», т. е. административным принуждением. Рабочий день увеличивался до 11 часов, были ликвидированы отпуска. Была проведена мобилизация всего трудоспособного населения, т. е. женщин, подростков и стариков. Женщины составили в промышленности больше половины всех занятых, а в сельском хозяйстве – даже 80 %.

Но эти меры не воспринимались тогда как принуждение. По закону рабочий день продлевался до 11 часов, а люди добровольно не уходили из цехов сутками. Развернулось движение «двухсотников» и «трехсотников», регулярно выполнявших по 2–3 нормы. На места опытных рабочих пришли женщины, дети и старики, к тому же голодные и плохо одетые, а производительность труда росла. Подвиг народа в тылу был реальностью.

3.3. Сельское хозяйство, снабжение населения, финансы

Сельское хозяйство страдало от войны больше, чем промышленность. Во-первых, на оккупированных территориях находилось 47 % посевных площадей. А если учесть, что оккупированы были житницы страны – Украина, Дон, районы, где урожайность была намного выше средней, то очевидно, что хлеба там производилось больше половины.

Во-вторых, из деревни на фронт ушло все здоровое мужское население, остались лишь женщины, дети и старики. В деревне не было «брони», как в промышленности. В-третьих, резко понизилась техническая база: тракторы во время войны не выпускались, а из тех, которые оставались, значительная часть была мобилизована на военные нужды. Лошадей же к этому времени оставалось уже мало, так что пахали теперь и на людях.

Интенсивность труда в колхозах повысилась, и даже в таких трудных условиях в восточных районах страны посевные площади увеличились на 8–9%, но это, конечно, не могло компенсировать потерю 47 % посевных площадей на западе.

Конечно, сельскохозяйственное производство в годы войны сократилось. Например, в 1944 г. страна получила лишь 54 % довоенного количества сельскохозяйственной продукции. В 2–3 раза уменьшилось производство технических культур: хлопка, сахарной свеклы, подсолнечника. Сокращение притока сельскохозяйственной продукции в город заставило перейти к нормированному распределению продовольствия по карточкам. Рабочее снабжение не ограничивалось государственным пайком. При крупных предприятиях были созданы ОРСы (отделы рабочего снабжения), которые изыскивали дополнительные источники снабжения, создавали подсобные хозяйства, разводили овощи, выращивали поросят и т. д. В 1944 г. на долю ОРСов приходилось 30 % рыночного товарооборота.

Централизованно распределялись и промышленные товары народного потребления. Но их поступало теперь для продажи населению настолько мало, что нормы и нормированное снабжение были невозможны. Поскольку легкая промышленность тоже обслуживала преимущественно военные нужды, *для продажи населению оставалось только 9 % производимых в стране хлопчатобумажных тканей и только 28 % кожаной обуви*. Промтовары продавались населению нерегулярно, часто используя для материального поощрения.

Продовольствие и промтовары в магазинах продавались по твердым государственным ценам, но на свободном рынке («колхозном», как его принято было называть, хотя продукция колхозов сюда обычно не поступала) цены повысились в 13 раз, потому что спрос превышал предложение.

Другой причиной повышения цен была бумажно-денежная эмиссия. Для покрытия военных расходов государство увеличило выпуск бумажных денег. Их количество в обращении к концу войны выросло приблизительно в четыре раза. Но если цены в магазинах оставались на довоенном уровне, а товаров по этим ценам продавалось намного меньше, чем до войны, значит, оборот денег в несколько раз уменьшился, и обратно государству возвращалась лишь незначительная часть денег, выданных в виде заработной платы. Основная часть их оставалась неиспользованной. Это, естественно, тоже вызывало рост цен. Надо было каким-то образом вернуть государству часть этих денег, уменьшить денежную массу в обращении.

Для этого в 1944 г. в городах были открыты «коммерческие» магазины, через которые государство продавало дополнительно к нормированным пайкам продукты и промтовары по повышенным ценам, близким к рыночным. Эта «коммерческая» торговля выполняла две функции. С одной стороны, она задерживала рост цен на вольном рынке, увеличивая товарную массу в обращении, а с другой – возвращала государству часть денег.

Для уменьшения денежной массы в обращении и увеличения государственных доходов были увеличены налоги с населения. Например, был введен налог на холостяков. Большой

доход государству давали также займы, облигации которых распределялись в принудительном порядке. Достаточно сказать, что если перед войной налоги с населения давали государству 9 млрд руб. в год, а займы – 11 млрд руб. (итого 20 млрд), то в 1945 г. налоги с населения дали 40 млрд руб., а займы 30 млрд руб., в сумме – 70 млрд руб.

Наконец, *такой приток денег, на который и не рассчитывали финансовые руководители, обеспечил фонд обороны. Этот фонд состоял из добровольных взносов граждан*. Началось с того, что некоторые колхозники стали вносить суммы, достаточные для постройки танка или самолета. В результате всего этого государственный доход вырос со 180 млрд руб. перед войной до 300 млрд руб. в 1945 г.

Говоря о военной экономике СССР, мы как будто забыли о тех недостатках административно-командной системы управления хозяйством, которые проявлялись в довоенные годы. Дело в том, что в условиях войны эта система оказалась вполне уместной.

Административно-командная система приспособлена к экстремальным условиям, когда необходимо решать конкретные задачи. Не случайно государственное регулирование хозяйства, впервые возникшее в годы Первой мировой войны и в ведущих капиталистических странах, резко усилилось в годы Второй мировой войны. Не случайно «новый курс» Рузвельта был введен в годы крупнейшего в истории мирового экономического кризиса.

В гг. войны главным потребителем продукции становилось государство. Промышленность работала на обеспечение военных потребностей. Товарно-денежные отношения при этом теряли прежнее значение. Централизованная система управления позволяла концентрировать все силы и ресурсы для решения главных задач – для развития производства танков, боевой авиации, переключения транспорта на перевозку важнейших грузов и т. д. Рыночные отношения не могли бы обеспечить такой мобильности и концентрации усилий.

Когда надо было наладить выпуск танков, государство выступало естественным выразителем общественных потребностей. Государственное задание выполнялось в кратчайший срок, с патриотическим энтузиазмом. В мирных условиях регулятором мог выступать только рынок.

Впрочем, вся история Советского государства состояла из «экстремальных» периодов, когда надо было волей государства бросать силы на что-то решающее: Гражданская война и восстановление после нее, форсированная индустриализация, новая война и новое восстановление. Исключением были лишь несколько лет нэпа. Поэтому и *административно-командные методы стали восприниматься как естественные и правильные*.

3.4. Восстановление и развитие промышленности в 1946–1959 гг

Экономический ущерб от войны был огромным. Правда, объем промышленного производства сократился ненамного – всего на 9 %. Но нужно учитывать, что основную массу продукции составляла военная. А мирные отрасли сильно уменьшили выпуск продукции. Предметов потребления к концу войны производилось вдвое меньше, чем до войны.

Еще до окончания войны началась демобилизация промышленности, т. е. предприятия, переведенные на военное производство, возвращались к выпуску мирной продукции. Этот процесс неизбежно сопровождался общим сокращением производства: сначала прекращался выпуск военной продукции, производилась частичная смена оборудования, а уже после этого налаживался выпуск новой продукции. Поэтому в 1946 г. производство оказалось ниже довоенного уже не на 9 %, а на 23 %.

В отличие от процесса восстановления после Гражданской войны теперь не надо было восстанавливать всю промышленность. Стоимость основных фондов промышленности в 1946 г. была равна довоенной: на востоке страны за войну было построено столько же, сколько разрушено на западе. Поэтому восстановление теперь сводилось к трем процессам: восстановлению разрушенного в районах, подвергшихся оккупации, демобилизации части промышленности и возвращению на старые места части эвакуированных предприятий. Впрочем, многие предприятия, смонтированные на новых местах, там и оставались.

По официальным данным, довоенный уровень промышленного производства был восстановлен в 1948 г., а в 1950 г. промышленность произвела продукции на 70 % больше, чем в 1940 г. Впрочем, по расчетам некоторых современных исследователей, довоенный уровень национального дохода был восстановлен только в 1950 г., да и официальные цифры динамики промышленного производства за это время нуждаются в уточнении.

Восстановление сопровождалось некоторым повышением материального уровня жизни людей. В 1947 г. были отменены карточки на продовольствие, а затем в течение нескольких лет понижались цены. Это было реальностью. В 1947 г. средний уровень цен был втрое выше, чем в 1940 г., а снижение цен понизило их уровень в 2,2 раза, так что все-таки и после снижения они оставались несколько выше довоенных. К тому же снижение цен сопровождалось изъятием у населения части заработанных денег в виде обязательных займов. Таким образом, материальный уровень жизни людей в 1946–1950 гг. повысился, но лишь приблизился к уровню 1940 г., не достигнув этого уровня.

50-е гг. иногда называют «золотым веком» административной системы. К этому времени, используя накопленный опыт, хозяйственные руководители страны добились определенной сбалансированности массы денег в обращении и массы товаров. Предприятия по инерции увеличивали производство. Национальный доход увеличивался в среднем за год на 9 %. Производительность труда в промышленности за 50-е гг. выросла на 62 %, а фондоотдача – на 17 %. Очевидно, одной из причин этого было относительное обновление основных фондов в ходе послевоенного восстановления. В это время стабилизировались оптовые цены и понизились розничные.

Однако именно в это время, время относительного благополучия, были сделаны первые попытки «исправить» хозяйственный механизм, преодолеть недостатки административной системы. Поскольку экономическая наука в то время еще твердо стояла на прежних принципах, выработанных для обоснования административной системы, задача перехода к экономическим методам хозяйствования пока не ставилась. Пока очевидным стало лишь то, что невозможно административными методами только из центра регулировать хозяйственные пропорции, что необходимо увеличить хозяйственную самостоятельность местных руководителей.

Было решено перенести основные функции управления из центра на места. В 1957 г. страна была разделена на экономические административные районы во главе с совнархозами. Совнархозы и стали главными органами управления. Им были переданы функции промышленных министерств, а сами министерства были ликвидированы. Таким образом, вопрос решался просто: поскольку носителями основных недостатков административной системы были центральные органы, они и были механически устранены. Совнархозы стали и органами планирования: каждый совнархоз планировал развитие своего экономического района.

Реформа оказалась неудачной. Она не изменила методов управления. Она заменила центральные органы местными, но тоже административными. Но при этом единое хозяйство страны раздробилось на части. Руководители каждого совнархоза создавали замкнутое на себя хозяйство экономического района, стараясь в его рамках наладить производство всего, что нужно было для жизни района. Получилось что-то вроде феодальной раздробленности.

Эта разобщенность мешала планировать производство в масштабах страны, регулировать его структуру. Она препятствовала специализации предприятий, потому что в стремлении все необходимое производить у себя дома руководители совнархозов загружали специализированные предприятия дополнительной продукцией. Она стала тормозить технический прогресс, потому что научно-технические учреждения каждого совнархоза действовали несогласованно, и в разных экономических районах конструировались свои марки одних и тех же изделий. Поэтому в 1965 г. при проведении экономической реформы были ликвидированы совнархозы и восстановлены промышленные министерства.

3.5. Сельское хозяйство в 1946–1959 гг

Как уже сказано, сельское хозяйство пострадало от войны больше, чем промышленность. Кроме потерь от прямого уничтожения имущества колхозов и совхозов, на оккупированной территории сократилось поголовье скота, понизилась техническая база. Но особенно острый недостаток деревня испытывала в людях: миллионы колхозников погибли на фронтах, а значительная часть демобилизованных осели в городах. В 1945 г. страна получила лишь 60 % довоенного количества сельскохозяйственной продукции.

В 1946 г. сельское хозяйство пострадало от сильной засухи. Обострились продовольственные трудности: в 1947 г. люди питались хуже, чем в военные годы.

Довоенный уровень сельскохозяйственного производства был восстановлен в первой половине 50-х гг., т. е. значительно позже, чем в промышленности. Но этот восстановленный уровень был в то же время уровнем сельского хозяйства царской России накануне Первой мировой войны. Зерна теперь собирали 88 млн т в год (в России накануне войны – 86 млн т). Крупного рогатого скота в первой половине 50-х гг. было 56–57 млн голов (в 1916 г. 58,4 млн голов). Мяса в стране производилось 5 млн т в год (столько же в 1913 г.).

Правда, в это время были достигнуты успехи в механизации. К началу 50-х гг. число тракторов выросло по сравнению с довоенным в два раза, а зерновых комбайнов – в 2,5 раза. Но и сам процесс повышения технического уровня сельского хозяйства был односторонним. Механизировались так называемые «основные полевые работы»: вспашка, сев, уборка урожая и молотьба зерновых, а животноводство, производство технических культур, картофеля и овощей были почти не затронуты процессом механизации. Если перечисленные «основные полевые работы» теперь были механизированы уже на 80–90 %, а не на 50–60 %, как перед войной, то уборка льна – только на 30 %, а картофеля – на 10 %. При этом под техническим прогрессом понималась именно механизация, а производство удобрений, мелиорация оставались в стороне от этого процесса. Между тем машины не могут повысить урожайность, они лишь сокращают затраты живого труда.

Итак, сельское хозяйство находилось в застое. Личные приусадебные хозяйства, которые занимали ничтожную долю земли, в 50-х гг. дали 70–75 % продукции животноводства. Было очевидно, что в сельском хозяйстве административные методы управления приносили особенно много вреда, поэтому и реформы в этой отрасли хозяйства начались раньше.

Были приняты меры, чтобы разбудить инициативу колхозников, чтобы они почувствовали себя хозяевами производства. Поскольку «Устав сельскохозяйственной артели» ограничивал самостоятельность колхозов и инициативу колхозников, теперь специальным партийно-правительственным решением колхозникам было предложено самим дополнять и изменять отдельные пункты устава.

Было принято решение об изменении порядка планирования. Центральные государственные органы теперь должны были планировать только заготовки сельскохозяйственной продукции, т. е. определять, какое количество продукции колхозы должны сдать государству. А планы сельскохозяйственного производства должны были составлять сами колхозы, и тем более – определять порядок и сроки проведения сельскохозяйственных работ. Однако это решение по ряду обстоятельств уже было проведено в жизнь.

Чтобы восстановить принцип материальной заинтересованности, стали повышать заготовительные и закупочные цены. Эти цены были ниже стоимости, т. е. были явно убыточны для колхозов. В 1953 г. во многих колхозах производство центнера картофеля обходилось в 40 руб., а его заготовительная цена составляла 3 руб. В 1953 г. эти цены были повышены, причем если прежде были две категории цен – заготовительные и закупочные, то теперь были установлены единые закупочные цены, по которым должна была сдаваться государству вся колхозная про-

дукция. Заготовительные цены на скот повышались в 5,5 раза, на картофель – в 2,5 раза. Закупочные цены, которые прежде были значительно выше, повышались сравнительно немного – на 30–50 %. Потом, в течение 50-х гг., цены повышались и корректировались дополнительно.

Значительную роль в усилении самостоятельности колхозов сыграла реорганизация МТС. Необходимость существования МТС прежде объяснялась, в частности, тем, что техники не хватало и государство не могло обеспечить этой техникой все колхозы. Но теперь техники для полевых работ было уже достаточно, а МТС из технических баз превратились в органы по управлению колхозами. Поскольку основные полевые работы были механизированы, их выполняли работники МТС. Они пахали, сеяли, убирали урожай. Но они были государственными организациями, подчинялись не колхозам, а государству, от государства получали директивные распоряжения о проведении работ. Уже этим обстоятельством хозяйственная самостоятельность колхозов сводилась на нет. К тому же именно при МТС теперь находились и специалисты сельского хозяйства – агрономы, зоотехники и т. д.

Поэтому в 1958 г. было принято партийно-правительственное решение закрыть МТС, а технику продать колхозам. В колхоз же переходили и механизаторы, и специалисты в области сельского хозяйства. А МТС были реорганизованы в РТС (ремонтно-технические станции), в технические базы по ремонту колхозной техники. Колхозы, однако, не смогли расплатиться за полученную технику, и в 1965 г. задолженность колхозов государству была списана.

Следует заметить, что *реформы 50-х гг. касались в основном колхозов.* Совхозы, в распоряжении которых находилась приблизительно 1/3 сельскохозяйственных угодий, этими реформами были затронуты слабо.

В 50-х гг. началось и освоение целинных земель – последний крупный шаг экстенсивного роста сельского хозяйства страны. За короткий срок было освоено около 40 млн га земли, в основном в Казахстане, причем в первые годы целинные земли давали до 40 % государственных заготовок зерна.

4. Экономика ФРГ после Второй мировой войны

4.1. Экономическое «чудо» ФРГ и его причины

Довоенный уровень промышленного производства в ФРГ был восстановлен несколько позже, чем в других европейских странах, только в 1951 г. И не только из-за больших военных разрушений. Восстановление хозяйства задерживали проводимые в стране реформы по ликвидации военной промышленности, по разукрупнению монополий, задерживали финансовое истощение страны и наложенные на Германию репарации.

Но *затем промышленность ФРГ стала ускоренно развиваться*. Среднегодовые темпы роста промышленного производства ФРГ в 1950–1966 гг. составили 9,2 %. За вторую половину века промышленное производство ФРГ выросло в 7,3 раза, тогда как производство развитых стран в целом – в 6,8 раза. В ФРГ производится около 12 % промышленной продукции развитых стран.

Ускоренный экономический рост разгромленной в войне Германии и ее выдвижение в 50-х гг. на 2-е место в мире журналисты называли **«экономическим чудом»**. Чем это «чудо» объяснялось?

Во-первых, *обновлением основного капитала при усиленном участии государства и низких военных расходах*. Поскольку восстановлен довоенный уровень производства несколько позже, чем в других странах, то, следовательно, несколько позже было завершено и обновление основного капитала. А позже – значит на более высокой технической основе, потому что за эти несколько лет производственная техника успела сделать некоторый шаг вперед.

Проводилось обновление капитала в значительной степени силами государства, потому что провести техническое перевооружение ослабленные «разукрупнением» корпорации оказались не в состоянии. Поэтому в первые послевоенные годы налоги на прибыли корпораций здесь доходили до 90–94 %, и эти средства государство использовало для коренной реконструкции промышленности.

Возможность тратить большие средства на реконструкцию увеличивалась благодаря тому, что в 50-е гг. на военные расходы шло только 5–6% государственного бюджета: Потсдамские соглашения запрещали Германии вооружаться. Поэтому те средства, которые в других странах шли на совершенствование оружия, здесь вкладывались в экспериментальные заводы и цеха, в научные исследования. В результате ФРГ оказалась впереди других стран по техническому уровню промышленности.

Во-вторых, в послевоенные годы появилась *возможность развивать те невоенные отрасли производства*, которые много лет подавлялись фашистским государством. Спрос на товары этих отраслей можно было удовлетворить, но, в отличие от других стран, для этого здесь надо было построить новые заводы. Поэтому в 50-х гг. капиталовложения в промышленность ФРГ достигали четверти национального продукта, тогда как в Англии или США они составляли не более 17 %.

Но это были временные факторы. Пока развивалась германская промышленность и насыщала накопленный спрос, пока завершалась реконструкция промышленности, в других странах шла реконструкция предприятий, внутренний рынок стал снова узким.

По мере сужения внутреннего рынка стал *увеличиваться экспорт промышленной продукции*. Занимая 3-е место среди развитых капиталистических стран по промышленному производству, ФРГ занимает 2-е место по экспорту. Она вывозит товаров намного больше, чем Япония, и почти столько же, сколько вывозят США. В 1989 г. на долю ФРГ пришлось 11,4 %

. Коллектив авторов. «Экономическая история мира. Том 4. Экономика СССР в период с 1921 по 1929 годы. Деньги и Вторая мировая война. После Второй мировой войны: экономика ФРГ, Англии, Франции, США, Латинской Америки, Китая, Японии и Восточной Европы»

совокупного экспорта развитых капиталистических стран, а на долю США – 12 %. ФРГ вывозит больше товаров, чем Англия и Франция вместе взятые.

4.2. Объединение двух Германий и его следствия

Итак, темпы экономического роста ФРГ существенно понизились еще до объединения ФРГ и ГДР в одно государство в 1990 г., так что объединение нельзя считать главной причиной замедления роста. Но объединение двух экономик оказалось очень трудным и дополнительно замедлило экономический рост.

Территория ГДР составляла 30 % общегерманской территории, ее население – 15 % населения объединенной Германии. После объединения оказалось, что ВВП Восточной Германии равен лишь 8 % западногерманского. К тому же в 1991 г. промышленное производство Восточной Германии сократилось втрое по сравнению с прежним уровнем. Это произошло в результате реформ, которые переводили хозяйство ГДР на западные стандарты.

Одним из направлений этих преобразований стали приватизация и реституция. Основную часть государственных хозяйственных объектов надлежало продать, до 30 % – вернуть прежним владельцам. У восточных немцев, живших на заработную плату, не было достаточных капиталов для приобретения промышленных мощностей. Они покупали лишь мелкие заведения: аптеки, магазинчики, кафе. Предполагалось, что капиталы сюда пойдут с Запада, но, как заметили авторы монографии об экономическом объединении Германии, «никто открыто не говорил населению Восточной Германии, что за немецкое объединение ему придется раздарить свое общенародное имущество». Да и неохотно западногерманские капиталисты вкладывали сюда свои деньги, потому что, с их точки зрения, хозяйство Восточной Германии находилось в запущенном состоянии: «Ржавые трубопроводы, отслужившие свой срок машины, устаревшая оргтехника, временные бараки». Требовались слишком большие затраты для модернизации этих предприятий.

Чтобы привлечь необходимые капиталы, Ведомству по опеке, которое проводило приватизацию государственных предприятий, пришлось их продавать по бросовым ценам. К лету 1994 г. приватизация была в основном завершена.

Не меньшие трудности были и с реституцией, т. е. с возвращением предприятий прежним владельцам. Прошло слишком много времени, и предприятия надо было возвращать лишь потомкам прежних хозяев, которые не имели никакого хозяйственного опыта. К тому же от прежних предприятий мало что осталось: они были перестроены, в них были вложены государственные средства, на которые не могли претендовать прежние хозяева.

Как и в Советском Союзе, предприятия имели характер социальных клубов, центров общественной жизни. Жилье, школы, медицинское обслуживание – все это было на иждивении предприятия. А теперь завод становился лишь местом работы.

За основу перестройки был принят принцип высокой заработной платы и высоких технологий. Начали с заработной платы. Она в обрабатывающей промышленности была к началу 1992 г. увеличена в несколько раз и составила 50 % от западногерманской, но производительность труда оставалась в три раза ниже, чем в Западной Германии. Внедрить высокие технологии было сложнее, чем повысить зарплату. Предприятия становились убыточными, что дополнительно препятствовало их приватизации.

Возникла и еще одна трудность: хозяйство ГДР было «встроено» в систему Совета экономической взаимопомощи, в составе которого ГДР была одной из наиболее промышленных стран и снабжала другие страны продукцией тяжелой промышленности. Теперь надо было перестраивать внешнеторговые связи, а такая перестройка не могла произойти за короткий срок.

Все это требовало гигантских затрат. Через государственные органы было направлено в Восточную Германию 64 млрд марок в 1990 г. и 113 млрд (т. е. по 7 тыс. марок на душу населения Восточной Германии) в 1991 г. А по расчетам российского обозревателя, на восток

было переведено более 1 трлн марок. Эти огромные расходы замедлили экономический рост ФРГ.

4.3. Государство и экономика

В отличие от Англии и Франции, где в послевоенные годы под давлением левых сил проводилась национализация части хозяйства, в ФРГ такая национализация не проводилась. В распоряжение боннского правительства перешли собственность нацистского государства и часть собственности военных преступников, а в дальнейшем государственный сектор увеличивался за счет бюджетных инвестиций и нового строительства.

Однако увеличению роли государства в экономике страны способствовало то обстоятельство, что, как уже сказано, восстановление хозяйства в значительной степени проводилось силами государства, на государственные средства.

Государственные инвестиции выросли с 5 млрд марок в 1950 г. до 80 с лишним млрд в 80-х гг. Государственные компании дают 95 % электроэнергии ФРГ, 75 % каменного угля, 80 % железной руды, 50 % алюминия, 40 % автомобилей. В руках государства находится почти вся инфраструктура. В кредитной системе страны также господствует государственный сектор. Через государственный бюджет проходило 40 % ВВП в 60-х гг. и около 50 % ВВП в 80-90-х гг. Именно бюджет и является главным инструментом государственного регулирования экономического развития.

Главные органы государственного управления хозяйством – Министерство хозяйства, Министерство финансов и Бундес-банк, т. е. Государственный банк страны. Министерство хозяйства разрабатывает и проводит в жизнь перспективные планы экономического развития, т. е. это плановый орган. Любопытно, что в ФРГ практикуются преимущественно пятилетние планы – Германия выполняет пятилетки, причем довольно успешно. Министерство финансов ведает государственным бюджетом, государственными доходами и расходами. А денежно-кредитное регулирование негосударственного сектора, т. е. воздействие на него путем экономического регулирования, сосредоточено в руках Бундесбанка.

При этих государственных органах действует формально независимый от правительства Совет экономических экспертов, который и определяет основные направления экономической политики правительства. Кроме того, научные советы действуют при всех министерствах, а среди них, конечно, главную роль играют советы при министерствах хозяйства и финансов.

В ФРГ, как и в большинстве европейских стран, практикуется индикативное планирование. Это значит, с одной стороны, прямое планирование государственного сектора: предприятия получают плановые задания, в соответствии с которыми ведется их финансирование через Министерство финансов. С другой стороны, государство стимулирует развитие частного сектора через различные экономические рычаги. Фирма, которая действует в соответствии с государственной программой, получает льготы в налогообложении, льготные кредиты через Бундесбанк. А если в соответствии с государственной программой требуется провести реорганизацию производства, то значительную часть расходов по ней государство принимает на себя.

Государственные предприятия, как правило, убыточны по двум причинам. Во-первых, государство за счет бюджета содержит преимущественно такие отрасли, которые необходимы для хозяйства страны, но не обеспечивают высоких прибылей и поэтому не привлекают частные капиталы: железные дороги, добычу угля и руды, производство электроэнергии. Во-вторых, продукцией и услугами этих отраслей государство обеспечивает негосударственные компании по пониженным ценам, сокращая этим производственные затраты этих компаний и обеспечивая их ускоренный рост. Например, электроэнергия продается населению в три раза дороже, чем промышленным компаниям. Бремя экономических трудностей перекладывается на плечи государства, т. е. на общество в целом.

В качестве стимула для ускорения экономического роста и особенно для обновления основного капитала, например, используется принцип ускоренной амортизации. Амортизации-

онные отчисления освобождаются от налогов, но могут быть использованы только для инвестиций. Естественно, компаниям выгоднее тратить деньги на внедрение новейшего оборудования, чем отдавать их государству.

Первоначально основной задачей государственного регулирования были антициклические меры: государство увеличивало расходы в период спада и не допускало «перегрева» экономики в период подъема. В дальнейшем регулирование поднялось на более высокий уровень. Экономический рост «стал постоянной задачей правительства, превратившись в одну из составляющих его политики».

Особое место в государственном регулировании занимают социальные программы. Государство воздействует на распределение доходов посредством трансфертных платежей, развивает сеть общественных служб: коммунального жилья, образования, социальной инфраструктуры. Были приняты законы о фиксированном минимуме заработной платы, установлена прогрессивная шкала налогообложения прибыли. В 90-х гг. из общей суммы государственных расходов 60 % составляли социальные (а военные – только 5 %).

Почти столько же, сколько на зарплату, фирма должна отчислять на медицинское страхование, страхование от безработицы и прочие социальные нужды. Поэтому стоимость рабочей силы здесь обходится около 26 долларов в час. Это мировой рекорд. На те деньги, которые фирма расходует на одного немецкого рабочего, она могла бы нанять 70 российских.

Из-за социальных программ немецкая фирма должна отдавать государству в виде налогов свыше 60 % своего дохода – это тоже больше, чем в других странах. В частности, эти деньги идут на дотации убыточной угольной промышленности, железным дорогам, сельскому хозяйству. Все это понижает конкурентную способность немецких товаров. Немецкие специалисты утверждают, что в Германии социальный элемент стал перевешивать рыночный, что социально ориентированная экономика стала превращаться в социалистическую.

5. Экономика Англии после Второй мировой войны

5.1. Последствия войны

Закончилась Вторая мировая война. Снова Англия была в числе победителей и снова выигранная война обернулась ударом по британской экономике. Правда, непосредственные военные разрушения на территории островов были, конечно, меньше, чем во Франции или Германии. Эти два главных европейских конкурента на какое-то время были выведены из строя. Но огромные военные расходы подорвали фунт стерлингов. Государственный долг Англии в 1945 г. составил 21,5 млрд фунтов стерлингов.

На помощь пришли Соединенные Штаты. Они предоставили Великобритании заем в 4,4 млрд долл. Правда, из этой суммы вычитались 650 млн в качестве расчета за поставки по ленд-лизу, так что действительная сумма займа составили лишь 3750 млн долл.

Одним из условий предоставления займа было требование резко снизить преференциальные тарифы в странах Британской империи, открыв эти страны для американских товаров. Видный консерватор Эмери по этому поводу писал, что «американское требование отмены имперских преференций равносильно прямому отрицанию права Британской империи на существование».

Предполагалось использовать полученный кредит в течение пяти лет, а затем следовало возвращать долг. Однако заем был растрочен в течение одного года, и в 1947 г. разразился острый финансовый кризис. Чтобы ослабить этот кризис, правительство вводит строжайший режим экономии, в частности сокращает импорт продовольствия, что повысило цены на продукты питания. Эту политику «аскетизма», экономии, понижения жизненного уровня низов населения проводило лейбористское правительство, хоть лейбористы до этого традиционно добивались повышения материального уровня жизни людей. В 1946 г. были введены карточки на хлеб, в 1947 г. – на картофель, хоть даже в годы войны не было нормирования потребления этих продуктов. В отличие от других стран карточная система в Англии сохранялась до 1954 г.

Но и меры жесткой экономии не помогли. В 1949 г. была проведена девальвация фунта стерлингов на 30,5 %, которая повела за собой девальвацию валют во всех странах стерлинговой зоны, т. е. почти во всей Европе и странах Британской империи. Доллар стал дороже, все более приобретая значение мировой валюты, фунт стерлингов утрачивал прежний вес.

Еще в большей степени увеличивал зависимость британской экономики от США «План Маршалла». За время его действия, т. е. с 1948 по 1950 г., Великобритания получила 2351 млн долл, в виде поставок и 337 млн долл, в виде кредита. Приток американских товаров в Англию, конечно, не мог способствовать росту производства этих товаров в самой Англии. Выручка от продажи американских товаров составляла особый фонд, находившийся под контролем США, т. е. расходовать эти деньги можно было только по разрешению американской администрации. Английское правительство было обязано «осуществлять те производственные цели, какие могут быть установлены Организацией европейского экономического сотрудничества» (т. е. органом по реализации «Плана Маршалла»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.